

**Научно-популярный
художественно-публицистический
альманах**

НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№6

*Научно-популярный
художественно-публицистический
альманах*

НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 6

**Высшая народная школа
Иркутский государственный университет
Иркутск — 2020**

**УДК 808.2-82
ББК 84Р7
Н 32**

Народное обозрение: научно-популярный, художественно-публицистический альманах / Ред.-сост. А. И. Гордин. — Иркутск: Типография «Иркут», № 6. — 2020. — 194 с.

**Автор идеи,
редактор-составитель — А. Гордин
Литературный редактор — М. Липина
Общественный редактор — Л. Арсентьева**

ISBN 975-5-604-4846-8-5

**Высшая народная школа
Иркутский государственный университет
Иркутск — 2020**

СОДЕРЖАНИЕ

• <u>Научно-популярная литература</u>	
<i>Кара-Мурза С.</i> О манипуляции сознанием через СМИ.....	5
<i>Гордина О.</i> Мы думали это весна, а это оттепель.....	18
<i>Смирнов В.</i> Андрей Антипин: предпоследний поэт деревни.....	24
<i>Гордин А.</i> Почему я верю писателю Андрею Антипину.....	29
• <u>Публицистика</u>	
<i>Захарян С.</i> Имени Венгера	46
<i>Темников И.</i> Записки спасателя	51
<i>Бельская О.</i> Золотое сечение	71
<i>Байбородин А.</i> Думы о русском.	78
• <u>Проза</u>	
<i>Давыдов И.</i> Сказка о маленьком медвежонке.....	84
<i>Неизвестная А.</i> Яблоко любви.....	101
<i>Кузьмин Н.</i> Осень.....	103
<i>Стружилин О.</i> Рыба.....	105
• <u>Поэзия</u>	
<i>Скороходов П.</i> Русские песни.....	109
• <u>Будущелы</u>	
<i>Сам Самыч</i> Где родились будущелы?.....	122
<i>Гаврилов А.</i> Открытое письмо.....	124
<i>Семёнов З.</i> Как стать журналистом?.....	128
<i>Васильева М.</i> Универсальная формула человечности.....	132
<i>Бронников А.</i> Зарисовки с натуры.....	135
<i>Борисенко А.</i> Эмоциональное насилие.....	136
<i>Цимбалист И.</i> На что или на кого жалуетесь?.....	140
<i>Хмельёва Н.</i> Уличная мода.....	146
<i>Новолоцкий С.</i> Дизайн принта.....	150
<i>Майоров Н.</i> Источник жизни по имени музыка.....	153
<i>Кухтачёва В.</i> Кино и музыка: мешать, но не взбалтывать!.....	155
<i>Мальцева Т.</i> Монологи двух домов.....	157
<i>Шикеева В.</i> Хрупкий и тоненький маэстро.....	160
<i>Петухова М.</i> Пытаясь убежать от себя, себя не найти.....	162
<i>Торопкова Ю.</i> Война на Халхин-Голе.....	164
<i>Заводский В.</i> Шесть тысяч километров автостопом.....	171
<i>Амосова Н.</i> Зотов.....	175
<i>Волгушева М.</i> Одноразовая пошлость.....	178
<i>Кайгородова Е.</i> Экопроповедник.....	181
<i>Стукалова А.</i> Русская рулетка.....	184
<i>Гаврилов А.</i> Лебедь, рак и щука.....	186
• Краткие сведения об авторах	190

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сергей Кара-Мурза

О МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ ЧЕРЕЗ СМИ, или Цели, образ действия и место в культуре средств массовой информации

Становление современного Запада тесно связано с духовным освобождением слова («свобода слова») и появлением технологической возможности массового создания сообщений (изобретение книгопечатания — прессы).

Завоевавшая авторитет наука дала идеологии убедительный метод создания сообщений для прессы.

Так возникли средства массовой информации. Они стали поставлять гражданам готовые мнения в удобной расфасовке.

Английский писатель С. Батлер сказал: *«Общественность покупает свои мнения так же, как покупают молоко, потому что это дешевле, чем держать собственную корову. Только тут молоко состоит в основном из воды».*

Свобода слова («гласность»), а шире — свобода распространения информации, есть ключевой принцип атомизированного гражданского общества и либерального порядка жизни. Принятие этой идеи было культурной и духовной мутацией колоссального значения. Это и означало переход к современному западному обществу, к Новому времени — устранение всех свойственных традиционному обществу запретов (табу) и единой (тоталитарной) этики.

Мы знаем это на обыденном уровне: полная гласность (например, возможность читать мысли друг друга) сделала бы совместную жизнь людей невозможной. Человеческие связи разрываются зачастую просто оттого, что «доброхоты» сообщают тебе то, что ты и так знаешь, но знаешь про себя. Можно утверждать, как общий тезис: с точки зрения сохранения сложных и тонких общественных структур («неатомизированного общества») свобода сообщений неприемлема. Наличие этических табу, реализуемых через какую-то разновидность цензуры, является необходимым условием для того, чтобы сдерживать разрушительное действие информации ниже некоторого приемлемого уровня.

Мы не можем здесь затронуть эту большую тему, заметим только, что цензура и художественные достоинства произведений культуры вообще связаны слабо и не так, как утверждают демократы. Быть может, есть даже обратная связь — без цензуры многие писатели и режиссёры вообще ничего путного создать не могут (пример — Эльдар Рязанов). Отмена цензуры «подтачивает зубы слову». В известном смысле, установление цензуры — признак уважения к слову, признания его силы. Пора было бы об этом поговорить отдельно.

Следует оговориться: свобода слова в буржуазном обществе есть категория философская (как Свобода, Равенство и Братство Французской революции). В реальной практике эта свобода стала предоставляться только в той мере, в которой общественное мнение подчинялось манипуляции.

Юридические запреты на свободу сообщений были устранены в США только в 60-е годы XX века, когда технология манипуляции стала безотказной. Н. Хомский приводит сведения по истории права, согласно которым до недавнего времени в США ни по закону, ни на практике не позволялись публичные выступления без разрешения местных, а иногда и федеральных властей.

Только после 1959 г. этим занялся Верховный суд, который в 1964 г. отменил Закон о мятежах 1798 г. как «несовместимый с Первой поправкой к Конституции». Это решение было принято в связи с апелляцией газеты «Нью-Йорк Таймс», которая была наказана по суду за то, что поместила оплаченное как рекламу письмо группы защитников гражданских прав, которые критиковали шефа полиции г. Монтгомери в штате Алабама.

Закон о мятежах позволял объявить преступлением любую критику правительства. Лишь в 1964 г. Верховный суд постановил, что «мятежная публикация или петиция — критика правительства — не будет считаться преступлением в Америке».

Но практика практикой, а важна и философия. Сегодня политики вернули к жизни старый спор, который вело буржуазное (гражданское) общество с обществом христианским (средневековым) в Европе, а сегодня ведёт со всеми «незападными» обществами, спор о смысле языка — слова и образов.

В уродливой форме этот спор породил, например, конфликт с романом Салмана Рушди «Сатанинские стихи». Хомейни усмотрел в этом романе изощрённое издевательство над исламом и приговорил писателя к смерти. Приговор символический, Иран неоднократно заявлял, что никто не собирается посылать убийц к писателю, который «прячется» на Западе. Но западные издательства не только демонстративно издают роман фантастическими тиражами, но и выбрали Рушди президентом Всемирной ассоциации писателей.

Проблема свободы сообщений совершенно по-новому встала в городском обществе в последние десятилетия, когда средства массовой информации практически полностью вытеснили личное общение как источник сообщений, несущих новую информацию. С середины 1980-х годов в США телевидение стало основным источником новостей для 62% американцев, газеты — для 56%, радио для 13%, журналы для 9%, а прямое межличностное общение — только для 1% (сумма больше 100%, потому что можно было называть более одного источника, что ещё больше снижает значение личного общения).

Таким образом, из процесса получения информации исключается диалог, который создаёт важнейшую защиту против манипуляции сознанием. Получатели сообщений превращаются в толпу в том смысле, что они могут лишь пассивно воспринимать сигналы от «коммуникатора-суггестора».

Во французской монографии «Психологическая война» (1954) указывается на это изменение роли прессы: "В пропаганде речь идёт уже отнюдь не о том, чтобы открыто писать в газете или говорить в радиопередаче, что именно, согласно желанию пропагандиста, индивид должен думать или чему он должен верить. Фактически проблема ставится так: заставить такого-то и такого-то думать то-то или, точнее, заставить

определённую группу людей действовать определённым образом. Как этого достигают?

Людам не говорят прямо: «Действуйте так, а не иначе», — но находят психологический трюк, который вызывает соответствующую реакцию. Этот психологический трюк называют стимулом. Как видим, пропаганда, таким образом, уже не имеет ничего общего с распространением идей. Речь идёт теперь не о том, чтобы распространять идеи, а о том, чтобы распространять «стимулы», то есть психологические и психоаналитические трюки, которые вызывают определённые действия, определённые чувства, определённые мистические порывы».

Средства массовой информации стали главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание. Хотя, конечно, старые инструменты продолжали использоваться, но и они были усилены участием массовой прессы. А. Моль пишет о СМИ:

«Они фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская её через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом всё поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества».

Таким образом, современный человек не может уклониться от воздействия СМИ (под культурой А. Моль понимает все стороны организации общественной жизни, которые не даны природой в первоначальном виде).

Сегодня мало кто верит в объективность демократической прессы, купленной «олигархами», но ведь ещё недавно наша интеллигенция искренне в это верила — вот что удивительно. Ещё удивительнее то, что на Западе никто особенно и не скрывает, что СМИ служат интересам господствующей олигархии и ни на какую объективность не претендуют. Американский король прессы Г. Люс (основатель журналов «Тайм», «Лайф», «Форчун» и многих других) в своём обращении к сотрудникам журнала «Тайм» заявил (1972):

«Мнимая журналистская объективность, то есть утверждение, что автор подаёт факты без какой-либо ценностной оценки, является современной выдумкой, не более чем обманом. Я это отвергаю и осуждаю. Мы говорим: «К дьяволу объективность».

Приятно послушать откровенного человека.

Отметим главные методические приёмы, которые повышают эффективность прессы в манипуляции сознанием.

Фабрикация фактов (прямая ложь). И политики, и деятели современной прессы часто заявляют, что пресса не использует прямой лжи — это и дорого, и опасно. В разных вариантах повторяется такой афоризм:

«Какой смысл лгать, если того же результата можно добиться, тщательно дозируя правду?»

А. Моль пишет, что искажение реальности достигается чаще через процесс *«кумуляции мелких отклонений, происходящих всегда в одном и том же направлении, чем решительных, бросающихся в глаза действий».*

«Honesty is the best policy» — всегда гораздо выгоднее быть честным, если речь идёт о фактах, чем их сознательно замалчивать».

Подчёркивается также, что малые сдвиги, приводящие к «поляризации» потока сообщений, должны быть ниже порога семантической восприимчивости среднего получателя (то есть, в среднем должны не замечаться).

Более реалистично оценивают положение те специалисты, которые считают, что прямая ложь («фабрикация фактов») не применяется лишь в тех случаях, когда её легко обнаружить. Л. Фразер в известном руководстве «Пропаганда» (1957) даёт такую установку: *«Не лги, если есть угроза разоблачения».* А когда разоблачение затруднено недоступностью информации или обходится слишком дорого, пресса лжёт без зазрения совести («в политике слово «правда» означает любое утверждение, лживость которого не может быть доказана»). Особенно легко оказывается лгать, когда ложь опирается на заложенный в подсознание стереотип.

Со мной лично произошёл такой случай. Летом 1991 г. я был в Испании, и у меня попросила интервью главная газета Арагона. Беседовал со мной редактор международного отдела, умный и приятный молодой человек Карлос Р. Интервью получилось на целый разворот, он был доволен, и мы расстались друзьями. 19 августа в Москве произошёл «путч», и уже на завтра мне позвонил Карлос и сказал, что немедленно вылетает в Москву, и спросил, не могу ли я устроить ему встречи с авторитетными людьми.

Я ему помог, и он смог побеседовать с видными деятелями «с обеих сторон баррикад». В частности, все они подтвердили ему, что в Москве не было ни одного случая насилия со стороны военных и что никто не отдавал им приказа о насильственных действиях. Карлос уехал, а в сентябре мне снова пришлось быть в Испании, и он с гордостью вручил мне целый номер, сделанный по материалам его поездки в Москву.

Смотрю — вся первая страница заполнена красочной фотографией: Москва, танк, солдаты, группа людей, поддерживая под руки, ведёт изуродованного человека, всего с ног до головы залитого кровью. И надпись: *«Опять кованый сапог советской женщины... и т. д.».* Я спрашиваю в изумлении: «Карлос! Ты же сам был в Москве! Ты же знаешь, что ничего подобного не было!» Он посмотрел на меня с искренним недоумением: *«Какая разница? Эта фотография дана во всех европейских газетах. Мы её купили. Это же газета, а не научный журнал».*

Постановщик телевизионных спектаклей в избирательной кампании Никсона в 1968 г. Р. Эйлис так объяснял, как организован вошедший тогда в практику «телетон» — передача, в которой кандидат в прямом эфире

отвечает на вопросы, задаваемые по телефону: «Проходить все будет так. Вопросы принимаются телефонистками, затем курьеры бегут с ними к столу постановщика, а отсюда их доставят в сценарную комнату, где наши люди их изорвут и напишут свои. Затем они понесут их Бадю Уилкинсону для художественного зачтения, а выступающий даёт по заготовленной карточке ответ».

Основные методы фабрикации фактов были отработаны уже в ведомстве Геббельса. Они были во многом новаторскими и ставили в тупик западных специалистов. Так, фашисты ввели приём подстраховки ложных сообщений правдивыми, даже очень для них неприятными. В такой «упаковке» ложь проходила безотказно. Большое внимание уделялось провокациям с единственной целью — снять «правдивый» пропагандистский фильм. Так, жителям оккупированного Краснодара было объявлено, что через город проведут колонну советских пленных и что им можно передать продукты. Собралось большое число жителей с корзинками, полными продуктов. Вместо пленных через толпу провезли машины с ранеными немецкими солдатами — и сняли фильм о «встрече».

Одно из важнейших правил манипуляции сознанием гласит, что успех зависит от того, насколько полно удалось изолировать адресата от постороннего влияния. Идеальной ситуацией для этого была бы тотальность воздействия — полное отсутствие альтернативных, неконтролируемых источников информации и мнения. Манипуляция несовместима с диалогом и общественными дебатами. Поэтому перестройка в СССР стала беспрецедентной по эффективности программой манипуляции — все средства массовой информации были в руках одного центра и подчинялись единой программе (тоталитарность контроля за прессой в годы перестройки была несравненно полнее, нежели в «годы застоя»).

Сложность выполнения этого правила, прежде всего, в том, чтобы создать у адресата иллюзию независимости, иллюзию плюрализма каналов информации. Для этого создается видимость многообразия СМИ по типу организаций, политической окраске, жанрам и стилям — при условии, что реально вся эта система подчиняется единым главным установкам. Идеальный случай — когда удается создать (точнее, допустить создание) радикальных оппозиционных источников информации, которые, однако, ограничивают свою информационную борьбу с режимом вопросами, которые не затрагивают сути главных программ манипуляции. А по остальным проблемам оппозиции разрешается извергать самую nepотребную хулу на власть.

Если по ходу воздействия изоляция адресата нарушается (например, появляется неожиданный неконтролируемый источник информации), то чаще всего операция по манипуляции свёртывается, поскольку утрата иллюзии независимости резко усиливает психологическую защиту аудитории. Лучше смириться с потерей затраченных на неудачную попытку

средств, нежели усиливать жертву — дороже обойдётся при следующих попытках.

Любопытный случай разбирает Н. Хомский. В 80-е годы в США велась интенсивная кампания по обвинению СССР в расстановке противопехотных мин в Афганистане (Н. Хомский приводит перечень заголовков статей в крупнейших газетах и официальные заявления США).

Выводя войска из Афганистана, советское командование передало правительству Наджибуллы карты минных полей, а Наджибулла предоставил их во все районы страны, включая те, что были под властью его противников. В связи с этим некоторые американские политики призывали умерить пыл газетной кампании, поскольку позиция СССР и Наджибуллы «могла дать им преимущества в пропаганде». Никаких преимуществ не дала, поскольку ни одна газета об этом не сообщила (по моему, даже в СССР).

Кампания была свёрнута по другой причине. В 1989 году группа добровольцев, морских пехотинцев США, которых заела совесть, поехала во Вьетнам помочь снять мины, которые они сами ставили 20 лет назад. Вернувшись, они сделали резкое заявление о том, что до сих пор во Вьетнаме гибнет от мин много людей, а США отказываются предоставить карты минных полей. Через четырнадцать лет после окончания войны! Это — пример неожиданного сообщения, после которого надо без комментариев прекращать акцию.

Отбор событий реальности для сообщений. Пожалуй, главное условие эффективного программирования мышления — контроль над «информационным рационом» человека. Ясно, что в классовом обществе господствующий класс включает в себя прямых владельцев большей части СМИ и осуществляет экономический контроль над остатком. Для правдоподобия наличия свободы слова оставляется небольшой сектор рынка для оппозиционной печати, которую обычно удается зажать в узкие рамки. Как уже было сказано, ей разрешается ругаться последними словами, но не выстраивать целостное, когерентное представление о реальности. Авторы, которые занимаются такой работой, почему-то быстро перестают публиковаться.

Хорошо построенной системой СМИ является такая, которая при изобилии изданий и передач, разнообразии «позиций» и стилей создаёт и использует одни и те же стереотипы и внушает один и тот же набор главных желаний. Различие взглядов конструируется — разрешается быть и буржуазным консерватором, и анархистом, но при условии, что структура мышления у них одинакова. Разрешается даже по выбору быть сторонником Лужкова или сторонником Березовского, но это уже «свобода без берегов», она возможна только в условиях российского «беспредела».

Говорят, что над мнениями господствует тот, кто определяет структуру потока информации, кто отбирает «факты» и «проблемы», превращая их в сообщения. Кто задал тот вопрос, который якобы волнует

общество? Действительно ли важен этот вопрос на фоне других вопросов? Почему он задан именно так, а не иначе? СМИ не оставляют места для диалога, их хозяин мог бы заявить, как следователь: «Вопросы здесь задаю я!»

Г. Шиллер объясняет причину такого положения: «За исключением довольно небольшой избранной части населения, которая знает, что ей нужно, и потому может воспользоваться массовым потоком информации, большинство американцев попадают, хотя в основном и подсознательно, в лишённую всякого выбора информационную ловушку.

В сообщениях из-за рубежа и о событиях внутри страны или даже в местных новостях практически нет никакого разнообразия мнений. Это обуславливается, прежде всего, идентичностью материальных и идеологических интересов, присущих собственникам (в данном случае тем, кому принадлежат средства массовой информации), а также монополистическим характером информационной индустрии в целом. Информационные монополии ограничивают информационный выбор во всех сферах деятельности. Они предлагают лишь одну версию действительности — свою собственную».

Изъятия фактов и проблем из реальной действительности чудовищны по своим масштабам. Например, в западных СМИ практически отсутствует серьёзная информация об Азии. Из Китая, Индии и даже Японии поступают сообщения лишь экзотические (лунный Новый год, каратэ, китайская кухня), либо отвратительные (секс-туризм, проказа, мафия), либо возбуждающе-политические (терроризм, религиозное насилие, публичные казни торговцев наркотиками).

Г. Шиллер посвящает целую главу своей книги «Манипуляторы сознанием» разбору одного из важнейших в идеологическом отношении журналов США — National Geographic. Тот, кому приходилось его читать, согласится, что в техническом отношении (печать, фотографии, литературная обработка) этот журнал достиг совершенства.

Он, будучи большим и почти научным журналом, завоевал массовую аудиторию (тираж около 5 млн экземпляров, около 17 млн читателей), весь культурный слой США в какой-то период жизни проходит через чтение этого журнала. Журнал готовит и множество популярных телевизионных передач.

В то же время это одно из наиболее идеологизированных изданий, в его опекунский совет входят влиятельные члены правящих семейств США. Как же он формирует американский взгляд на мир? Вот его принцип, сформулированный редактором, который был на этом посту 55 лет: «Журнал освещает лишь благоприятные аспекты жизни какой-либо страны или народа». Только благоприятные!

И это о странах, которые были колониями, а потом стали ареной войн или неоколониальных захватов. Как написал американский историк этого журнала, «читатель, полагающийся исключительно на Geographic, получит

такое же представление об окружающем мире, какое имела Мария-Антуанетта в своих апартаментах в Версале». Достаточно сказать, что в материалах о Китае, опубликованных в 1948 г., вообще не было упоминания о гражданской войне, которой была охвачена страна — а ведь уже в 1949 г. она закончилась образованием КНР, эпохальным событием.

Н. Хомский провёл очень большую работу по количественному анализу отражения важных событий и проблем в информационном потоке американских СМИ (эти данные с подробнейшими таблицами собраны в несколько книг). Красноречивым опытом стало практически полное замалчивание западными СМИ массовых убийств на Восточном Тиморе, захваченном Индонезией после прихода к власти Сухарто (по словам Н. Хомского, в пропорции к населению это были наиболее крупномасштабные убийства после Холокоста).

Захват Восточного Тимора был произведён с согласия и при участии США, и замалчивание этой выдающейся по своей жестокости акции было настолько полным, что в мире о ней почти ничего не знают. Н. Хомский делает общий вывод: «Фундаментальный принцип, который очень редко нарушается, заключается в том, что те факты, которые противоречат интересам и привилегиям власти, не существуют».

Стремясь достичь научной строгости, Н. Хомский находит количественную зависимость между числом и величиной сообщений и политическим интересом тех сил, что контролируют СМИ. Для этого он берёт сходные случаи (проблемы). Так, он подробно изучает область «политические убийства религиозных деятелей» и сравнивает уровень отражения каждого случая в центральных американских газетах и на телевидении.

За стандарт он берёт убийство 19 октября 1984 г. священника Д. Попелюшко в Польше (убийцы были судимы, мотивы убийства не вполне ясны, но пресса США их посчитала политическими). Этому убийству в газете «Нью-Йорк Таймс» было посвящено 78 статей с общей длиной колонки 1 183 дюйма и 46 передач новостей главной компании телевидения США. По сравнению с информационным покрытием убийства Попелюшко самые громкие убийства 100 религиозных деятелей от рук, контролируемых США правых организаций и спецслужб Латинской Америки дают около половины информационного потока. То есть «информационная важность» убийства священника в Польше примерно в 140 раз выше «ценности» аналогичного случая в зоне влияния США.

Ещё поразительнее этот контраст, если ввести качественные характеристики. В Сальвадоре были убиты сразу четыре монахини — гражданки США! Казалось бы, это должно было потрясти страну. Нет, пресса уделила им втрое меньше внимания, чем убийству Попелюшко (а по длине статей — 17%). Более того, в Сальвадоре был убит архиепископ Оскар Ромеро, и как убит — прямо во время воскресной службы в кафедральном соборе столицы. Информационное покрытие в США

составило около 1/5 от освещения смерти Попелюшко (который, кстати, был рядовым священником).

Помимо замалчивания «ненужной» информации и создания таким образом «виртуальной» реальности вместо отражения действительности, СМИ широко используют принцип демократии шума — потопления сообщения, которого невозможно избежать, в хаотическом потоке бессмысленной, пустопорожней информации. Г. Шиллер пишет: «Подобно тому как реклама мешает сосредоточиться и лишает весомости прерываемую информацию, новая техника обработки информации позволяет заполнить эфир потоками никчёмной информации, ещё больше осложняющей для индивида и без того безнадежные поиски смысла».

Серая и чёрная пропаганда. Во второй половине XX века возник совершенно новый тип общественной жизни — СМИ стали использовать технологии психологической войны. Первоначально, после Первой мировой войны, этим термином обозначали пропаганду, ведущуюся именно во время войны, так что начало психологической войны даже рассматривалось как один из важных признаков перехода от состояния мира к войне. Американский военный словарь 1948 г. даёт психологической войне такое определение: «Это планомерные пропагандистские мероприятия, оказывающие влияние на взгляды, эмоции, позиции и поведение вражеских, нейтральных или дружественных иностранных групп с целью поддержки национальной политики».

Г. Лассуэлл в «Энциклопедии социальных наук» (1934) отметил важную черту психологической войны — она «действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка». То есть, как вид воздействия на сознание психологическая война направлена, прежде всего, на разрушение тех связей, которые соединяют людей в данное общество как сложную иерархически построенную систему.

Атомизация людей — вот предельная цель психологической войны.

Если мы представляли, например, советское общество в виде системы с разными типами связей между людьми, группами, общественными институтами, то в каждой передаче «Голоса Америки» было бы легко видеть, какой тип связей является её мишенью. В другом руководстве (1964) говорится, что цель такой войны — «подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится не способным к сопротивлению». Именно это и произошло с СССР — и каждый про себя может вспомнить, в какую сторону он стрелял в той войне.

В наставлении армии США «Ведение психологической войны» вводятся определения типа операций:

«1. Белая пропаганда — это пропаганда, которая распространяется и признаётся источником или его официальными представителями.»

2. *Серая пропаганда — это пропаганда, которая не идентифицирует специально свой источник.*

3. *Чёрная пропаганда — это пропаганда, которая выдаётся за исходящую из иного источника, чем подлинный».*

Психологическая война против СССР стала важной частью холодной войны, что, кстати, является важным признанием того факта, что холодная война не была метафорой. Французский журнал пишет, что с конца 60-х годов «ЦРУ вышло за рамки обычного шпионажа, где, впрочем, не достигло больших результатов, для того чтобы начать действительно современную психологическую войну».

Но здесь для нас даже важнее тот факт, что технологии серой и чёрной пропаганды вошли в обыденную практику СМИ и внутри собственных стран. До этого такие приёмы применялись время от времени и были как бы отклонением от профессиональной этики. Выдающимся успехом чёрной пропаганды считается победа на выборах консерваторов в 1925 г. в Англии.

Тогда несколько миллионов избирателей за несколько дней изменили свои намерения в результате фальшивки, которую распространила пресса («Письмо Коминтерна»). Последующее разоблачение не имело эффекта — никто ведь не докажет, что она повлияла на избирателей, да они и сами этого не знают.

Шире всего применяются в СМИ, конечно, приёмы серой пропаганды — «информация из первых рук, высосанная из пальца». Ради них СМИ долго боролись и добились законного права «не раскрывать источник информации». Не просто обычными, но господствующими стали ссылки на «высокопоставленного чиновника из кругов, близких к..., который пожелал остаться неизвестным». Таким образом, источник не идентифицируется, и никакой ответственности СМИ за ложное сообщение не несут. В России мы эти приёмы уже испытали на себе в полной мере.

Большие психозы. Главная функция СМИ в гражданском обществе состоит, как ни парадоксально, в превращении граждан в огромную, но не собранную в одном месте толпу — через массовую культуру и единый поток информации, которые «отливают умы в единообразные, стандартные формы и обеспечивают каждой человеческой единице соответствие заданной модели». Уже А. Грамши отметил, что «стандартизация образа мысли и действия достигает национального или даже континентального размаха». В этом он видел кризис гражданского общества, выход из которого был, по его мнению, возможен лишь через борьбу снизу за гегемонию здравого смысла (при том, что это — тоже один из видов конформизма).

Средний обыватель верит самым нелепыми утверждениями, хотя здравый смысл, по меньшей мере, заставил бы его усомниться. Со стороны это видно лучше. Вот мелкий случай. На Западе человек,

работающий в университете, тем более левых убеждений, считает своим долгом заявить, что он не верит прессе и телевидению. Сознательно — да, но нет возможности воспринимать всю информацию сознательно. Как-то в Испании нас с женой на Пасху пригласили друзья в деревню, к их родителям. Наши жёны занялись на кухне, и я слышу краем уха разговор. Спрашивает подруга мою жену:

— Как же вы жили в СССР без трикотажа?

— В каком смысле?

— Но ведь в СССР не производился трикотаж.

— С чего ты взяла?

Слышу в голосе подруги замешательство:

— По телевизору всегда говорили...

— Но ведь ты говоришь, что не веришь телевизору.

— Да... Но трикотаж...

Это может показаться курьёзом, но в такой ситуации западный человек находится в отношении ко всем проблемам бытия, и каждый (а может быть, далеко не каждый) вырывается из-под этого влияния лишь в какой-то очень узкой области. Да мы и сами недавно были такими и мало ещё изменились. Ещё недавно дамочка на телевизионных дебатах жаловалась Г. Попову на то, что «в Советском Союзе не было секса».

Континентального (а теперь уже и межконтинентального) размаха «толпообразующее» действие СМИ приобретает потому, что они образуют единую сеть, которой действительно накрывают всю массу людей, не имеющих ни времени, ни навыков для критического восприятия сообщений.

А. Моль описывает конкретный случай цепной реакции сообщений:

«Корреспондент страсбургской газеты, прогуливаясь в районе исторической линии Мажино, обнаруживает, что какое-то предприятие производит там работы по восстановлению обрушившегося блиндажа, и пишет об этом заметку в разделе местных сообщений. Эта заметка попадает на глаза местному корреспонденту парижской газеты, который перепечатывает её по той простой причине, что она по размеру точно дополняет текст составленной им подборки до полной машинописной страницы.

Новость попадает в Париж, где на неё не обращает внимания никто, кроме корреспондента иностранной газеты, пересылающего её в свою редакцию. Затем через иностранное агентство печати сообщение попадает в нью-йоркскую газету, которая публикует его на второй странице. Там его находит и отбирает редактор парижской газеты. Все газеты, которые следят за этой парижской газетой и за «Нью-Йорк Таймс», воспроизводят эту новость под крупным заголовком, что в конечном счёте приводит к соответствующим дипломатическим объяснениям».

А. Моль привёл случай спонтанного, самопроизвольного возникновения маленького лавинообразного процесса. Но нередко такие

процессы запускаются целенаправленно, и потом стоит многих усилий их блокировать. Пожалуй, одним из крупных недавних психозов, созданных СМИ, является паника в связи с болезнью «бешенства коров» в Англии. Цели операции не вполне ясны и будут обнародованы не скоро.

Суть была в том, что вдруг во всей европейской прессе валом пошли статьи об эпидемии болезни коров, которая заразна для людей (при этом разрушается ткань головного мозга). В Великобритании от этой болезни умерло 10 человек, в газетах были опубликованы их биографии, вплоть до описания мясных блюд, которые они ели. Под давлением массового психоза руководство ЕЭС приговорило Англию к беспрецедентному наказанию — немедленно уничтожить всех коров в возрасте свыше трёх лет и сжечь их трупы.

Разумеется, был наложен запрет на экспорт мяса и т. д. Если бы эти санкции были реально выполнены, результатом была бы катастрофа английской экономики (шутка ли — забить в одночасье и уничтожить треть крупного рогатого скота). Психоз расширился, возникли фирмы по проектированию и строительству коровьих крематориев. В кратчайший срок сжечь миллионы туш — небывалая техническая проблема.

Миф «бешенства коров» был создан средствами серой пропаганды. Установить его истоки по выступлениям прессы и телевидения было невозможно. Сначала ссылались на научную статью в известном журнале *Lancet*, но учёные тут же открестились, а опубликованные в газетах выдержки из этой статьи никаких оснований для паники не давали — в ней лишь предполагалась возможность связи между болезнями коров и людей. Но ведь и коровы могли заражаться от людей, а не наоборот.

Да и вообще 10 умерших за всё время с момента открытия болезни — величина абсолютно ничтожная, таких странных болезней множество. Когда паника захлестнула Европу и люди перестали покупать говядину, в прессу стали просачиваться очень осторожные отрезвляющие сведения. Оказывается, в Испании от этой болезни умерло 53 человека, в Швейцарии ещё больше. Но поразительным образом никто в ЕЭС не пытался поставить вопрос о санкциях против Испании или Швейцарии — и в то же время никакие просьбы Англии о помиловании не действовали.

Проблема была снята из СМИ какой-то новой сенсацией, так что о «бешенстве коров» все просто забыли. Никто уже не помнит, чем кончился этот скандал, — о нём в СМИ больше не было ни одного сообщения. Как сняли с Англии санкции, на каком основании, — никто не знает и не интересуется. Чудесным образом исчезли крематории и фирмы, которые их собирались строить. Люди вперились в другой спектакль.

Из книги С. Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием»

Ольга Гордина

МЫ ДУМАЛИ ЭТО ВЕСНА, А ЭТО —ОТТЕПЕЛЬ...

В начале 90-х в образовательном пространстве России, переживающей жесточайший системный кризис, случился вопреки всему инновационный прорыв. До школы особенно никому уже не было дела, и у педагогического сообщества, живущего фактически без зарплаты, как ни странно, появилось некое ощущение свободы и возможности педагогического творчества. Парадокс этого времени заключался в том, что в среде педагогов-практиков формировалось новое концептуальное педагогическое мышление. Как непосредственный участник этих школьных трансформаций, спустя около трёх десятилетий, смотрю на этот период с удивлением и восторгом. Пытаясь в данном опыте определить и обосновать очертания современной школы, мы не отдавали себе отчёта в том, что её будущее в условиях

социально-экономической неопределённости мало предсказуемо. Верилось, что можно существенно уменьшить эту неопределённость грядущего, если из различных альтернатив и прогнозов выделить множество наиболее желаемых и одновременно наиболее реальных шагов, простирающихся в будущее, которое поддаётся управляемому воздействию.

В этот период открывались неведомые ранее инновационные учебные заведения, названия которых выплыли из дореволюционной прошлой России: лицеи, гимназии. Но содержание и технологии организации учебного процесса были абсолютно современными, адекватными вызовам времени.

Опыт, о котором пойдёт речь, формировался в городе Усолье-Сибирское Иркутской области. Все «прелести» развала страны коснулись этого в прошлом развитого индустриального центра. На фоне жуткого кризиса наша команда педагогов, которым было 30-40 лет, творила гимназию. Именно творила! Мы изучали многочисленные исторические и современные педагогические модели, сами создавали всю нормативную документацию, которая, как мы полагали, должна была оптимально обустроить нашу школьную жизнь. У нас учебные циклы в течение года

были равными по количеству дней, а каникулы (их стало больше!) были исключительно творческими, именно в этот период было погружение во все формы воспитательной работы. Ох и уставали мы в эти каникулы! Но при этом были очевидны результаты наших усилий: сплочение классов, проявление новых лидеров, одарённостей.

Сменились содержательные акценты и методические подходы. Приоритетным стало *проблемное обучение*. Школьная жизнь наполнилась новыми спецкурсами, разрабатываемыми и внедряемыми в педагогическую практику учителями гимназии. Некоторые изучались всеми учащимися (психология, риторика, стилистика, эстетика, философия, образ человека в музыке и др.). Другие спецкурсы предлагались на выбор учащимся (человековедение, педагогика, искусство мыслить (логика), «Грани творчества», «Космос театра», польский язык и польская культура, немецкий, английский и французский языки (углублённое изучение) и др.). Театр, который с первого по третий класс изучался всеми гимназистами как обязательный предмет, а потом с пятого до одиннадцатого класса преподавался как спецкурс по выбору, стал органичной частью учебного процесса. В каждом новом учебном году на выбор ребятам предлагалось от тридцати до тридцати пяти спецкурсов. Эти уроки являли собой вдумчивый разговор о человеке, способствующий личностному развитию наших гимназистов, формированию у них желания и готовности мыслить, быть активным, творить себя.

*Под хрупким парусом тетрадного листа
Мы небеса и земли открываем,
Здесь чудятся великих голоса,
Эпохи чередою проплывают...¹*

Пели гимназисты гимн, сочинённый их учителями, и верили, что под этим «хрупким парусом» можно чувствовать себя понятым и защищённым. Романтика школьной жизни многих ориентировала на выбор профессии педагога и поступление в педкласс гимназии.

Образовательный процесс в педагогическом классе заслуживает особого внимания. Все программы были авторскими. Их разрабатывали сами молодые учителя, исходя из своих представлений о том, что послужит личностному и профессиональному становлению будущего педагога.

Уроки человековедения, психологии, педагогики, театра и т. д. помогали постижению старшеклассником его субъективного мира, давали навыки работы над собой, ориентировали на самопознание и самосовершенствование. Каждый из этих предметов включал в учебный процесс творческие задания, которые будили мысль и вдохновляли к действию. Это было чрезвычайно занимательно и даже дерзко. Например, на уроках человековедения учащимся предлагалось создать образ гордыни,

---

¹ Слова из гимна гимназии № 1 г. Усолья-Сибирского: слова О. Гординой, музыка А. Гордина..

ханжества, добра, любви, нежности и т. д., используя любые выразительные средства. И рождались стихи, рисунки, музыка, фигурки из пластилина, пластические импровизации...

Среди выпускников педкласса много педагогов, но есть и режиссёры, сценаристы, учёные, управленцы, дипломаты и др. Главное, чему научил их педкласс — это получать радость от творчества, которое здесь было нормой.

Вопрос на уроке эстетики: «Искусство — создание нашей цивилизации или оно неизбежно возникнет в среде любых гуманоидов?» — вызывал острую дискуссию в 10-м классе, где предметом обсуждения становился человек и его духовный мир. Вспоминается озарение десятиклассницы: «Я поняла — наука движет человечество вперёд, а искусство ввысь!»

Тренинговое упражнение «Оранжевые острова» на спецкурсе «Искусство мыслить» вводило ребят в сложный мир народной культуры — языка, традиций. Особенность упражнения в том, что и народ, проживающий на одном из оранжевых островов, и, конечно же, его язык и традиции — вымысел, продукт творчества микрогруппы старшеклассников.

Как правило, творческие задания выполнялись как этюды, они увлечённо проигрывались на самых разных предметах, в разных возрастных группах. Знание, предлагаемое для восприятия на спецкурсах, обязательно переживалось через творчество, через действие. Это «живое знание», построенное в условиях микрогруппы каждым учащимся, становилось его индивидуальным достоянием, личным опытом. Педагогические технологии, альтернативные традиционной (репродуктивной по сути) системе обучения, а именно: тренинги, философские столы, уроки-погружения, и др., были ориентированы на организацию процесса совместного поиска истины, самостоятельного открытия. Учитель создавал пространство сотворчества — и сам развивался в нём.

Существенно, что работа над новой учебной программой, овладение прогрессивной методикой были инициированы *самими педагогами*, мотивация к профессиональному росту, личностному развитию в гимназии была очень высокой. Атмосфера сотворчества, жажды обновления создавала предпосылки для качественного изменения всего образовательного процесса, способствовала формированию нового педагогического мышления, поднимая его до уровня теоретических обобщений. Пожалуй, закономерно, что на базе гимназии были написаны и успешно защищены её педагогами четыре кандидатских диссертации по педагогике.

Педкласс (10-11 классы) был стержнем всего воспитательного процесса. Ребята курировали младшие классы. Делали это очень творчески и ответственно, как педагоги.

Из обращения педагогов к выпускникам педкласса в год его десятилетия:

Наша встреча — это настоящее чудо. Десятилетия пронеслись. Вы давно стали взрослыми. Мы тоже изменились... Но есть, наверно, какая-то крепкая нить, которая держит, не отпускает. Это наша общая жизнь в педклассе, яркая, насыщенная интересными делами, серьёзными духовными исканиями. Все было по-взрослому в педклассе, и мы, учителя, учились и выросли вместе с вами.

Новые подходы к целям, содержанию и процессу образования предполагали диалоговый стиль общения. Принимаемая сегодня постмодернистская позиция множественности истин уводит учителя от роли изрекающего единую и абсолютную истину и развивает позицию человека, организующего ситуацию поиска истины. Вот только не надо это путать с виртуальным обучением! Учитель и ученики конструируют знание каждого в условиях продуктивного и только *реального* взаимодействия! Утверждая равенство позиций, субъект-субъектные отношения, ориентируясь на расширение социальных взаимодействий, организацию широкого спектра разновозрастных коммуникаций, школа воспринимает их как встречу и взаимообогащение опытов всех участников диалога — и взрослого, и ребёнка.

Принцип равенства опытов был воплощён в деятельности гимназического театра «КОТ» (Каждый Обязательно Талантлив), пресс-центра «Будущел» (человек, идущий в будущее), студии авторской пьесы «Арт-студия-207» (207 — просто номер учебной аудитории, где творили театралы, но как звучит!) и т. д. Диалог — «окно в мир сотворчества».

Доверительные, искренние отношения, установившиеся в образовательном пространстве гимназии между детьми и взрослыми, — это и результат, и предпосылка совместного творчества в разновозрастных группах. Автору доводилось ставить спектакли с каждым выпускным классом гимназии. Это была традиция. Каждый класс прощался с гимназией, показывая свой спектакль, как правило, это была инсценировка любимшегося рассказа, повести, сказки... Репертуар включал в себя произведения Д. Хармса, О. Мандельштама, О. Генри, Экзюпери, П. Вежинова, братьев Стругацких и многих других авторов, и это всегда было общешкольным событием. Часто старшеклассники приглашали на какие-то роли своих родных, друзей. Это был риск и дополнительная сложность для режиссёра. Но не было ни одного случая, когда бы присоединившиеся к творческой группе люди нас

подвели. Волновались, переживали, радовались не меньше нашего. Объединяя участников и раскрывая каждого человека в процессе работы над спектаклем так, как в это обычно происходит в экстремальной ситуации, театр творил чудеса. Часто главные роли доверялись застенчивым, незаметным ребятам. И они справлялись! Но особенно вспоминается спектакль «Доживём до понедельника», в котором самозабвенно играли и учителя, и гимназисты.

В качестве главного эффекта развития ребёнка в процессе творческого диалога с ровесником, с учителем следует выделить ориентацию на формирование способности к диалогу с человеком, с окружающим миром в целом.

Жизненно важно, чтобы рядом с ребёнком оказался взрослый, способный помочь ему духовные ценности отечественной культуры сделать личностным достоянием. В гимназии много размышляли, дискутировали на философских столах о таких понятиях, как «интеллигентность», «коллективизм», «соборность»... Вспоминая, на каком социальном фоне это происходило (разгул преступности, наркомания, нищета...), удивляешься, как хватало сил создавать этот оазис чистоты и духовной силы.

В связи с этим встаёт вопрос о значимости тех, кто оказывается в образовательном пространстве, их личностном значении для учеников. Особенность отношения к значимому взрослому состоит в том, что он пользуется безграничным доверием. Его мнение, его поступки не нуждаются в аргументации. Такой учитель становится частью внутреннего мира ребёнка, а его вкусы, нормы и ценности принимаются детьми как свои. Личная значимость — это мощный источник педагогического влияния. Ученический опыт — важнейшая часть жизненного опыта личности. Здесь закладываются ценностные ориентации и намечается траектория жизненного пути. В школе всё происходящее имеет важнейшее значение. Не готовится ребёнок к жизни. Он живёт, причём в урагане страстей, переживаний, преодолений, утрат, открытий...

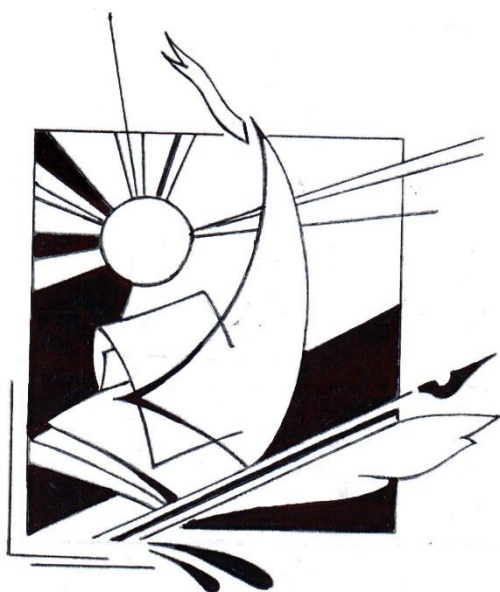
Продолжая педагогическую деятельность в современных условиях (уже привычно кризисных и априори антипедагогических), вспоминая инновационный опыт 90-х, понимаешь, что это была своего рода оттепель в образовании. Яркий миг педагогического творчества, который ещё ждёт своего осмысления, и хотелось бы верить, переноса в школу будущего.

На фото:

1. Автор статьи во время «педагогической оттепели» в 2000 году.
2. Обложка программки школьного спектакля «Бубен Верхнего мира» по произведению В. Пелевина.
3. Обложка программки школьного спектакля «Шутка мецената» по рассказам М. Зощенко.

ГИМН ГИМНАЗИИ №1
г.Усолья-Сибирского Иркутской области

Под хрупким парусом тетрадного листа
В прозрачные отправимся мы дали,
Где дружба бескорыстна и чиста
И бледный Блок пророчески печален.

Припев:
*Попутного ветра! Удачи в пути!
Где ты обретёшь прозреньё.
Виват, гимназия! - Смелей плыви
Под парусом вдохновения!*

Под хрупким парусом тетрадного листа
Мы небеса и земли открываем.
Здесь чудятся великих голоса,
Эпохи чередою проплывают.

Придёт разлуки час, и будет грусть светла.
Нас встречный ветер, вряд ли, испугает!
Прости, гимназия, прощай родной причал,
И парус в дымке медленно растает...

Слова О.Гординой

Музыка А.Гордина

**Детская независимая от взрослых газета «БУДУШЕЛ» №14,
16 июня 1995 г.**

**На рисунке Александра Бондаровича
герб гимназии №1
г.Усолье-Сибирского**

- Мысли вслух

Вадим Смирнов

АНДРЕЙ АНТИПИН: ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ ДЕРЕВНИ

Мы живём в эпоху, когда любовь всё сложнее отделить от жалости: чувство общности от чувства превосходства. Нашим предкам-писателям было легче: они искренне жалели свой крестьянский народ, как наиболее гуманные колонизаторы жалели диковатых, но добрых душой туземцев, считая это проявлением любви. Литератор девятнадцатого века, сделавший мужика главным инструментом в борьбе против самодержавия, при всём желании не мог преодолеть мировоззренческий барьер между ним и собой. Он честно погружался в культурное пространство крестьян, уделял немного искренней жалости этим «несмышлёным тварям», а потом возвращался в свой, цивилизованный, мир дубовых карет и железных дорог. И даже те писатели, которые пытались понять мужика, видели в нём, образно говоря, существо другой вселенной.

Так было, пока в веке двадцатом не заговорил сам крестьянин. Делясь своей, крестьянской, правдой, он, не требуя жалости, сокрушался о гибели горячей любимой деревни. Пока Клюев предпочитал подснежники заводам, а Есенин гонял жеребят наперегонки с поездами, традиционный крестьянский быт, который так стремились разрушить просветители, распался на части. Мужик же, «заботливой» рукой политиков вынутый из пещеры феодализма, брошенный в омут рынка, чувствовал себя абсолютно потерянным.

Индустриализация и соцреализм снова превратили крестьянина в лубочного героя: кинематограф транслировал массам образы простаков-комбайнёров и предприимчивых свинок, радостно поднимающих колхозы. Когда отгремела война и герою разрешили снять с лица улыбку, крестьянин заговорил голосами Сергея Залыгина, Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Валентина Распутина. Последний топил Матёру водами Братской ГЭС, живописуя крестьянское горе о потере родной земли. Он изображал деревенский мир без прикрас, показывая разобщённость его обитателей, но видел в нём силу и честность.

Неоднократно убитая деревня добралась до нашего времени. Жителей села как-то совсем неловко называть крестьянами, их быт в

очередной раз перекроила смена режима в стране, но крестьянская тема не покинула искусство. Чаще всего сельчане глядят на нас с телеэкранов лицами добрых простаков из дешёвых сериалов. Они живут и на страницах книг, неожиданно возникнувших многочисленных новых «деревенщиков» из числа самодельных писателей, которым сегодня никто не может запретить портить бумагу и причислять себя к труженикам пера. Современная деревенская проза неоднородна, её нельзя назвать течением, ей сложно найти читателя. «Деревенщики» текущего столетия и сами не всегда могут понять, просят они любить деревню или её жалеть.

В Иркутской области роль летописца современной деревенской жизни взял на себя Андрей Антипин². Он уникален уже тем, что стал публикующимся писателем, не переезжая в город. Не понаслышке представляя мир, о котором пишет, Антипин несёт читателям современную крестьянскую правду, какой её видит сам: мрачную, жестокую, обречённую. Эта правда, одновременно, и стержень его произведений, и тиски, в которые писатель добровольно зажал своё творчество, не давая ему простора для развития.

При первом знакомстве с текстами Андрея Антипина главное не потонуть в бурлящем потоке диалектизмов, просторечий и архаизмов, который запросто может отвлечь читателя от основной авторской мысли. Окунувшись в его творчество, городскому читателю придётся гадать, что такое «сёгоды», кто такие «заугланы», где находится «угор», как это — «допрежь», и когда поле бывает «пуржливым». Он любит подбирать эпитеты, ещё больше любит олицетворения. Так, через язык, Антипин помогает нам погрузиться в восприятие мира человека, родившегося и выросшего в современной деревне.

Его герои, все как один, живут у берегов Лены и мыслят на том же крестьянском наречии, на каком говорят. Спившиеся старики, сварливые старухи, очерствелые мужики, шумная молодёжь, непослушные дети: вместе они формируют единое ценностно-смысловое деревенское пространство, затерянное где-то в глубине Иркутской области.

Деревня у Антипина живёт в состоянии постоянного кризиса: советское наследие рассыпается, местным властям на всё плевать, молодые люди уезжают в города, старики — основные хранители деревенских устоев — умирают. Кризис лишён развития, нет у него и конца, а есть лишь начало, ярко описанное в повестях «Соболь на счастье» и «Теплоход „Благовещенск“». Художественно осмыслены в них девяностые годы, когда реставрированные рыночные отношения, помноженные на нищету, обнажили все людские желания и пороки. Антипин мастерски передаёт ощущение растерянности во время очередного слома деревенского уклада жизни, когда рушатся мечты и семьи.

---

² Взял вслед за А. Г. Байбородиным, автором многочисленных рассказов, нескольких романов и повестей «Утоли мои печали», «Деревенский бунт» и т. д. За повесть «Деревенский бунт» А. Г. Байбородин был награждён в 2018 году первой премией им. В.Г.Распутина (примечание редакции).

В «Соболе на счастье» предприимчивые горожане наживаются на слепой надежде сельчан разбогатеть, распространяя через них некачественный ширпотреб и загоняя их в долги. А в это время предоставленные сами себе деревенские дети зализывают до дыр эротические наклейки-раздевалки из пачек китайской жвачки, которой торгуют их же родители. В «Благовещенске» изображён контраст сельского быта с мечтами жителей деревни о лучшей жизни, воплощёнными в образе красивого белого теплохода, каждый день проплывающего перед нищими сенокосцами.

Противоречивые времена созданы противоречивыми людьми и таких же людей порождают. От неискренних творцов Антипина выгодно отличает желание разобраться в душевных переживаниях своих героев. Писатель досконально изучает психологию простого человека, ищет в нём глубину, не обусловленную образованием, интеллектом, гражданской позицией. Любой герой Антипина неоднозначен. Иван Матвеевич из повести «Плакали чайки» — герой войны, всю жизнь честно трудившийся ради семьи и страны. Но этот же Иван Матвеевич по-чёрному пил, избивал жену, тиранил приёмных детей и не пускал на порог родную дочь, ставшую жертвой мужа. Антонина Сергеевна из «Соболя на счастье» ради семьи ввязывается в рыночную авантюру и теряет не только деньги, но и расположение окружающих. Дядя Лёня из «Шёл я лесом-камышом» упрекает вахтовиков в разграблении Сибири, хотя сам всю жизнь занимался тем же.

Антипин делает всё, чтобы очеловечить мужика, показать его с самых симпатичных и самых неприглядных сторон. Позволяет читателю влезть своему герою в голову и откуда посмотреть на проблемы провинциального мира его глазами. Примерив этот взгляд, иногда хочется сочувственно вздохнуть, а иногда вздрогнуть от омерзения.

Через судьбы разных персонажей писатель выстраивает жизненный цикл одного явления: детские мечты о покосе и кирзовых сапогах, юношеские попытки побега, взрослые скитания, и неизбежное возвращение к деревне в старости.

Так Антипин формирует тип современного крестьянского героя — это, вместе с красочным языком и умением в бытовых образах разворачивать глубочайшие метафоры, роднит его с классиками. Но главная черта творчества писателя, также свойственная высокой литературе, — непрекращающийся поиск правдивого национального начала. Национального, потому что правдивого, и правдивого, потому что национального. У традиционалиста Антипина эти понятия близки к тождественности.

Именно поэтому он с такой страстью одушевляет землю, на которой растёт человек, и природу, его окружающую. Поэтому же всё время норовит вернуть один из вросших в культурный код образов: если печка, то обязательно русская, если водка — белая, берёза — девственная,

слёзы – горячие, земля – исстрадавшаяся, какой может быть лишь земля, обильно политая кровью и засеянная металлом.

Поиск правды водит Антипина по пространственно-временным измерениям, заставляя его то беречь детские раны, то загребать руками кормилицу-землю, то хвататься за Сибирь и суровую сибирскую ментальность. Эти измерения, вместе с глобальным российским и народным пространством, сходятся у Антипина в деревне. Россия — огромная, а крохотная деревня — самое её ядро, и в нём, как в слоёном пирожке, уместаются все слои народного бытования.

Деревня в творчестве Антипина — главный герой и одновременно главный злодей. Она, легко разрушаемая извне, свалившимися на её голову в очередной раз социально-экономическими «преобразованиями», терзающими страну, но и сама, как всегда, «прекрасно справляется» с саморазрушением традиционными для неё методами, наподобие, «сами варим, сами пьём», «моя хата с краю», «стыд глаза не ест». Деревенская среда взрастила Ивана Матвеевича, чтобы он, не как конкретный человек, а как явление, мог взрастить поколение полублатной-полуфашиствующей шпаны, готовой спалить всё дотла. Деревенская среда создала инфантильную горе-коммерсантку Антонину Сергеевну, не готовую к жизни в рыночном мире. Создала мужчин, чьи интересы не простираются дальше покоса, и женщин, живущих сбором картошки и суетливой заботой о детях. А также безликую толпу деревенских жлобов, которым в этой жизни, говоря их же языком, всё «по барабану»: и огромный мир за горизонтом, и маленькие люди, живущие по соседству.

Антипинская деревня географически изолирована от остального мира и самодостаточна. Образ города, серого и холодного, возникает только в контексте чьих-то перемещений между ним и деревянной избой. Где-то в далёком прошлом расплывчато маячат всесоюзные стройки и сельскохозяйственные училища, по которым довелось путешествовать старшим. Другая жизнь существует лишь в пространстве воспоминаний и чаяний героев, но и представления о ней ограничены образами белого парохода, красной «Нивы» и непонятно откуда берущихся денег. Как и в прозе прапрадедов, есть два мира: в одном находится деревня, а в ней умирают старики, и мир этот заканчивается у сохи. И есть другой, непонятный героям, в котором они способны только бесследно исчезать. Читателя Антипин пропускает лишь в его отдельные, сжатые до размера больничной палаты, уголки.

Из-за этого возникает ощущение двойственности авторской мысли. С одной стороны, описывая частный быт, Антипин пишет о глобальном: о социальном расслоении, о кризисе деревенского сознания, о ненужности обществу целого пласта людей, об извращенности общественных отношений и многом другом. С другой, он полностью ограничивает своего героя в познании, не даёт ему взглянуть за таёжный горизонт. А без этого

рост героя невозможен, ему остаётся только топтаться у себя во дворе и не понимать, отчего душе его так плохо.

Антипинский герой заперт в деревне. Там он лишён и некрасовской трогательности, и есенинской вольности, и распутинской силы. Чтобы его освободить, а потом отправить на перевоспитание, деревню из рассказов писателя хотелось бы сжечь, а потом заровнять бульдозером. Честно знакомя читателей с её противоречивым бытом и ещё более противоречивыми героями, Антипин, желая или не желая этого, мастерски объясняет, почему в своём нынешнем виде деревня существовать не должна.

Видимо, сам устав от этой мысли, он уже не пишет с той лёгкостью, с которой создавал материал для своих первых двух книг, вышедших в 2012 году. Похоже, что Антипин зациклился на сумрачных стариках и старухах, его поздние рассказы окончательно растеряли сюжетность и больше походят на набор зарисовок деревенского быта. Но главное, чем новее текст, тем он спокойнее, тем кажутся обыденнее все описанные в нём ужасы и, одновременно, безысходнее изображённая ситуация.

Отказавшись расширить свою вселенную, писатель начал копать вглубь, но упёрся в барьер, за которым мысли нет. И либо деревенская тема не глубже, чем Антипин её уже раскрыл, либо «рыть» нужно под иным углом. А подчёркивая последствия кризиса девяностых, он проглядел другой, менее очевидный, но, возможно, последний слом деревенского быта, связанный с компьютеризацией жизни. Поэтому взгляд Антипина на современную жизнь, каким бы честным он ни был, — это взгляд старика, крепко укоренившегося во взглядах, от которого ускользают происходящие в мире изменения.

Рассматривая под лупой деревенские язвы, препарирруя образы спившихся ветеранов, хлопотливых наседок-старух, никому не нужных стариков и озлобленной молодёжи, Антипин словно пытается найти настоящую Россию и пожалеть. Но сумеет ли он, а вслед за ним читатель возлюбить её, такую жалкую, после этого?

Взвалив на плечи бремя летописца деревни, он вынужден переваривать в своём сознании тяжёлые мысли о судьбе русского мужика и целиком отдавать им весь свой литературный талант. Он не ищет широкого признания, не заискивает перед читателем, а просто печально повторяет: маленькая деревня вот-вот растворится в огромной России без следа. Он рисует её жалкой, но не просит жалеть. Пишет о ней с любовью, но не просит любить. А просит лишь об одном: не забывать.

Может показаться, что Антипин рассказал о деревне в момент её агонии, но он всё же не последний деревенский поэт: последний, если такой случится в русской литературе, будет писать некролог.

Александр Гордин

КАПЛИ МАРТА, или Почему я верю писателю Андрею Антипину

В повестях «Капли марта» и «Соболь на счастье» Андрея Антипина³ главный герой — ребёнок. Через призму его сознания показана Россия 90-х годов прошлого столетия, какой она виделась глазами и душой ребёнка, которая ещё пока не замутнена взрослыми тяжеловесными умозаключениями и политическими лозунгами. У ребёнка своё детское представление о счастье, горе, справедливости, лжи и правде.

На фото: писатель Андрей Антипин

Этот художественный приём повествования, конечно, не новый. Достаточно вспомнить в мировой литературе такие художественные произведения, как «Алиса в стране чудес» Л. Керолла и «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг⁴, в русской литературе — рассказ «Ванька Жуков» А. Чехова, в сибирской литературе рассказ «Рудольфио» В. Распутина или первые главы повести «Утоли мои печали» А. Байбородина. Существуют сотни других литературных произведений, написанных в разные века, в которых взрослые дяденьки-писатели и тётеньки-писательницы пытаются глядеть на окружающий мир и самих себя глазами ребёнка.

Детское зрение всегда умиляет сердце и трогает душу читателя, у которого невольно возникают из небытия памяти картины из

³ Антипин Андрей Александрович — (19 августа 1984 с. Подымахино Усть-Кутского р-на Иркутской области) — писатель-прозаик. В 2008 году Андрей заочно окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Живёт в родном селе.

⁴ Джоан Роулинг (Ролинг, англ. Joanne Rowling; 31 июля 1965) — английская писательница, пишущая под псевдонимом Джоан Кэтлин Роулинг (Joanne Katheline Rowling).

собственного детства, припоминаются детские ощущения от восприятия, ещё не набившего оскомину сиюминутного взрослого, искусственного и вечного природного миров. Уже только по одному этому художественные произведения, которые используют такой литературный приём, — обязаны нравиться читающей публике и профессиональным писателям.

В случае с повестью Андрея Антипина «Капли марта», думаю, так и случилось. Это конечно интересно, но не настолько, чтобы побудить меня к размышлениям о раннем творчестве Андрея Антипина. Какой же мой — персонально — Андрей Антипин? И что он такого «натворил», что меня — словесного гурмана и экспериментатора-конструктивиста, эдакого обмылка постмодернизма⁵ — вынудило взять в руки, образно говоря, перо?

Формально это, возможно, произошло оттого, что его произведения написаны языком, который хранит вековую метафорическую традицию русской, а если брать шире, славянской культуры. Особенность этой культуры заключалась и заключается в том, что язык её воспринимается не как обыкновенное средство коммуникации, а в качестве средства творческого осмысления бытия человека в контексте определённых времени, пространства и деятельности. Его ресурс позволяет создавать бесконечные производные от давно известных отдельных или нескольких слов, так называемые неологизмы, и воспроизводить на бумаге разные редкие слова, которые используются в разговорной речи простым народом (диалектизмы). Это свидетельствует не только об удивительной пластичности русского языка, но и своеобразии менталитета людей, говорящих и думающих на нём.

Да! Произведения такого рода удивляют обилием народных словечек, о которых в культурных центрах мало слыхивали, их называют мудрёно-презрительно диалектизмами. В таких произведениях часто встречаются и присочинённые самими авторами слова, созданные по моделям, подслушанным в разговорной народной речи, или сочинённые отдельными народными самородками, но не получившие широкого распространения даже в конкретной местности. Всё это делает для непосвящённых литературную речь героев лубочной и нарочитой.

Писатель не только хранитель национального языка, но и его продолжатель. Поэтому воспроизведённые фонетические⁶, лексико-семантические⁷ и этнографические диалектизмы⁸ в речи баушки Клав-

⁵ Автор имеет в виду свою повесть-поэму «Незнакомое».

⁶ **Фонетические диалектизмы** — слова, получившие в диалекте особое фонетическое оформление: цай (чай), чепь (цепь) — следствия «цоканья» и «чоканья», собственных северным говорам; хверма (ферма), бамага (бумага), пашпорт (паспорт), жисть (жизнь) и другие.

⁷ **Лексико-семантические диалектизмы** — слова, обладающие в диалекте необычным значением: мост — пол в избе; губы — грибы всех разновидностей, кроме белых; кричать (кого-либо) — звать; сам — хозяин, муж и т. д.

⁸ **Этнографические диалектизмы** — слова, называющие предметы, известные лишь в определённой местности: шанежки — пирожки, приготовленные особым способом; дранки —

дии⁹ и придуманные мальчонкой Тёмой в повести «Капли марта» — это продолжение традиций многовековой культуры славянского народа. далее для краткости этот персонаж повести мы постоянно будем называть выразительно, просторечно баушкой или баушкой Клавдией Суть её заключается в простой и естественной для нашей русской культуры надобе — творчески осмысливать, а значить преобразовывать своё представление об окружающем мире при помощи *рассказа живого о живом*. Поэтому русский язык и называют *живым*, а не насмерть унифицированным для удобства передачи прокатанной информации. Его нормативность — чисто условная категория, которая, конечно, присутствует, как и в любом языке, но выполняет лишь служебные функции. Если взглянуть на эту проблему очень широко, то можно сказать, что носители такого языка в сравнении с другими представителями этнических и социальными групп от природы более — писатели, потому что обладают более богатым художественно-творческим воображением, так как с самого раннего детства то и дело впадают в искушение «присочинить слово».

Но вернёмся к содержанию повести и приглядимся к используемым в ней диалектизмам.

Фонетические диалектизмы: баушка Клавдия постоянно употребляет вместо «так» — «дак», «что» — «чё», «сейчас» — «щас», «этот» — «етот», «знаешь» — «знаш», «похудел» — «схудал» и т. п.

Лексико-семантические диалектизмы: все в родильном доме главного врача называют кратко «главный», «сам»; баушка, угрожая наказать Тёму, то и дело обещала ему «накрутить хвоста» и т. п.

Этнографические диалектизмы: «булавка» — «пимка», «побрататься» — «поручкаться» (— *Поручкайся с братиком, ты его ещё не знашь...*) и т. п.

Неологизмы (присочинённые слова): «нубаб — просьба-канючине мальчонки, придуманная баушкой Клавдией от Тёминого «Ну ба-баба!», «глаза» — «гляделки», «гулящая женщина» — «вертолобая», «обсуждать» — «обшёптывать» и т.п.

И вообще, автор в повести использует очень много слов из разговорной народной речи, которые считаются нелитературными. Причём, использует их он не только в речевых характеристиках героев

особые оладьи из картофеля; нардек — арбузная патока; манарка — род верхней одежды; понёва — разновидность юбки и т. д.

⁹ Далее для краткости и выразительности представления этого персонажа повести мы постоянно будем называть её просторечно «баушкой» или «баушкой Клавдией». Просим читателей не считать этот банальными повторами и неспособностью находить синонимы для изображения имени этой героини. Просто автор получает настоящее наслаждение от произнесения этого имени и надеется, что нечто подобное будет испытывать читатель (прим. — А.Г.)

(то есть в прямой их речи!), например, «Слупил яблочко румяно?! Ну ничё, ешь на здоровье!» или «Форкнешь наперёд всех в город — мне только на твой хвост и смотреть!», а и в контексте авторской речи, подчёркивая тем самым неразрушимое единство своего я (автора!) с ними:

«Назавтра она разбудила его чуть свет, одела — только голубые гляделки и видать...»;

«Старуха с усталью глядела на белый свет и незлоблево обшётывала маму «блудницей» и «вертолобой»...»;

«В один из субботних дней бабушка пораньше навострилась в соседний посёлок...» и т. п.

Это делает Андрей Антипин, на мой взгляд, бессознательно и настолько часто, что, например, у меня, которому он в сыновья годится, возникает стойкое ощущение, что мы с ним в одном сибирском посёлке выросли.

Второй формальный аспект — образность, замешанная на интуитивной логике детского мировосприятия, которое удивительным образом автору удаётся воссоздать (или сохранить?) в повести. Причём ребёнок в повести не только Тёма, автор, но и бабушка! Она так же играет с мальчонкой, как и он с ней. И даже однажды Тёма делает ей замечание разыгравшейся бабуле: «У меня нет хвоста! — засмеялся мальчик, недоумевая, почему бабушка разговаривает с ним, как с маленьким».

Вот примеры демонстрации образного мышления ребёнка-автора:

«Но, кроме него, никто брошенных мамой гудков собрать в себе не мог...»;

«А сам он докучливыми мыслями раскидывал своё сердце, будто горевшую на ветру копну...»;

«За окошком ронялись с влажной крыши первые сосульки...»;

«Она (бабушка!) была просветлённая, точно умытая снегом, в радушных брызгах слёз»;

«От долгого хода белым куржаком взялся шарф на лице. Из рта бабушки, по-рыбы хватавшего воздух, — как клочки ваты из разорванной куклы...» и т. п.

А в нижеприведённых примерах можно обнаружить детское поведение и зрение у ребёнка-бабушки:

«Бабушка осерженно замолчала, уставясь нарочито в стену, мимо всех...»;

Обращаясь к запарнику¹⁰: «Ну, опять понёс свою политику! То и слышно в избе: квух-квух своей крышкой! Не успела я полтора полешка кинуть в печь, а он уж закашлял-заплевался, как чахоточный...»;

Тёма спрашивает баушку Клаву:

.....— А Муська где?

¹⁰ Запарник – небольшой чайник, в котором заваривается чай.

— Муська-то? — как бы не его, а кого-то другого переспрашивает бабушка. — А в подполье, воюет с мышами да крысами...

— Что и с крысами тоже? — дивится мальчик.

— А то как же!

— Да они её побо-рят...

— Это Муську-то?! Ну-у, парень, сказал, как в лужу фуныкнул! Насмешил бабку и только... Да она сама накрутит имя хвоста! Как схватит одну за шкварник да шваркнет о сусеки — все другие и разбегутся, кто куды горазд... и т. п.

Ну и, конечно же, он сам, Тёма, как взаправдишный ребёнок, разговаривает с самим собой и читателем (т. е. с нами!):

«Было холодно, у них в деревне теплее, потому что там все топили печки и обогревали улицы...»;

«А разве март бывает восьмым? — вслух осторожно спросил мальчик... — Он, по-моему, один на свете...».

Чего стоят только образные запоминания мальчонки людей не по именам, а по делам и каким-то другим, впечатлившим его признакам: «Чепчик строго спросил...» (гл. врач); «Из коридора прошуршали рассерженные Веник и на длинной палке жестяная Коробка...» (техничка); «лохмата Китиха» (беременная женщина).

А вот характерный для пятилетнего ребёнка диалог:

— Мало того что этот обмылок капает на меня Главному в Международный женский день, дак он ещё и мусор разбрасывает!...

— Я на вас не капал, мне нечем на вас капать!

— Капал, капал!... Ну ничего-о, ничего-о! Щас, я тоже на тебя покапаю...

— Бабушка-а! А Тётка хочет на меня пока-пать! и т. п.

Всё, что выше сказано, — формальная сторона литераторства, которая характеризует труд писателя как ремесленника: при соответствующей филологической подготовке (кстати, мы с ним закончили один факультет ИГУ, только в разное время) и природной наблюдательности, — достаточно просто конструируется художественное пространство такого рода любым мало-мальски образованным человеком...

А что же такого притягательного в прозе Андрея Антипина, что позволяет таким признанным литературным критикам, как Василий Козлов или Станислав Куняев, видевшим-перевидавшим множество ремесленников-литераторов, говорить о его творчестве осторожные, но восторженные и обнадеживающие слова?

«Я называю Антипина «пограничником»: он появился между старым и новым временем, XX и XXI веком как в литературном смысле, так и в смысле издательских технологий. Его «Житейная история» оказалась между житиями святых и «Житиями народными», — под этой рубрикой мы публиковали в журнале жизнеописания простых людей.

Если подумать, откуда взялся такой язык у прозаика, то стоит заглянуть в приказные книги ленских мест XVII века — там вы обнаружите крестьянскую фамилию Антипиных (Онтипиных). Можно сказать, мы имеем дело с человеком с исконно русским характером, в творчестве которого хорошо ощутима укоренённость в родном краю и родном слове. Антипин вырос на усть-кутской земле, там и живёт в селе Казарки. Время, конечно, изменилось, и тревожно за будущее писателя. Но я верю в его талант...»¹¹

«Моя миссия в журнале «Сибирь» была именно такой, чтобы дождаться автора, на которого можно возложить надежды на продолжение литературы сибирской. Посмотришь, допустим, на нашу географическую карту Сибири: Восточной, Западной. ...Ну, скажем, Енисей — Виктор Астафьев, Ангара — Валентин Распутин... А Лена? И мне думается, что пришло время, когда и река Лена будет прославлена автором. Конечно, могут быть какие-то извивы литературной судьбы, извивы жизненных переходов, но мне кажется, он уже состоялся как писатель»¹² (В. Козлов)

«Я восхитился его писательской и человеческой зрелостью... Густая, сочная, глубокая проза, очень близкая к прозе Ивана Бунина, Андрея Платонова, Леонида Андреева. Это настоящий самородок. Думаю, что он очень внимательный, серьёзный читатель, поскольку без литературного института пишет удивительно, глубоко, ёмко. Он прекрасно знает жизнь, о которой пишет, знает людей, характеры, он глубоко проник в сущность сибирского человека. Очень близок к В. Г. Распутину, продолжает его традиции в русской литературе. Я рад, что Андрей Антипин подхватил эстафету великой прозы и высоко и достойно несёт её» (С. Куняев).

Мне кажется, все писатели, которых перечислял С. Куняев и упоминал В. Козлов, были совестливыми артистами, или точнее, авторами-актёрами, или авторами-исполнителями в одном лице, которые писали свои пьесы-рассказы, пьесы-повести, пьесы-романы, талантливо воплощаясь в своих героях, проживая с ними их жизни на подмостках своих рукописей. Во время этого таинственного действия, когда один человек множится во многих лицах и ликах, когда он же рукотворно создаёт в своих произведениях декорации неба, земли, моря, лесов и пустынь, городов, посёлков и деревень, — вершится настоящее высокое, иногда звёздное, иногда солнечное, иногда сумеречное, но искусство! Отдавая всего себя до капельки своему детищу, честно рождаясь вместе с ним и умирая, такая творческая личность (творец!) и имеет право называться писателем. А все остальные — поделельники, временщики и ремесленники. Без них, как и без

¹¹ Семёнова В. «Пограничье Андрея Антипина» / ВСП, Губерния, № 15 (26714), 15 апреля 2014

¹² Из радиопередачи «О времени и о себе»: художественно-публицистические очерки Татьяны Сазоновой, 7 мая 2011 года

писателей с большой буквы, текущая (временная!) художественная литература существовать не может. Просто произведения ремесленников быстро уходят в небытие — и их слово в сердцах людей в другие времена (века!) уже не отзывается.

А у некоторых, увы, слова умирают, не успев ещё толком родиться. И какое счастье, если некоторые из них, занимаясь литературством, понимают, что это их личное культурное развлечение: то есть они ни на что не претендуют, тем самым, не мучая ни себя, ни окружающих... И наоборот, какое горе, когда, увы, большинство из них превращаются в горе-писателей в прямом, а не переносном смысле и для себя, и для всех окружающих.

У меня, когда я читал повесть «Капли марта» Андрея Антипина, возникло ощущение, как у В. Козлова, что он — Писатель. Это оценка, конечно, неформальная. Она трудно объяснимая, потому что более эмоциональная, интуитивная, нежели рациональная. Похожая на известные «Верю!» и «Не верю...» К. Станиславского,¹³ который одним словом, кратко и ёмко, выражал своё отношение к творчеству актёра.

Так почему же я как читатель верю повествованию Андрея Антипина? — Потому что готов поверить любому автору, который со мной искренен. Под искренностью писателя подразумеваю — убеждённость автора в том, что его произведение и он, говоря словами К. Некрасовой¹⁴, «одно и то же — только форма разная». При этом для меня нет разницы, условно говоря, авангардная это или традиционная литература, например, В. Хлебников или А. Пушкин. Тот и другой, по моему мнению, разговаривают со мной искренно. Они не фальшивят, не подстраиваются под моду, под политический режим и т. п. Они имеют мужество оставаться самими собой. Это дорого стоило всегда. Дорога и любя, по крайней мере, для меня, как читателя, такая позиция литератора, гражданина и творца в наше время (сегодня!).

Андрей Антипин — продолжатель традиционной сибирской литературы. Сегодня это не модно. На «вкусном и запашистом» родном языке и простом, как сама жизнь в сибирской глубинке, сюжете - денег не заработаешь. Деньги достаются ремесленникам, которые тонко чуют низменные или, по крайней мере, поверхностно мыслимые, примитивные, желания рынка. Как говорится, «спрос рождает предложение». Писатель Андрей оказался в оппозиции к существующим рыночным законам, а значит, и к существующему социально-экономическому и культурно-

¹³ К. Станиславский – Станиславский Константин Сергеевич (настоящая фамилия — Алексеев); 5 [17] января 1863, Москва — 7 августа 1938, Москва) — русский театральный режиссёр, актёр и педагог, теоретик и реформатор театра. Создатель знаменитой актёрской системы, которая на протяжении 100 лет имеет огромную популярность в России и в мире. Первый Народный артист СССР (1936)^[4]. Кавалер ордена Ленина (1937). Почётный член АН СССР (1925).

¹⁴ К. Некрасова – Ксёния Александровна Некрасова (18 января 1912 — 17 февраля 1958) — русский, советский поэт. См. Примечание № 1

массовому устройству современной России. Он пишет «не продажным языком», а в лучших традициях русской прозы.

Наиболее ярко приверженность его традиционности проявляется в пейзажных и бытовых зарисовках, речевых характеристиках, в психологическом образе героев и социально-психологической характеристике времени, которая передаётся им через речь его героев. Последнее у него особенно ярко проявляется в таких произведениях, как, например, «Соболь на счастье», «Плакали чайки» и «Теплоход «Благовещенск». А пейзажи, состояния природы почти во всех его ранних и «поздних» произведениях органично отражают переживания главного героя. Это особенно нравственно ярко осязаешь через «сквозное действие» природы в повести «Капли марта». Например, меня впечатлили в ней описания капли, разных чудесных деяний луны, солнца и т. п.

«Но из-под спрессованной в метелях снежной корки, от железной трубы уже просочилась по шиферу бесцветная капля. Долго, переливаясь на вешнем ветру и ярком солнце, висела капля на выступе крыши, как бы размышляя, упасть ли ей теперь или, дождавшись примороза, застыть, а то, полнясь другими каплями, вырасти в длинную сосулю и рассыпаться от удара палки, кинутой смеющимся мальчишкой.

Вот, точно всё своё естество, всю силу собрав на собственном конце, капля перевесила себя, перетёкши из точки опоры в точку движения, и быстро, как всплеск иглы в бабушкиной швейной машинке, промелькнула в пространстве между краем крыши и краюхой темно-сизого сугроба...

Ка-ап!

Ничто не изменилось в природе, да и, наверное, никто, кроме пристывшего к окошку мальчика, не подглядел, как неприметно завершилась судьба скромной провозвестницы весны. Вслед за первой наверху на желобах, в лунках крыш другие голубые капли и зацокали, забили о тротуар, в стёкла дома, в ветки берёзы в палисаднике...»

Кто же эти капли? Уж не люди ли, не человеческая жизнь, которая сверкнёт, как капля на крыше, исчезнет, и «Ничто не изменилось в природе, да и, наверное, никто», кроме «пристывшего к окошку мальчика», который и сам такая же капля.

«Шифоньер вдруг засверкал, как прозрачная речка в оконце разбитого льда, заполняя горницу светом, и мальчик, ослеплённый, пристроил ладошку козырьком ко лбу. Это солнце выбежало на треть пути, как та стрелка в часах, и, сверху поморгав избе, нашло незанавешенное оконце. Оно юркнуло в него, но тут же назад, удивлённое самим собой, умноженным в овальном стекле шифоньера. Однако убежать не смогло, разбилось о встречную стену и всё-всё, предназначенное небом светить во всю ивановскую и прожигать снега, осталось в малюсенькой горнице!

За окошком потемнело, капельки застыли на кончиках сосулек. Поник и загрустил заречный лес, а воробьи, чистившие клювы на горке парного навоза, набросанной на задах соседнего двора, снялись и полетели на крышу...

Мальчику стало жалко солнце. Он зашторил окошко, в которое солнышко заглянуло, а на других, наоборот, развёл занавески. И солнце, благодарно сверкнув на него, побежало вон из избы, взлетело на фонарный столб. Снова звонко и празднично заиграло за окном, забрызгали капельки, улыбнулась тайга, а воробьи потянулись за оранжевыми прутьями соломы, громко перекликаясь:

Чик-чирик! Что такое? Чик-чирик! Что такое?»

Я мечтаю написать сказку, да такую, чтобы надолго запомнили мои внуки. И вот, читая этот отрывок, который, если говорить сухим литературоведческим языком, — то ли бытовая, то ли пейзажная зарисовка, — вдруг понял, что нарисованная воображением мальчика с помощью автора, которому в ту пору не было ещё и тридцати лет, картина и есть сказка! Совсем небольшая, в которой рассказывается фантастическая история о том, как солнце случайно забежало в дом, испугалось, заметалось и, расплёскиваясь, начало отчаянно искать выход... В это время окружающий мир померк без ярила. И мальчик, спасая солнце, спас мир от неминуемой темени, показав ему как убежать на волю, — занавесив одно оконце и раздёрнув другие.

Как и положено, в этой миниатюрной сказочной истории свет побеждает тьму и не просто так, а с помощью главного героя.

Сколько таких сказок можно сочинить по ходу одного рассказа или повести!

Это литературное произведение Андрея Антипина — светлая, солнечная, капельно-мартовская история о вселенской трагедии мальчонки, мама-одиночка которого родила второго ребёнка — маленького братика (Розового!). Рассказ о психологической драме человека, которому пять лет от роду, и он страшно большой, потому что уже умеет сам одеваться, есть и, главное, чувствовать и размышлять независимо (автономно!), который очень серьёзно решил, что теперь он уже никому-никому в этом мире не нужен! История вечная и потому правдивая, но правдой особенной — художественной, которую умеет на особицу, понятным и родным сибирским русским языком, рассказать нашим сердцам (сердцам читателей!) писатель.

«Вот оно что, оказывается: мамы-то для него одного больше нет, теперь её нужно делить с Розовым, отдавая ему всю мамину любовь и ласку...»

«И мальчик отвернулся от мира к окну, где в синем небе раскинулась жёлтая долька, а загадочный Восьмой Март размочил снег на берёзах. Всё равно мама всё своё внимание, как солнце свет деревьям, отдала Розовому. И бабка стала чужой. А он рогатку забыл дома. В комнате

пахнет апельсинами, но жадюги не дали ему ни одного. И все вокруг смеются...

И когда бабушка с улыбающимся человечком подошла к нему, ... он бросился из комнаты, словно лес после дождя, видя перед собой лишь свои мокрые от слёз ресницы...»

Пятилетний мальчик, не ведающий ещё пока в полной мере о тайне рождения и смерти, очень по-взрослому, то есть нравственно, пытается размышлять о том, почему мама решила завести себе Розового.

«Он встал под кольцом и с угловленным неудовольствием принялся рассматривать себя, точно мальчишку с соседней, вражеской улицы, с каковой ни при какой погоде не могло быть замирения.

Нет, что и говорить, он не красавец. Ведь в самом деле, разве это красиво — затрапезный рост, худые плечики, большая нестриженная голова со свалившейся на невесёлые глаза русой чёлкой? А обломанные ногти, под которыми свинья ночевала? А рёбрышки наперечёт? А грязные уши?! Ну, впрочем, уши-то ещё в субботу бабушка надрала в бане вехоткой – аж заалели все. Ну да и с чистыми ушами – разве он красавец?! За то, наверно, мама себе Розового и завела, что мальчик — эдакое чучело... Тьфу!»

То, что взрослым кажется иногда детским капризом, на самом деле — стремление малыша любыми средствами отстоять своё жизненное пространство, даже ценою игры в смерть.

«Встать, разве, под крышу и попить капелек, а потом умереть, чтобы бабушка не ругала? Всё равно мама завела себе Розового (Серёжу!), и ей не будет печально, если он больше никогда к ней не придёт. А у бабушки есть капельки в стеклянном пузырьке, она наберёт их в рот и переживёт его отсутствие...

...И он встал под крышу, под синие, как глаза весны, окошки зала, где было больше угрева и звонче струилось с шифера. Как будто в каждой из его желобков положили по пузырьёчку, капроновой пробкой, проковырянной гвоздём, вниз. И вот сквозь эти дырочки медленно сорилось из пузырьков: кап! кап! кап!

Шарик, чёрно-белый старый кобель, вынул нос из будки и стал смотреть, как мальчик напьётся марта и умрёт. А мальчик, видя радение Шарика о своей жизни, задрал головёнку к небу, раззявив пошире рот, и принялся хватать студёные острые капли, не сглатывая их сразу, а накапливая за нижней губой и медленно посасывая, как делала бабушка.

Из сосуллек светило множество жарких солнц, грело его лицо. Он закрыл влажные глаза, на которые заплакало с крыш, и весь превратился в ожидание, когда же кали переселят его и свалят в снег. Но капли всё не пересиливали. Только щекотно становилось от них нутру, а зубам стыло, как будто прикусил лезвие ножа.

Вот сейчас! Ещё пять! Шесть! Семь капелек! — и он будет полон, упадёт замёрзшей сосулькой в снег, а пока мама хватится и придёт, он уже растает и убежит в землю, прорастёт зелёной травой. И потом уже ни одна живая душа не найдёт его!»

И тогда Тёма, которого автор постоянно называет уменьшительно-ласково, по-деревенски, «мальчонка», заболел. И конечно же, к нему то ли во сне, то ли в больном бреду приходила мама.

«И вот в этой-то качающей занавески тишине, под разговор поленьев в печи и посапывание бабушкиных ноздрей, к мальчику стала приходить мама. Она становилась посередине комнаты, там, где отпечатался на жёлтой половице след ночной звезды, — простоволосая и босая, с букетом огненных цветов, опоясанных красной ленточкой, в белых тонких руках, в голубом дивном платье, на котором блестели большие и малые пимки, и молча звала его. И он заморожено тянулся к маме, не боясь обжечься о цветы, вздымался на мокрой постели, а ожившая шуба хохотала и душила его в объятьях пустых рукавов. А в шею ему, не слушая его запечённых горячих губ, въедался шерстяной шарф. «Мама, приди!» — скулил мальчик, и хныкал, и вертелся на кровати. Но ни мама, чей тонкий лик пламенно светился в цветах, не становилась ближе, ни он не мог коснуться её любимых, ласковых, нежных черт...»

Мальчонка (Тёмка!), по мерам ребёнка, ждал её целую вечность, то забываясь в детских серьёзных играх и забавах, то плача, спрятавшись в шифоньер, по маме, чувствуя себя одинёшеньким в избе, в осиротевшей ограде, в пустынном и безжалостном к нему огромном мире. Он всё больше и больше сиротел... Но где-то глубоко в сердце у мальчика тлела надежда, и спасительная боль живила его просыпающуюся человеческую душу...

«И это изжилось, с помощью бабушки. Её исправные добрые слова, словно капли с крыши, протопившие лёд, протаяли наконец и его застывшее в одиночестве сердце».

«— А мама должна приехать?! Когда??»

— Привалит, уж это ты не беспокойся! — фыркнула Клавдия Еремеевна. — Сразу забудешь про баушку, всю её ласку-заботупустишь по ветру, как корова струю...»

Второй по значимости в повести художественный образ — это образ «баушки Клавдии», в которой по-особенному соединились нежность и грубоватость, хитринка и простоватость, свойственные многим женщинам, живущим в сибирской глубинке. Она последняя опора «вертоголовой дочери», которая рождает уже второго ребёнка без мужа от какого-то командировочного.

Она, глотая постоянно капельки микстуры от боли в сердце, переживает за дочку, привязывается по-матерински к мальчику, как может, его обшивает, обстирывает, прикармливает и, не мудрствуя лукаво —

наказывая, прикрикивая, объясняя, — воспитывает. Она изо всех оставшихся сил старается помочь мальцу свыкнуться с мыслью, что он теперь не один у мамки. Отвлекает его байками да сказками, в том числе и про (почти членов семьи!) кошку Муську и собаку Шарика. Муська вообще героическая личность, за которую Тёма особенно горд, потому что её не могут побороть ни мыши, ни крысы. А воронам — «ведьмам в перьях» он и сам жару (хвоста крутил!) уже задавал, хотя баушка этому сначала и не верила, подсмеивалась обидно, а потом всё же вынуждена была признать: *«Дак я чем не знала, парень, что ты и без меня задал воронам шороху?! Я бы знала, дак не говрела, а ты молчишь — и я ничем ничего...»*

Это истинно русская женщина, которая, когда ей хорошо, от умиления плачет, а если плохо, — поёт. Вот уж воистину:

Здесь рождаться ещё случается:

Кого к небу звезда ведёт,

Когда возсе уже отчается,

Не стреляет, а песни поёт¹⁵.

И она — воплощение добросердечья и многотерпения, именно она в конце своей жизни обречена на одиночество.

У мамы мальчонки теперь есть дети. И она, когда состарится, «всяка разна» ещё долго не будет одна. Может быть, у её детей семейная жизнь сложится более удачно, и ей удастся погреться ещё на старости лет у семейного очага. А «баушке Клавдии», предчувствует автор, а вместе с ним и мы, уже это не светит... Не случайно повесть заканчивается вроде бы долгожданной радостной встречей мальчонки с мамой, но и грустным описанием прощания с ними «баушки Клавдии».

«Через день они уезжали в город. Бабушка укатилась в горницу и тихо плакала за раскрытой дверцей шифоньера, и слёзы в вперемешку с капельками спешили в её запавший рот...».

Разумеется, грядущее одиночество «баушки Клавдии» не затмевает счастливого мартовского конца повести. Мы глазами мальчика, которому судя по содержанию повести уже примерно шесть лет, наблюдаем за появившейся перед домом неузнаваемой (невидимой!) им женщины.

«Но под окошком, запахнутая в платок и потому ликом невидимая ему, быстро прошла с тряпичным коконом под грудью небольшого ростка женщина в зелёном пальто со знакомой блескучей брошью на лисьем отвороте. Над свёртком, который женщина бережно держала в руках, поднимался лёгкий парок — всё-таки было хоть и весеннее, но сибирское утро. Следом, валяя из стороны в сторону головой, поспешала бабушка с болтавшейся у ноги пустой сумкой...

О, и без этого парящего чуткого дыхания, без пушистой варежки у бабушкиного скоробленного рта обо весь раз догадался мальчик! Лязгнув кулачком в стекло, уж не долимый никакими бедами-печалями, отнимавшими у него беззаботное детство, воскресший над раздумь-

¹⁵ Четверостишие из стихотворения А. Гордина «Рождество» (1988 г.) См. Примечание № 2

ями и сомнениями, разом излившийся в своей чистой и неподкупной любви, как пробивший дырку в дороге журчливый ручеёк, он сорвался с приставленной к стене табуретки и побежал, не замахнув ни бушлата на плечи, ни шапки на растрёпанную головёнку, не помня потом, как пролетел сквозь прихожку и сенцы на улицу, бабочкой воспарив над избяным, над санным порогами, призывно распахнув двери и руки...»

***

Почему-то с грустным сердцем закрываю книжку А. Антипина «Капли марта», как будто прощаюсь с творчеством не только этого писателя, но В. Распутина, А. Байбородина и других старших поколений сибирских писателей. Сам не понимаю: откуда у меня возникает такая ассоциация. Но на душе тревожно... И, одновременно, в неё проникает лучик надежды. А вдруг и в самом деле этот писатель сможет стать достойным продолжателем традиции сибирской так называемой деревенской прозы? Смогёт, наперекор всем жизненным обстоятельствам, не распылить, не разбазарить дарованное ему чутьё к языку, наблюдательность и стремление к духовному самостоянию. Дай-то Бог, дай-то Бог...

Примечания

1. Ксэ́ния Алекса́ндровна Некра́сова (18 января 1912 — 17 февраля 1958) — русский, советский поэт.

Ксения Некрасова родилась 18 января 1912 года в селе Ирбитские Вершины Ирбиовершинской волости Камышловского уезда Пермской губернии, ныне — посёлок городского типа Алтынай городского округа Сухой Лог Свердловской области. Она была внебрачным ребёнком. Принято считать, что Ксения Некрасова родилась 18 января 1912 года, но в архивах есть, кроме этой, и другие даты, даже за личной подписью поэтессы. Не одинаковы и сведения о родителях: в очерке «О себе» отец — горный инженер, мать — «дома оставалась», а по свидетельству современников, отец был подьячим на Ирбитских ярмарках, а о матери она говорила, что её нет, что она её не помнит. В автобиографии писала: «Родителей своих не помню. Взята была из приюта семьёй учителя на воспитание...»

Начальную школу окончила в Шадринске, живя у тети по отцу, Варвары Ивановны Некрасовой. Окончила школу-семилетку в г. Ирбите.

Поступила в Ирбитский педагогический техникум. Но проучилась в нём только два месяца. В связи с переводом техникума в г. Камышлов Ксения в августе 1930 года возвратилась в Шадринск.

В августе 1930 года поступила на отделение политпросветработы агропедтехникума Шадринска. Учась в техникуме, заболела энцефалитом. Не завершив учебного года по состоянию здоровья (неврастения), в 1931 году она уезжает в Москву. Осенью 1932 года живёт в д. Ивановской Красногорского района Московской области у своей бывшей преподавательницы Елизаветы

Алексеевны Чурсиной, которая помогает Ксении поступить в Московский институт журналистики.

В 1935 году, окончив техникум политпросвета, работала культработником на Уральском заводе тяжёлого машиностроения им. С. Орджоникидзе. В 1935 году Свердловский обком комсомола направил Ксению Некрасову в Москву на учёбу, — это информация из письма К. А. Некрасовой И. В. Сталину, архивных подтверждений этих фактов нет.

В 1937 году журнал «Октябрь» напечатал подборку стихов молодой поэтессы с предисловием Николая Асеева.

В 1937—1941 училась в Литературном институте, не окончила из-за войны.

В конце 1930-х годов Ксения встретила Сергея Высотского, работавшего горным инженером на одной из шахт Подмоскownого угольного бассейна. Родился сын Тарас. Летом 1941 года персонал шахты, где работал муж Ксении, вместе с семьями был отправлен в эвакуацию. По дороге эшелон бомбили, Ксении контузило правую руку, а сына убило (по другой версии, он умер зимой 1941/42 г.). Через несколько недель поезд прибыл в шахтёрский городок Сулюкта Ошской области Киргизской ССР (ныне в Баткенской области Киргизской Республики). Там тяжело заболел муж и Ксения жила милостыней. Осенью 1942 года она отправилась искать русский храм. Как она сама потом рассказывала, чтобы умереть на его пороге и быть похороненной по православному обряду. Кто-то рассказал ей, что ближайший действующий русский храм находится в Ташкенте. Дорогу в двести километров она преодолела пешком.

В 1943 году в Ташкенте Ксения знакомится с Анной Ахматовой. Строгая на похвалу Ахматова высоко оценила её талант «За всю жизнь, я встречала только двух женщин-поэтов. Марину Цветаеву и Ксению Некрасову». Благодаря ей Ксения получала писательский паек. В 1944 году Ахматова проводила её в Москву и дала рекомендацию для вступления в Союз советских писателей. Но в Союз писателей Некрасову не приняли.

В 1945 году Некрасова познакомилась с супругами Робертом Фальком и Анжелиной Щекин-Кротовой. Ксения часто бывала в этом доме, художник-модернист Фальк нарисовал два десятка её графических портретов — набросков, эскизов, а в 1950 году — большой портрет. Своего жилья в Москве у неё не было, и она скиталась от одних знакомых к другим. Некоторое время она проживала в посёлке Болшево.

В 1955 году в Москве в издательстве «Советский писатель» вышел сборник стихов Некрасовой «Ночь на баштане».

Ксения Александровна Некрасова умерла 17 февраля 1958 года в Москве от инфаркта. Урна с прахом захоронена в колумбарии Донского кладбища^[11]. Через месяц после смерти поэтессы вышел её сборник «А земля наша прекрасна!». Через два года «Советский писатель» выпустил сборник вторично, значительно расширив его содержание.

В декабре 2001 года имя Ксении Александровны Некрасовой было присвоено библиотеке-филиалу № 2 Центральной библиотечной системы г. Шадринска.

2. Стихотворение «Рождество», написанное в 1988 году, опубликовано в сборнике стихов «Язык шершавый сумрака» (2009 г.), самиздат АНО «Сибирское партнёрство», технический редактор — Владимир Тихомиров. Стихотворение посвящено малой Родине — г. Усолью-Сибирскому и большой Родине — Союзу Советских Социалистических Республик, который перестал существовать географически и юридически как государственное образование в августе 1991 года.

Рожество

Здравствуй, тихая моя Родина!
 Удивительно Рождество
 Всех, кому не до Святков вроде бы,
 Всех, забывших своё родство.
 Присмирившим самоизгнанником
 Возвращаюсь в свой брошенный дом.
 Неуютно, как чужестраннику,
 В этом городе жутко пустом.
 Здесь уже на рождественских улицах
 Приморозят калитку едва ль...
 А Медведица в небе сутулится —
 Одиноким ей ряженных жаль.
 И поэтому странную сказкою
 Мне читается нынешний день,
 Где, заблудший, уже без подсказки
 Не найду милых сердцу огней.
 Здесь рождаться ещё случается:
 Кого к небу звезда ведёт,
 Когда вовсе уже отчаётся,
 Не стреляет, а песни поёт...
 Ну, а мне в этом снежном прозрении
 Снова чудится ветра молва.
 Вспышки лиц и слова озарения,
 И залитая кровью трава...
 Тени здесь! Ещё живы здесь тени!
 Чу! Я вижу, как по Большой¹⁶,
 Околдованной белой метелью,
 Оболенский¹⁷ идёт со мной.
 Ну, а если прислушаться ночью —
 Сердце кликнет Большая Елань¹⁸:
 Колокольчик кандалный в безочье
 В самый раз, если дело дрянь.
 Кто рискнет разгадать эту тайну? —
 В старых срубках ослепших домов
 Оставляет нам не случайно
 Время знаки истлевших годов.
 Кто поручится, дерзкий, что ныне
 Кровь Громницкого¹⁹ и зэка²⁰

Рисунок Геннадия Кузьмина.
 Иллюстрация из сборника
 стихов А. Гордина «Язык
 шершавый сумрака» (2009 г.)

¹⁶ **Большая** — название центральной улицы в селе Усолье (будущий город — Усолье-Сибирское) до прихода к власти коммунистов.

¹⁷ **Оболенский** — Князь Евгений Петрович Оболенский 1-й — русский офицер из рода Оболенских, один из самых активных участников восстания декабристов. Родился в семье князя Петра Николаевича Оболенского (1760—1833), будущего тульского губернатора. Мать — Анна Евгеньевна (1778—1810), дочь генерал-аншефа Е. П. Каторгу отбывал в с. Усолье, впоследствии в с. Большая Елань.

¹⁸ **Большая Елань** — село, которое расположено сравнительно недалеко от Усоля на левом берегу р. Китой (приток р. Ангара).

¹⁹ **Громницкий** — Пётр Фёдорович Громницкий (1801, Керенск, — 31 мая 1851, Усолье-Сибирское) — активный участник движения декабристов, поручик Пензенского пехотного полка. В

В нашей терпкой усольской полыни
Перемешана лишь слегка!?
Но чем мрак беспросветней желаний —
Ярче светит Христова звезда!
И распятых — она ещё манит,
А рождённых – ведёт до креста!

1988 г.

декабре 1835 года освобождён от каторги и направлен на поселение в с. Бельск Иркутской губернии. С 1836 года жил в этом небольшом сибирском селе. С детства имея талант рисования, в Петровском заводе, общаясь с Н. А. Бестужевым, совершенствовал свои способности. Писал иконы для местной церкви, таким образом зарабатывая себе на жизнь. В 1842 был отдан под особый надзор местной полиции за чтение и переписывание сочинений декабриста М. С. Лунина. Умер от чахотки в госпитале Иркутского солеваренного завода в с. Усолъе, где и был похоронен на берегу Ангары (могила не сохранилась, но есть памятник недалеко от больницы, в которой умер декабрист).

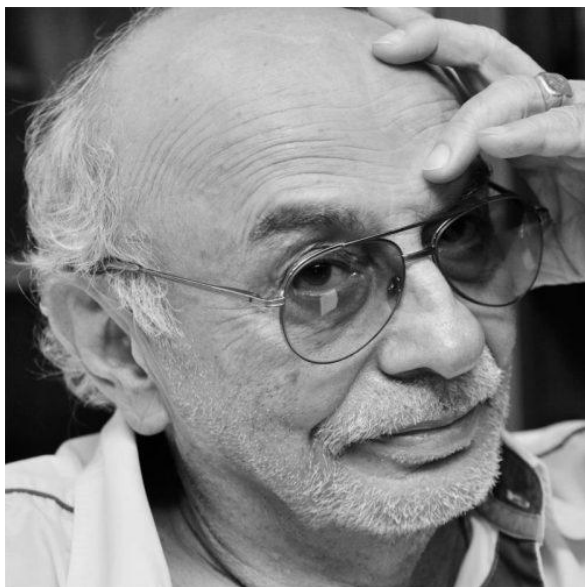
²⁰ **Зэка** — название заключённого (просторечие). Зэка после отбытия срока заключения на соляной каторге, а позже в различных Сибирьлагах несколько веков (17-20 вв.) «оседали» на постоянное место жительства в г. Усолъе-Сибирском.

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Захарян

ИМЕНИ ВЕНГЕРА

18 апреля 2021 года исполнится 93 года Виталию Константиновичу Венгеру.

Я сознательно пишу «исполнится», а не «исполнилось бы», — хоть он и ушёл от нас в октябре 2016.

Исполнится, — потому что жизнь легендарного Артиста продолжается: его 300 ролей за почти 70 сезонов на сцене Иркутского драматического театра, его 8 книг воспоминаний и размышлений о театре и его людях (вместе с автором над большинством

этих книг работал известный наш журналист Арнольд Иннокентьевич Харитонов); его уроки бесчисленным ученикам в Иркутском театральном училище, — через них Венгер продолжает работать, участвовать в живой жизни российской культуры.

В Иркутском драматическом театре молодой москвич появился сразу после окончания в 1950-м лучшего в стране театрального ВУЗа — Щукинского училища при Вахтанговском театре. Иркутск стал навсегда его родиной. С 1958 года он преподаёт в Иркутском театральном училище, с 1993-го он — художественный руководитель училища. Среди его учеников — народные артисты России В. Алексеев (Омск), А. Исаченко (Челябинск); заслуженные артисты России Н. Коляканова (Москва), Н. Величко (Оренбург), Е. Мазуренко (Иркутск), многие десятки актёров, составляющих основу труппы Иркутского театра им. Охлопкова и других театров России.

Венгер — народный артист России (1977), кавалер ордена «Знак почёта», медалей, в числе которых медаль «За доблестный труд». Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1995), Почётный гражда-

нин города Иркутска (1983) и Иркутской области (2003). Лауреат Национальной премии «Золотая Маска» «за честь и достоинство» (в 2004 году в этой престижнейшей номинации было всего два лауреата на огромную театральную страну: Виталий Константинович Венгер и легендарный режиссёр, основатель театра своего имени в Москве Борис Александрович Покровский).

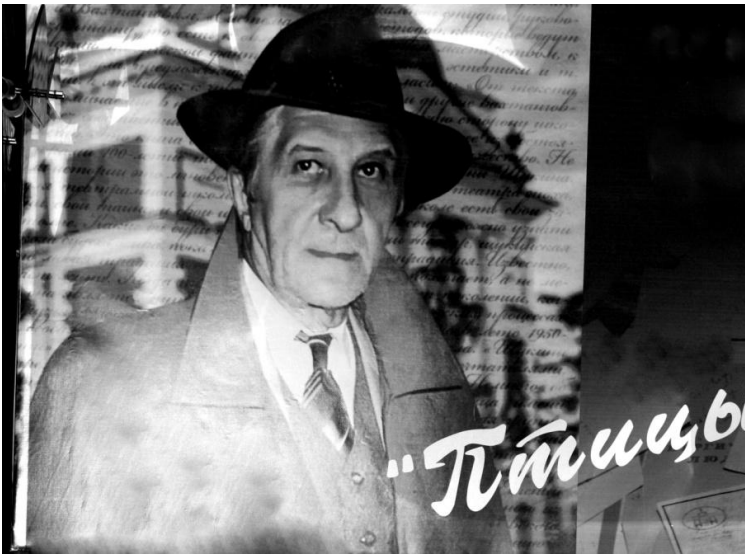
Виталий Константинович многие годы руководил иркутской организацией Всероссийского театрального общества, был членом правления Союза театральных деятелей России (1980–1995), депутатом Думы Иркутска, бессменным председателем областного фонда Александра Вампилова, членом наградной комиссии при администрации Иркутска. В 2000-м году В. К. Венгеру было присвоено звание академика Восточно-Сибирской межрегиональной академии наук педагогического образования. В 2010 году о нём был снят (по сценарию автора этой статьи) документальный фильм «Виля» (режиссёр – заслуженный деятель искусств РФ И. Борисов, оператор – лауреат Государственной премии РФ В. Корзун).

Теперь, после торжественного списка заслуг нашего сегодняшнего 90-летнего юбиляра, — тост, который он нетерпеливо выслушает; потом непременно съязвит по поводу моей высокопарности («Ты, Серёжа, всё о прошлом, а мне интересна следующая роль»), — и мы выпьем:

Венгер — живая эмблема театральной жизни Иркутска за длинный ряд десятилетий прошедших — и, осмелюсь предсказать, — на многие десятилетия в будущем.

Если драматургу повезёт, — он, создавая персонажа, держит перед глазами идеального артиста. Так было не раз в истории театра, начиная, по крайней мере, с Шекспира. Так, первого комического артиста шекспировской труппы Вилли Кемпа (кстати, и наш юбиляр со студенческих лет для друзей, например, для великого однокурсника Михаила Ульянова, — Вилли) — мы можем расслышать во всех пьесах: везде это — Шут, лицо от театра, импровизатор и свободный комментатор действия — от Слая в «Укрощении строптивой» (без Слая эта популярная комедия, увы, становится банальной историей про то, «кто в доме хозяин»... Простенький каламбур: без Слая очередное «укрощение» будет банально-бесславно). От Слая и до Первого Могильщика в «Гамлете» — это вереница, может быть, самых важных людей на сцене — Актёров по определению, свободных импровизаторов, комментаторов **от собственно театра**. Такой Актёр — редкостная, драгоценная в театре фигура: что бы он ни играл, он обеспечивает сцене художественную автономию, отдельность от житейских банальностей, радостное ощущение независимости от обрыдлой рутинности жизни. И зритель, даже самый неискущённый, с благодарностью отзывается на виртуозную, самозабвенную игру такого актёра, такого Вилли: даже с трагедии уходишь тогда как с праздника.

Он так сыграл Первого Актёра в дипломном спектакле Иркутского театрального училища «Гамлет» (1994, курс А. Булдакова, постановка В. Кокорина), — что впервые на моей долгой зрительской памяти популярнейшая из трагедий присвоена театром без оглядки на стереотипы и «литературу». Повторюсь — душою, камертоном того студенческого Гамлета был

Первый актёр — наш Венгер, как слон в посудной лавке зрительских ожиданий, со своей принципиальной громогласной театральностью.

Ещё один шедевр Артиста, тот спектакль и назывался по-детски задиристо: «Га-а-млет» уже в афише, настаивая на подлинно «венгерской» неготовности, нестандартности, неожиданности, импровизационности взгляда — и на Шекспира, и на театр, и на мир. (Я имел незаслуженную честь быть упомянутым в афише того спектакля как «консультант»). А Володя Капустин — наш юный Га-а-млет с саксофоном, вниз головой, ногами за стропила «домика» (вспомогательной сцены училища, потом сгоревшей) — стал для меня принципиальным знаком 90-х, теперь прозванных «лихими», а тогда полных надежд. Потом Капустин, заслуженный артист России, теперь москвич, — блестяще сыграет в кино «русского Гамлета» — Варлама Шаламова в фильме Н. Достая «Завещание Ленина».

Что бы наш Вилли ни играл — от необыкновенно пластичного, музыкального, обаятельного бандита Мэкки-Ножа в «Трёхгрошовой опере» Брехта; неожиданно фарсового библейского Адама в «Негритянке» А. Василевского, — и до гоголевского вроде бы комического недотёпы Подколесина, в котором вдруг проглядывает «весь» трагический Гоголь: именно здесь мировое театральное открытие — и Госпремия за роль в спектакле режиссёра Вячеслава Кокорина; от шукшинского деревенского старика, который до сих пор в бесконечно долгом (немом!) пластическом этюде сползает в моей зрительской памяти со своей белёной печки (Артист своим вниманием к персонажу оправдывает всю его — персонажа — казалось бы, уже закончившуюся жизнь) — до горинского гениального еврейского недотёпы Тевье-Молочника, везущего на своей телеге весь мир, — что бы ни играл наш Виля, — незабываемо.

Я имел честь вместе с ним (как редактор) делать книгу, которой горжусь, — «Венгершарж» (Иркутск, 2003: автор идеи и издатель книги Генна-

дий Сапронов, художник Антон Лодянов). Там — сто шаржей Венгера (Виля — ещё и блестящий рисовальщик) — на коллег из театра, — и его же театральные «байки» (наш юбиляр ещё и великолепный и острый портретист). Там молодой талантливый художник Лодянов (увы, рано ушедший), подглядев за Тевье-молочником и его вечной телегой, усадил

на «венгерскую» телегу весь театр, всю добрую сотню персонажей книги: на каждой странице остаётся по одному, и в конце Тевье-Венгер, великий «коренник» театра, может передохнуть с уже свободной от пассажиров телегой.

Я процитирую только одну из «баек» «Венгершаржа» — к портрету Вячеслава Кокорина: здесь открывается, по-моему, один из великих секретов великого Артиста: **он не судит своих героев, он даёт им жить**; и потому, мне кажется, в этой роли вечно неприятного «отрицательного» чеховского героя Венгер переигрывает даже знаменитых (и ценимых мною!)

Серебряковых из «Дяди Вани»: в кино это Евгений Лебедев и Владимир Зельдин; в сегодняшнем вахтанговском (замечательном!) спектакле режиссёра Туминаса — Владимир Симонов.

Венгер: «Кокорин свободен от штампов: готовые представления о персонажах ему неинтересны, он называет это «литературой». В «Дяде Ване», вглядываясь вместе с режиссёром в своего профессора Серебрякова (довольно ядовитого, надо сказать, господина), — я даже заболел его болячками. Я расшнуровал моему бедному герою ботинок на левой подагрической ноге — стало легче. Конечно, **это не для зрителей** (курсив мой: С. З.) — кто разглядит из зала такую мелочь?

Так и играл.

Как-то в антракте спектакля вбегает в мою гримуборную режиссёр (вообще-то он не любит приходить на свои спектакли, видеть, как зритель свою реакцией «подтягивает» артистов к привычному, к «правде жизни»).

Он: «Всё вроде ничего (большей похвалы от Коки не дождёшься). — Вдруг взгляд его падает на мои вытянутые ноги. — Старик, а где шнурок?»

Я: «Нога болит, подагра, так легче».

Он: «У кого подагра?»

Я: «У Серебрякова».

Он: (подскочил, поцеловал): «Закрепить!» (Убегает).

Закончу я свой тост словами Гоголя, переадресовав их нашему Подколесину, к которому классик очевидно благосклонен:

— Зачем нам дан Венгер и что доказывает собою? — Венгер дан нам на то, чтобы доказать собою, что такое сам Артист, и ничего больше, — что такое Артист, взятый не под влиянием какого-нибудь времени или обстоятельств, и не под условием также собственного, личного характера как человека, но в независимости ото всего; чтобы, если захочет потом какой-нибудь высший душевный анатомик разъять и объяснить себе, что такое в существе своём Артист, — то чтобы он удовлетворён был, увидев это в Венгере.

Узнав о кончине глубоко чтимого им Артиста, Евгений Александрович Евтушенко сказал: «В Иркутске должна быть улица Венгера».

Совершенно согласен с поэтом: например, давно пора переименовать улицу Марата (об этом персонаже сами французы вспоминают с содроганием): на этой улице много лет жил наш герой, прямой путь по ней ведёт к театру.

Но, по-моему, (и меня, безусловно, поддержат и многие тысячи иркутских зрителей, и многие сотни благодарных учеников Мастера), — в первую очередь имя Виталия Константиновича Венгера должно на поколения вперёд стать именем **Иркутского театрального училища**.

- **Записки спасателя**

Иннокентий Темников

ТУЛУН. ЛЕТО 2019 ГОДА

Кеха

Кехой называют меня разве что самые старые друзья. Прочие в силу моего возраста и прежней профессии давно зовут Иннокентий или даже Иннокентий Львович. Молодёжь, когда торопится, обращается Львович. Молодёжь у нас в подразделении хорошая: хваткая, умелая, стойкая. Когда дело касается «Камаза», катеров, аэролодок,

снегоходов, я у них на подхвате — подержать, подать. Я не против. Каждый должен заниматься тем, что у него лучше получается. Вот если дело касается гор, леса или лыж, то тут извини-подвинься. Тут я на месте. И ещё очень даже могу сам, кого хочешь подвинуть. Надеюсь, что ещё какое-то время смогу быть полезным.

В ту командировку я попасть не должен был. Десять спасателей в Тулун уезжали 27-го июня. 26-го я был на дежурстве. Обычно отработавшую смену не трогают, но друг Эдик ушёл в горы. Меня из квартиры было достать легче, чем Эдика с Хамар-Дабана. Вот и достали.

Пришёл домой, сажу, пью кофе. Звонит дежурный: «Львович, давай на базу! Едешь в Тулун». Стараясь подавить в душе маты, собираюсь, запихиваю в маленький рюкзак побольше носков, зубную щётку, другие мелочи. Если ситуацию поменять не можешь, её лучше принять как неизбежность и не дёргаться, принимаем же мы зиму, старость и даже смерть. Надеюсь, что будем «мониторить», то есть ходить с озабоченным видом по берегу и смотреть, как медленно подступает вода, потом развозить по подтопленным домам воду, продукты, что работа не затянется и кончится быстро.

Выезжаем вдесятером на «Камазе» с прицепом. В кузове автомобиля жилой кунг. В прицепе аэролодка «Пиранья-4». Лезу в кабину к водителям. Наш видавший виды, битый горными дорогами белый «железный конь»

бодро катит по асфальту. Правое колесо бьёт. Меня трясёт, словно еду в седле. Из центрального подразделения в Тулун идут два «Газона» с аэролодкой. Долго не можем соединиться. Догоняем ребят под Тулуном на железнодорожном переезде. Впереди гигантская пробка. Сашка гонит по встречке. С семью тоннами казённого железа не поспоришь. «Камаз» — король дорог. Дальше идём колонной.

На въезде в город огромный баннер: «Тулунчане, Вы хотите перемен?» Едем по улицам. Город похож на разросшуюся без меры деревню: просторные огороды, стайки, курятники. Лай собак. Петушины вопли и пыль до небес.

Тулун даже не пытается выглядеть лучше, сжился со своим обликом, любит себя таким — грязным, воинственно-провинциальным. Много старых, некогда богатых, рубленных домов, теперь скособоченных временем, небрежением или старческой немощью своих нынешних хозяев. Упрямый город-старик, почти в неизменном виде переживший царскую власть, Советы, пытающийся выжить при новой «демократии». Город, упрямо надеющийся только на себя, свои огороды, реку, тайгу.

Первые нехорошие предчувствия у меня возникают, когда проезжаем по мосту через Ию — вся пойма реки застроена домами. Неубедительная на вид дамба отделяет частный сектор от вздувшейся реки. Камни с землёй — не преграда для стихии.

Был четверг. Город жил обычной жизнью, ждал выходных, не обращал внимания на приближающуюся опасность. Возле спортивной школы, где мы остановились, играла музыка, танцевали девушки. Молодые мамы катили коляски, по улицам сновали автомобили, работали магазины, продавалось спиртное.

В тот же вечер две отрядовские машины с аэролодками ушли работать в деревни, расположенные выше Тулуна.

***

Пятница для меня началась спокойно. Сели на «ГАЗик», уехали на улицу Литейную. Частный сектор. Старый асфальт. Какое-то полузаброшенное каменное здание, кочегарка с кривой трубой. Рядом трансформаторная будка, бурьян. Ия через несколько улиц, но Литейную уже подтапливает. Вода пришла через протоку. Улица упирается в воду. Там уже по пояс. Слева от дороги новый дом из бруса, хозяева в котором не успели пожить и дня. На пороге вода. Вода подступает медленно и безопасно. Зеваки подъезжают на велосипедах, автомобилях, приходят пешком. Многие снимают на телефоны. Люди радостно возбуждены. Ещё бы, на их глазах происходит событие, о котором можно рассказывать всю жизнь. Старожилы вспоминают восемьдесят четвёртый год, когда их сильно топило. По разговорам местных понятно, что «плавать» для них привычное занятие.

Приезжает несколько грузовиков с грунтом. Сгружают прямо в воду. Видно — занятие бесполезное, но водителям всё равно. Им сказали сыпать, они сыпят. Приезжают какие-то депутаты, здороваются с нами за руку. Местный мэр что-то сердито выговаривает подчинённым по телефону. Слышу: «Размещайте в спортшколе... » Думаю: «У нас появятся соседи». Над всем равнодушное солнце и голубое небо.

Мы обходим дома, уговариваем жителей эвакуироваться. Подходят автобусы, полицейские машины. Вода уже топит огороды. Люди не уходят. Помогаем поднимать на столы стиральные машины, холодильники, вёдра с картошкой, какой-то старый хлам.

Во дворе две затопленные легковушки. У забора пареньки. Спрашиваю: «Ваши?» Отвечают, что машины давно на приколе. Сердито думаю: «У тулунчан тут, что хобби — собирать неработающий хлам?» Только что поднимал какому-то хозяину старые бензопилы, ржавые цепи, электромоторы, инструменты.

На улице крепкий каменный гараж. Вторым этажом жилая надстройка. Громко играет музыка. Молодые люди запаслись спиртным, выглядывают в открытые окна, весело смеются, делают замечания. Видно, происходящее для них - весёлый, безопасный, бесплатный спектакль.

К нам подходит крепкий молодой мужичок, спрашиваем: «Чего не уходишь?» Отвечает: «У меня лодка. Топлю баню. Приходите вечером». Обмениваемся телефонами.

Администрация пригоняет автомашину с обедом. В термосах гречневая каша. Одноразовая посуда. Обедаем, устроившись на деревянных поддонах. Наши ребята в рыжих герметических костюмах «гермизаках». Я ещё в сапогах.

Рядом поленницы из «лапши». Дрова начинают плавать.

Эта часть улицы сравнительно высока. Вода начинает отрезать её от федеральной трассы. Уезжает кухня, исчезает полиция. Наша машина уходит последней. Во многих домах остаются люди. Топится баня. Парни на гараже продолжают веселиться. Из нашей команды забирают Серёгу. Серёга большой, шумный, похож на Портоса или актёра Смирнитского, который его сыграл в фильме «Д'Артаньян и три мушкетёра». Друзья Серёгу зовут Сеней. Буду так называть его и я, чтобы не путать с другим Серёгой.

***

Перебираемся на соседнюю улицу. Называется «Юбилейная». Юбилейную от Ии отделяет узкая дамба и ряд домов, фасадом выходящих на реку. Перпендикулярно Юбилейной идёт федеральная трасса. Трасса пересекает широкую долину Ии по грунтовой насыпи. Через реку новый мост на высоких опорах. Мост выше насыпи. Непонятного назначения старая будка из красного кирпича торчит у трассы. Успокаиваю себя: «Её точно не зальёт». В насыпь для пропуска воды уложены трубы. Вся долина

застроена. Дома разные. Чаще старые из толстых круглых брёвен. Много новодела из бруса с крышами из разноцветного профлиста. Заборы, ворота и калитки в основном из такого же материала. Несколько богатых домов из кирпича. Проезжая часть улицы выше, дворы с огородами ниже. Дворы уже подтапливает. По улице ещё можно спокойно уйти и увести свою скотину. Ходим, предупреждаем о большой воде. Уговариваем эвакуироваться. Люди упрямо, как ржавые гвозди в доске, держатся за свои дома.

На крыше гаража у нового дома расположилась семья. Дом фасадом выходит на реку. Глава семьи — крупный мужчина, такая же крупная женщина, взрослые дети — юноша и девушка. Говорят, что тут пережидать наводнение будут. Иду дальше.

Дом. У калитки сухо. На скамейке сидит тётка лет пятидесяти. Полная, волосы светлые. Часто встаёт, смотрит на подступающую воду и вновь садится. Уходить категорически отказывается.

Слева домишко. Палисадник затопило. В палисаднике два бычка. Из воды торчат рогатые головы и холки. Говорю хозяину: «Уходи и угоняй своих коров». Отводит глаза, продолжает возиться, словно меня не слышит. Вижу во дворе старую резиновую лодку. Выходит взрослый сын. В помощи не нуждаются. Я уже злюсь. Понимаю, придёт вода, и всех этих хозяйственных «героев» придётся спасать. Геройство — это всегда последствия чьего-то идиотизма.

Улица повышается. Тут ещё сухо, но вода быстро прибывает. Бегают собаки. Во главе алабай, лохматый и большой, как медведь. Собаки агрессивны, возбуждены неожиданной свободой. Чужие люди в оранжевых костюмах животных пугают. Отступаем. Я прикрываю отход. Ору на алабая «фу!», когда он пытается меня цапнуть. Собаки отстают.

Возвращаюсь к дому с коровами. Палисадник пуст. Мужик показывает — затацил бычков на гараж.

Тёткину скамейку уже затопило. Мается на крыльце. Воды по колени. Говорит мне, что их три соседа, все решили оставаться, у них лодка. Я ругаюсь.

Вода перехлестнула дамбу и быстро прибывает. В проулках течение, как в горной реке. Плынут дрова. Семья с гаража соглашается уйти. Идём с ребятами на помощь. Воды уже по пояс. Мужик передаёт чехол с ружьём, сумки с вещами, сажает жену на закорки. Мы не возражаем. Понимаем: «Своя ноша не тянет!» Поддерживаем. Выводим к нашему «КАМАЗу», толкаем в кузов. Там полно людей, в последнюю минуту всё же включивших здравый смысл. На дороге течение слабее, чем в проулке, но машине воды по капот. Автомобиль не лодка, плавать не умеет. Дальше работать нельзя.

Мы на мосту. Вокруг много людей, машин, собак. Вода ещё не отрезала мост от берега. Спускаем «Фаворит» на воду. Серёга, Коля и Тёма уходят работать на лодке, вывозить людей из затопленных домов. Мы с Олегом остаёмся вместе со спасателями из центрального подразделения. Руководит Максим.

Вечер. Левый берег. Вода быстро прибывает, перехлестывает через верх дамбы, отделяет часть федеральной трассы от коренного берега и моста. Там люди. Не решаются идти ни назад, ни вперёд. Максим говорит: «Давай выведем».

Мне по бёдра. Бредём по затопленному асфальту. Течение пытается сбить с ног. Вода несёт мимо сено, дрова, стайки. На обрезке доски проплыл мокрый, несчастный кролик. Блеснули испуганные круглые глаза и исчезли.

Ставим «гражданских» между собой. Идём «стенкой». Женщины плачут. Успокаиваем. Мимо проносятся доски. Кто-то из наших помогает пьяному мужику. Мужик в одних трусах, но на велосипеде. Тащим и мужика, и велосипед.

Через десять минут, там, где мы прошли, уже несутся дома и заборы.

***

Вода стремительно поднимается. Ходят лодки, подвозят людей. Многие с собаками. У нас включены рации. Слышим с «Фаворита»: «Женщину с дамбы смыло. Попробуем подойти». Потом: «Не можем пробиться. Кажется, утонула».

На мосту машины: наш «ГАЗик», «Нива» мостостроителей, чья-то «Волга», красная «буханка» пожарных, патрульный автомобиль полиции.

Садится солнце. Бегают ошалевшие собаки. Кобели грызутся, тут же случается торопливая собачья «любовь». Вздрагивает мост. По Ии плывут дома, бьются о мост, рассыпаются.

«Казанка» пытается пересечь Ию выше моста. Мотор глохнет, лодку несёт под мост. Народ затаил дыхание. Лодка прошла между опорами. Мотор завёлся. Пронесло.

Садится солнце. Плывёт огромный дом. С крыши выбивается пламя. Ударяется о мост. Гнутся перила. Сноп искр взлетает к небу. Мост вздрагивает, как от испуга. Слышу, как один мостостроитель говорит другому: «Дурак, не стой там!» Скоро выше моста скапливается целая плавучая деревня.

Вода грозит отрезать нас от правого берега. Исчезает полиция, уезжают частники, наша машина.

Много пьяных. Продолжают выпивать. Мужик в трусах бросил свой велосипед у края воды. Пытается скандалить, требует, чтобы его увезли в первую очередь, кричит, как хорошо спасают в Америке. Успокаиваем

алкаша, перетаскиваем велосипед, чтобы не унесло. Кто-то из местных «добавляет» пьянице.

Вижу белобрысую тётку, которую долго уговаривал эвакуироваться. С риском для жизни спасатели успели «страдалицу» вывезти на лодке. Женщина возмущённо жестикулирует: «Нас не предупредили...» Не выдерживаю, вмешиваюсь: «Как Вам не совестно. Я к Вам подходил раз пять...» Баба обидчиво собирает губки в куриную гузку. Я ухожу. Корю себя: «Чего полез? Им ничего не докажешь. Несчастные люди. Будут искать виновного. Так им легче».

Слышу мощные моторы, иногда по рации обрывки переговоров. Работают аэролодки. Наши!

***

Темно. Фар на надувной лодке нет. Серёга пропорол борт «Фаворита». Насос дают с «Нивы». Работает от автомобильного аккумулятора. Качаем. Борт держит минут двадцать, потом лодка начинает на ходу складываться.

С «Фаворита» вместе с пострадавшими сгружают поросёнка. Кличку узнать не у кого. Назвали Борькой. Борька укрылся от собак под машиной. В ту ночь поросёнок выжил, даже стал звездой нескольких телеканалов.

У Коли течёт «Гермизак». Снимает костюм, выжимает. Его трясёт. Я сажусь вместо него.

Яркий свет. Ещё аэролодки! Местные. Гремят моторы. Начинают вывозить людей с моста. Мы на пропоротой лодке помогаем.

Последний рейс делаем в три часа ночи. Лодка, уворачиваясь от плывущих брёвен, идёт через Ию. Сергей хорошо изучил маршрут. Я уже тоже начинаю ориентироваться — вначале узкий проход между стеной и забором, быстрое течение реки. Потом затопленные деревья. Слабый луч налобного фонаря выхватывает из темноты верхушки столбов и заборов, коньки крыш.

Сергей за мотором. Управляет стоя. Лучшего лодочника не найти, вырос на Байкале, но и он несколько раз цепляет винтом препятствия. Что там, под чёрной водой, никому не ведомо.

Идём на лодке. Тёма смотрит по левому борту, я — по правому. Промеряем глубину, отпихиваем вёслами и ногами палки. Едва успеваем поднимать провода воздушных линий.

Остро пахнет бензином. По поверхности воды идут характерные разводы. Затопило заправку. Кто-то шутит: «Курить нельзя!»

Берег. Свет уличных фонарей. Десятки людей, автомобили. Среди них наш белый «ГАЗон». Тащим своего дырявого «Любимчика» на прицеп.

***

Спортшкола. Всюду растерянные люди. Затаскиваем лодку в вестибюль. Моем, сушим. Клеить нечем. Собираем заплатки из

«Гермизаков». Серёга с саркастическим смехом читает инструкцию на тюбике клея: «Сушить 24 часа». Отмечает пробоины фломастером. Женщины нашли фен. Трём спиртом, клеим. Тут же крутятся корреспонденты с «Первого канала». Намекаем: «Не пошли бы они...» Парни послушно уходят.

Таскаем спортивные маты в соседнюю школу. Машины подвозят и подвозят людей...

***

29-е. Утро. Едва светает. В вестибюле худая девчонка жадно ест что-то из спасательского пайка. За одну ночь так не проголодаешься.

Грузим лодку на прицеп, идём работать в затопленный район, чьё название состоит из трёх букв, кажется, ЛДК. Что это означает, спросить нет времени.

Получаем адреса от пожарного. Мы неместные. Названия улиц нам ничего не говорят. Нам просто машут в нужную сторону рукой. Задание — вывозить пострадавших с крыш. Сергей за мотором, Тёма на левом, я на правом борту. Заплаты держат.

Затопленные улицы. Вся поверхность покрыта плавающими дровами. Всплывшие заборы скалятся гвоздями. Немного ориентируемся. Синие ангары строительного рынка. Улицу Карбышева узнаём по торчащим из воды кронам старых тополей. Вывеска на павильоне «Пивной причал» кажется дурным пророчеством. Вспоминаю: «Тулунчане, Вы хотите перемен?», но зубоскалить по этому поводу не хочется.

Лодок много. Узнаём знакомых спасателей из подразделений нашего отряда, ребят из Иркутской областной службы, красноярских спасателей. Ходят местные лодочки. Венеция!

Несколько раз цепляем винтом, но наш винт выглядит вполне пристойно. У многих спасателей вместо винтов жалкие культияпки. Хорошо, что здесь нет бешеного течения, как на реке.

По Карбышева плавают конструкции детского уголка из ярко раскрашенных всеми цветами радуги брёвнышек. Рядом затопленный по треть второго этажа садик «Ручеёк». Суеверно думаю: «Всё же зря здесь столько «мокрых» названий. Накликали водяного!»

Панельные пятиэтажки стоят в воде. С верхнего этажа кто-то машет. Подходим. Снимают на планшет. От помощи отказываются. Говорят, у них пока всё есть. Идём к другому дому. Вывозим старика, большую семью, много сумок. Семью на один берег, пожилого на другой, где нам пожарный даёт новый адрес.

Идём по частному сектору. Собаки с крыш провожают лодку тоскливыми взглядами умных глаз. От их взглядов на душе муторно.

На крыше мужик. Сидит с потеряннным видом. Спуститься к нам отказывается.

Ещё один. Высокий, худощавый, в трусах и тельняшке. Адмирал. Усатое лицо. Плавает на импровизированном плоту. Говорит, что в помощи не нуждается. Спасает собак. Просит меня пробраться во двор. Там на плавающей двери симпатичная псина. На шее ошейник с цепью. Цепь не привязана. Отказываюсь, объясняю, что нам надо вывозить людей. Мужик бранится, говорит, что люди заслужили свои неприятности, лучше спасать собак. В перепалку не вступаю, внутренне с ним соглашаюсь. Уходим, дырявить ради собаки лодку не имеем права.

Несколько коров пытаются отстояться на бугре. Воды бурёнкам по вымя. Потом видим, как они бродят между домами, ищут хозяев, тоскливо мычат, обнаружив вместо стойла запертые ворота.

Высокий автомобильный прицеп. В прицепе три здоровенных поросёнка, каждый раза в три больше «нашего» Борьки, стоят по шею в воде. Неподалёку на соседней улице плавают ещё два. Ломаем вёслами забор. Протискиваемся через куст черёмухи. Вытаскиваем визжащую, яростно сопротивляющуюся, упрямую тварь за уши и передние лапы из воды. Поросёнок несколько мгновений лежит обессиленный на дне нашей лодки, потом сигает за борт к своему собрату.

Через полчаса, когда наша лодка проходит мимо, упрямец больше не видно.

Вывозим людей, попутно пытаемся спасти собак. Вижу, как одна шустро плывёт к берегу. Мужик, которого забрали с крыши и везём к берегу, говорит, что ему надо в другую часть города. Объясняем, что мы не такси, главное для нас — оставить его в безопасном месте. Дальше разбирайся сам. Не маленький! Мужчина нехотя выбирается на высокий берег. Там деревья, люди, дорога.

Идём к берегу, где местный пожарный даёт нам адреса. Решаем захватить собаку. Животина спасается на завале из плавающих досок. Зовём, пытаемся снять. Собака не верит незнакомцам в лодке, уходит от нас по доскам.

Солнце высоко. Пожарный обещает дать нам передышку, но каждый раз просит сходить ещё на один адрес.

Наконец, нам дают передохнуть. Причаливаем к асфальту. Дома, магазины, много зевак. Рядом «Лесхоз», где базируются спасатели из подразделений нашего отряда из Сахюрты и Посольска. Здороваемся. Стягиваем гермизаки. Рабочие комбинезоны под ними мокры насквозь от конденсата.

Чай попить нам не дали. Звонят с другого берега: «Срочно сюда!» Лезем в прорезиненные одежды, ворчим.

Через час белый «КАМАЗ» с прицепом пылит по дороге в Бурхун. В прицепе аэролодка и наш верный «Фаворит».

Наконец, мы все вместе!

Лёха

Гоню «КАМАЗ» во Владимировку. Дорога идёт правым берегом. 60 километров асфальта. Колёса разбрызгивают воду. Дорога местами подтоплена. Прицеп с аэролодкой скачет сзади. Зеваю. Темно, спать охота. Около часа ночи вижу огни деревни. Глава поселения зовёт на чай. Летняя кухня. Едва сели, врывается какой-то мужик с бабой и начинают орать, что мы-де жрём водку, ничего не делаем, на реке гибнут люди. Одеваем гидрокостюмы, сталкиваем лодку. Темно, туман идёт над рекой волнами. Вокруг много зевак, некоторые пьяные. Ходят местные лодки, вывозят пострадавших из затопленных домов. Мы местность не знаем. Просим дать проводника. Мужчина, который обвинял нас в бездействии, начинает возмущаться, кричит, что мы должны знать реку, что у вас есть всё навигационное оборудование. Человек явно попутал МЧСовский рекламный ролик с действительностью. Они отличаются, как реальная война от голливудской поделки. Протягиваю скандалисту спасжилет, тот сразу в тень — и потерялся. Вызывается помочь местный парень.

Лодка уходит в темноту. Я остаюсь у «КАМАЗА». Вода прибывает очень быстро, уровень растёт на глазах. Плывёт туман.

Проходит минут сорок. Слышу звук нашей «Пираньи», огня нет. Думаю: «Наверное, предохранители полетели или проводка. Две лампочки сразу перегореть не могут».

По очереди ходим на лодке всю ночь. Дома стоят вдоль реки. Снимаем людей с крыш.

Поразили дед с бабкой. Вода идёт, уходить не хотят. Верховодит старуха, отправила деда на третьей ходке аэролодки, когда воды во дворе было уже по грудь. Сама осталась в доме, бестолково ходит, говорит, что ей надо прибраться в доме, навести порядок. Наверное, у неё от стресса в голове что-то замкнуло.

Выше по реке строят мост. Идём забирать рабочих. Место относительно высокое. Много местных из затонувших домов. Грузим полную лодку. Володька остаётся, чтобы мы смогли взять больше пострадавших.

Увозим людей, берём нового проводника. Работаем.

Встаёт солнце. Вверху красивый красный рассвет. Внизу по воде плывут дрова, заборы, дома, коровы. Люди и собаки сидят на чердаках и крышах.

До нас в Евдокимово при эвакуации утонуло два человека. На местной мотолодке заглох мотор. Кто-то встал. Лодка перевернулась. Погиб мальчик и его дед.

Вывозим людей в Новоевдокимово. Деревню построили на высоком пригорке после очередного наводнения.

Запомнилась женщина. Её дом ночью затопило. Она спала. В одной рубашке выплыла в окно, залезла на чердак. Володьке пришлось сломать

доски на фронте, чтобы вытащить её на лодку. Тётка замёрзла до полусмерти. Даём одежду.

Борт лодки пробили, когда подходили к крыше дома. Ремонтировать времени не было. Работали без света и с дырой в борту. Снимали людей до полудня.

Первый раз с дома поели горячее, загрузили гуманитарку в лодку и ушли в Уйгат. Деревня стоит на Кирее — притоке Ии. Вместо Кирея увидели сплошное водное пространство с торчащими из него вершинами деревьев. Не было ни клочка суши вокруг. Два с половиной часа шли до Уйгата. Вода, чёрная от грязи и ила, несёт мусор, песок, доски, брёвна, деревья. Где река, где лес, не поймёшь. Где-то тут на затопленной дороге застряла автолавка. Пройти к ней не смогли.

До сих пор картина наводнения стоит в глазах: дома, затопленные по крыши, люди на крышах; коровы и телята пытаются отстояться на высоких местах, но вода прибывает и их смывает.

В 17 часов загнали лодку на прицеп и поехали в Тулун. Прежнюю дорогу совсем затопило. Пришлось ехать верхней. Верхняя дорога на тридцать километров длиннее. В Тулун прибыли около 19 часов и сразу начали работать.

Работали до четырёх утра. Очень мешали провода электрических линий. Лодка идёт быстро, и тормозов у неё нет. В темноте провод заметить очень трудно.

Поразило упорство, с каким люди цепляются за свои дома. Приходилось много раз возвращаться на один и тот же адрес. Подходишь, вначале они капризничают, когда дело принимает нешуточный оборот, те же люди начинают требовать их вывести.

Поразили дома, плывущие по реке, бьющиеся о мост, застревающие там, сцепляющиеся между собой.

Было досадно тратить время на пустые уговоры, когда можно было спокойно работать и не рисковать ни судном, ни жизнью. Жалко было собак, многие из которых сидели на цепи или искали спасения на крышах сараев и гаражей. Было ясно, что их скоро сорвёт и унесёт вода. Подойти к собакам через завалы на лодке было невозможно, нужно было спасти их хозяев.

Володя

Едем в Ермаково. Темнеет. Володя. за рулём. Дорога — асфальт. Везём хлеб, сахар, муку, корочку - гуманитарку. В деревне были примерно в половине первого. Встретил глава администрации, говорит, что часа в четыре пойдём в Уйгат, повезём продукты. Автолавка застряла. В Уйгат нет подвоза. Женщина из соседнего дома пригласила на чай. Только присели, я вышел за сахаром. Слышу, в доме скандал. Обозлённые местные орут, пытаюсь традиционно свои беды свалить на плечи спасателей, которые

пришли им на помощь: «Люди гибнут, вы тут бухаете! У нас ребёнок утонул, вы водку жрёте!». Такого рода несправедливые, ничем необоснованные упрёки они слышали в свой адрес вовремя тулунской трагедии не раз. Хотя всё было как раз наоборот: бухали старая залить своё горе и забыться как раз деморализованное местное население...

Надели гидрокостюмы, столкнули лодку, взяли проводника. С проводником пошли вверх по реке до Красноозёрска. В Красноозёрске рабочие строят подвесной мост. Подходим. Балки рабочих ещё стоят на сухом. Вокруг везде вода. Нас встречают взрослые, с ними человек семь ребятшек.

Идём на «Пиранье» по деревне. Сняли с крыши мужчину и женщину, вытащили пожилую тётку, у которой в доме уже было воды по пояс. Удивила одна бабка. Говорю: «Давай вставай! Поедем с нами». В ответ: «Мы никуда не поедем!» Сидят вместе с дедом. Забрали соседей. Возвращаемся к старухе. В доме вода. Дед неходячий. Забираем деда. Бабка упрямится, говорит: «Подтащите мне лодку, привяжите к крыльцу!» Привязываю старую резиновую лодку к перилам. Бабка просит посмотреть собаку в стайке. Вода старухину стайку уже затопила. Пробраться невозможно. Ещё раз пытаюсь уговорить женщину сесть к нам. Отказывается. Старуха просидела в своём доме до обеда следующего дня. Её вывезли местные.

Чтобы забирать больше людей, ходили на аэролодке по двое. Вывозили на берег возле водонапорной башни в Новоевдокимово. Деревню построили на бугре после наводнения 1984 года.

Запомнилась женщина, которую сняли с чердака. Рассказала, что ночью выплыла из дома, залезла на чердак, зарылась в опилки. Лежала, укрывшись старым пальто. Очень замёрзла.

***

Обед. Местные бухают у костерка. Один заходит в воду. Ему кричат: «Минтай, ты куда?» Он не отвечает. Молча прётся глубже. Баба с берега орёт: «Иба...тый дурачок, топиться пошёл?» Надеваю гидрокостюм. Застёжку застегнуть нет времени. Догоняю Минтая.

— Ты куда?

— Там коровы тонут. У самого глаза, как у дохлой коровы. Допился. Толкаю его к берегу. Сопrotивляется. Мне в костюм заливается вода. Хватаю Минтая за руку, тащу на берег. Встречает пьяницу баба с дрыном и давай охаживать по заднице.

Скоро вижу, как Минтай смывает кровь и сопли и дальше идёт к костру пьянствовать.

***

Возили продукты в Уйгат. Вернулись часа в четыре. Подняли лодку на прицеп, поехали по объездной дороге в Тулун. Слышали переговоры по радиации про бабушку, которую смыло с дамбы.

Добрались до пожарной части, где разгружались в первый раз, хотели перекусить, звонит Максим: «Какой обед? Давай сюда!»

Приезжаем к администрации, спускаем «Пиранью». Спрашивают: «Кто может ходить под мотором?» Определяют меня.

Лодка маленькая. Работали вначале втроём, потом вдвоём, чтобы забирать больше людей. Ходили по адресам, снимали людей с крыш.

Была заявка на Юбилейную. Иду. Возле автостанции сильное течение, прорвало дамбу. Глохнет мотор. На винте провод. Нас течением прижимает к стене дома. Лодка в считанные мгновения наполняется водой. У пожарного глаза круглеют. Говорю: «Держись за антенну». Сделал из пятилитровой бутылки ковш, вычерпал воду, срезал провод, завожу мотор. На Юбилейной уже всех сняли.

На Мясокомбинатской мужик сидит на крыше. Спрашиваю:

— Помощь нужна?

— На нашей улице помощь никому не нужна! — отвечает сиделец.

— Почему ты за других решаешь?

Пожимает плечами.

Ночью заглох мотор. Не могу завести. У меня на борту пятеро, плюс я и пожарный. На вёслах против течения не прорваться. Запросил по рации помощь. Забрали моих пассажиров. Меня с лодкой вытащил местный на водомёте. Водомётный двигатель — хорошая штука.

Удивительно — я лодку не пропорол, хоть вокруг было столько гвоздей!

Артём

Ходим в гидрокостюмах по Юбилейной. Бегают стаи собак. Я собак не люблю. Местами воды — по грудь. Сильное течение. Вывел бабушку, вытащил двух собак, какую-то девицу. Ссадил их в «КАМАЗ». Последним рейсом вывели семью. Больше машина по Юбилейной ходить не могла.

Столкнули надувную лодку. Работали втроём — Серёга за мотором, мы с Колей по бортам — расталкиваем заборы, поднимаем провода. Если провод идёт под водой, кричим Серёге: «Провод!», — он поднимает мотор, лодка проскакивает над препятствием.

Снимаем семью с крыши. Вода быстро прибывает.

Какой-то мужик грозит с гаража кулаком и ругается, что мы-де ходим на моторе, делаем волны. У него забор завалился.

Увидели женщину на дамбе, поняли, что её сейчас смоеет. Позже узнали, что тётка решила вернуться домой доварить варенье. Пытаемся подойти через один, другой проход. Не успеваем. Всюду заборы, запертые калитки, ворота.

Несколько раз проходим мимо деда. Старик стоит возле своего гаража на куче строительных поддонов. Эвакуироваться отказывается. Прорвало дамбу. Попёрла вода, выдавила ворота гаража внутрь. Мужик,

как кошка, вцепился в гладкую каменную стену. Втаскиваем его в лодку. Дед больше не сопротивляется.

По радиации получаем сообщение, что на козырьке автостанции висят две девчонки. Подходим. Вроде нет никого. По дамбе бегают парень, машет нам руками, показывает направление. Обходим затопленный павильон. Кованый козырёк над дверью. Сверху поликарбонат. В воде две девушки. Вцепились в каркас козырька, из воды торчат только головы. Вода холодная. Девчонки пытаются подтянуться выше, но силы кончаются, и они снова сползают в воду. Едва успели снять. Барышни напуганы, стучат зубами и трясутся. Сильно замёрзли. Коля принялся растирать. Я смотрю препятствия. И дед с гаража в шоке, ещё не отошёл от испуга. Коля его заставил оттирать девиц. Когда человек занят, ему не так страшно. Высадили всех на набережную.

Работаем дальше. Царапнули винтом препятствие. Всё время надо проверять глубину веслом. Вода чёрная.

На крыше бани увидели двух парней. Баня накренилась. Парни умудрялись шутить.

Получили адрес, перешли через Ию ниже моста. За забором двухэтажный особнячок. Люди стоят на балконе — мужчина, полная женщина - здоровенный алабай²¹. Воды по второй этаж. Подойти на лодке не можем, мешает забор, ворота заклинило.

Пробираемся к дому с другой стороны. Наш капитан Серёга решает лезть через крышу. Мы с Колей остаёмся в «Фаворите». Подошла аэролодка. У них дно защищено «чешуёй», протиснулась поверх забора. Серёга помог спустить пострадавших. Течение относит нашу лодку от дома. Потеряли капитана! Коля к мотору, завести не может, нас несёт на завал, торчат палки. Было жутко. Приготовился к неприятностям. Мотор заводится, выкруливаем против течения, снимаем капитана.

Запомнилась семья. Передают нам в лодку огромный чемодан. Серёга спрашивает: «Вы часом не подохрели?» Показывают. Там полный чемодан кошек. Пришлось брать.

Подходим к одному дому. У хозяина в клетках кролики и курицы. Пожимает плечами: «Как брошу это хозяйство?» Я уже научился убеждать, говорю ему: «Если дом не уплывёт, завтра придёшь и покормишь. Если дом уйдёт, ты уплывёшь вместе с ним и кормить твоё зверьё будет некому!» Подействовало. На следующий день на этом месте торчали одни ворота.

---

²¹ «... здоровенный алабай» - когда работаешь спасателем, на автомате всегда определяешь вес пострадавшего и прикидываешь, как его будешь подымать (Прим. - автора)

Коля

Работал с Серёгой и Артёмом на «Фаворите». Подходим к гаражу. Перед гаражом на поддонах мужик. Говорю: «Давай, батя, к нам!» Отказывается. За его оградой прорывает дамбу. По краю дамбы идёт тётка лет пятидесяти. Кричим об опасности. Не реагирует. То ли в стрессе, то ли неадекватная. Пока искали проход между домами, тётку смыло. Видел только, как мелькнула рука. Подошли, но уже было поздно. Вернулись к мужику. Не дошли метров десять. Вода проламывает ворота внутрь гаража, сносит поддоны. Мужик, как человек-паук, прилипает к гладкой стенке. Подходим. Мужик прыгивает к нам в лодку. Обошлось!

Взяли на берегу пожарника. Ему по телефону говорят адреса, он нам показывает, куда идти. Пожарному сообщили, что на автостанции висят две девушки. Дальше всё происходило примерно так как рассказывал Артём: девушек поочерёдно растирали, Попросил парня расстегнуть на себе одежду и прижаться к одной девушке. Деда заставил растирать другую.

Высадили барышень в районе администрации. Одну пришлось мне нести к скорой на руках, вторую вывел Артём.

Раз чуть капитана на крыше не оставили! К дому подойти не смогли. Мешал высокий забор, ворота не открываются. Забрались с Серёгой на сарай. На балкончике второго этажа семейная пара с большой светлой собакой. Попробовали сделать от сарая до дома трап. Настелили досок, длины не хватило. Нашли два куса пенопласта, пристроили их. Серёга перебрался на крышу. Пенопласт уплыл. Я на сарае, Сергей на крыше дома, Тёма в «Фаворите». Слышим, как с другой стороны дома к пострадавшим подходит аэролодка. Конечно, безопасней передать пострадавших туда. Серёга остался помогать.

Прыгаю в «Фаворит». Течение подхватывает лодку и тащит на завал. Я к двигателю, пока разбирался, расстояние быстро уменьшилось. Артём орёт... Мотор завёлся. Впереди завал, справа забор, слева плывёт дом. Прошмыгнули между домом и завалом.

Работаем. Подходим к дому. На крыше устроилась компания — восемь человек. На вид лет 35-40. Выпивают. Уговорили эвакуироваться. Грузим. Две женщины, пятеро мужчин у нас в лодке. Последний с крыши передаёт мне пакет. Пакет звенит. Пиво, водка, бутылка вина для дам. Говорю: «Совесть имейте, мы детей возим, у людей несчастье. Вам бы только бухать!» Не поручусь, что не использовал ненормативную лексику, но смысл моих слов был примерно такой. Выбрасываю пакет с бухлом. Хозяин спиртного запускает в меня трёхлитровой банкой с огурцами. Решили дать ему время осознать ошибочность своего поведения. Увезли компанию, вернулись, забрали по соседству семью: мужчину, женщину, пацана лет двенадцати. Подходим к дебоширу. Он перебрался с крыши дома на сарай. Сидит на корточках мокрый на бревне, как петух на насесте

Успел поплавать, вода ему не понравилась — холодная. Я решил не тратить время на разговоры. Хватаю его за грудки и забрасываю в лодку.

«Я вас запомнил, суки, — орёт потерпевший, — вы утопили моё бухло!» — и набрасывается на нас с Тёмой, пытается выкинуть из лодки. Пацан пугается. Тут моё терпение закончилось...

Буян успокоился на некоторое время, потом стал выталкивать наших пассажиров в воду. Серёга повалил его. Мы заломили дебоширу руку. Он заплакал и сказал, что больше не будет.

Вижу, плавает поросёнок. Попытались подойти. Поросёнок утонул на наших глазах. Было обидно и жалко. Идём дальше. Плавают створка от ворот. На ней другой поросёнок. Серёга подрулил. Тащу бедолагу за уши в лодку. Хрюшка визжит и сопротивляется. С трудом втаскиваю на борт. Хрюн почувствовал себя в безопасности, успокоился. Лежит без сил на дне. Смотрю на него, спрашиваю: «Что, Боря, хреново тебе?» Поросёнок хрюкнул в ответ. Соглашается. Говорю ему: «Знал бы ты, Боря, как нам хреново с твоими хозяевами!» Боря понимающе визжит в ответ. Поговорили.

Высадили Борю на мост. Поросёнок попал на многие кадры и на время стал телезвездой. Больше я его не видел. Надеюсь, Борька выжил.

Лодка была сильно пробита. Сдувал правый борт. Перед каждым выходом качали электронасосом. Сели батарейки в налобных фонарях. Боялись распороть лодку о заборы из профлиста и штыри. Одежда в гидрокостюмах отсырела. Мы очень замёрзли. У меня текли сапоги. Пока Серёга подкачивал лодку, вылил из костюма ведра полтора воды, выжал одежду. Стало чуть теплее.

Саша.

Смешное и трагичное рядом

Запомнилось: сижу в Евдокимово. Наша аэролодка ушла с продуктами в Уйгат. Я остался с «КАМАЗом». На берегу — костерок. Вода прибывает, и костёр переносят выше. Вот он уже дымит у водонапорной башни, так высоко поднялась вода.

У костра местные. Дежурят. Выпивают. Заправляет всем горластая баба лет пятидесяти на светлой «Королле». Когда представлялась, сказала: «Я тут всем рулю. Если что надо — обращайтесь».

Было часов двенадцать. На берег приехал мужик с биноклем, увидел — по реке плывёт корова. Живая. Баба командует: «Васька, Гришка, собирайтесь, пи...дуйте за коровой!» Васька и Гришка взяли у нас верёвку и ушли в «Казанке» под «Вихрём». У нас на Байкале такой мотор теперь встретишь только в гараже какого-нибудь древнего деда.

Минут через двадцать возвращаются. Тащат на буксире за рога здорового быка. Пригодилась наша верёвка! Оттёрли быка от грязи. Скоро бык как ни в чём ни бывало жевал траву.

Через некоторое время история повторяется. Васька с Гришкой уходят. Лодки долго нет. Слышу от костра: «Твою мать, Васька с Гришкой утонули! Звоните Косте!»

Костя — местный предприниматель, и, не считая старух и младенцев, единственный непьющий человек во Владимировке. Мы с ним работали ночью.

Через час вижу Костину лодку. На борту мокрые, но живые Васька с Гришкой. Герои утопили лодку, мотор и корову. Слава Богу, сами остались живы.

Выжали одежду и уже греются у костра, выпивают и смеются друг над другом.

Сергей

Поразил бешеный подъём воды. Я такого нигде не видел. Ещё люди. Люди отказывались уезжать из своих домов, говорили, что пересидели 84-й и сейчас переживают. Заботились только об имуществе. Если бы мы не тратили время на пустые уговоры, спасли больше людей.

Поразило также, как быстро меняется обстановка на затапливаемых улицах. Такого ни на одной реке не увидишь. За минуты возникают и исчезают завалы, всплывают заборы, дома срываются со своего места.

Работал на адреналине и мысли, что надо спасать людей. У меня в Тулуне живут родственники: бабушка, двоюродная сестра и тётя. Сестра отсиделась на крыше. Я переживал, что не могу им помочь.

Лодку пропорол, когда подходил к деду. Дед к нам сесть отказался, сказал, что ему надо спасать электроинструмент. Забрали его только со второго раза. Не знаю, уцелел ли дедов инструмент.

Дырявая лодка на ходу начинала складываться после 15-20 минут работы. Качали после каждого рейса. Под ногами хлюпала вода. Брели до восьми пассажиров, плюс нас трое, а лодка шестиместная. Хорошо, что спасательных жилетов было с запасом. Очень мешали скрытые под водой препятствия. Всё время надо было быть начеку — из темноты возникают провода, проносятся мимо дома, плывут автомобили, заборы, торчат металлические конструкции. Чудом удалось уберечь винт.

Хотел бы встретиться с Алексеем, который отдал нам электронасос со своей «Нивы», застрявшей на мосту, и поблагодарить его.

Запомнился поросёнок Борька.

Мы работали до последней возможности, ночью клеили «Фаворит».

Поднялся в 4:30, налил стакан чая, вышел в вестибюль посмотреть лодку. За столом сидит худая белобрысая девчонка. Попросила попить. Отдаю свой стакан. Вижу - девчонка голодная. Соорудил по-быстрому бутерброд. Девчонка с жадностью съела. Почувствовал, что едва сдерживаю слёзы.

Эвакуировали людей из затопленных зданий в районе ЛДК. Улица, кругом заборы, толкаемся против течения, проверяем глубину вёслами — мелко. Соскакиваю с борта, чтобы буксировать лодку, с головой ухажу под воду. Попал в канализационный колодец, с которого сорвало крышку. Вода грязная и холодная.

Долго буду помнить запах воды в затопленном городе. Вода чёрная, пахнет нефтью и нечистотами из утонувших туалетов.

Запах гнилой воды и тухлятины преследовал нас все дни командировки. И ещё лютые комары, от которых не было спасения.

Тяжёлое впечатление оставила гибель женщины, которую смыло с дамбы, и она утонула прямо у нас на глазах.

Поразило количество людей, вывезенных из домов. Их была целая толпа. Когда подходили к берегу, они бросались нам помогать вытаскивать лодку, выводить пострадавших. Многие просили увести их на другой берег. Приходилось отказывать. Ещё много пострадавших сидело на крышах.

Сеня

Команду в Тулун отправляли 27-го, у ребёнка 29-го выпускной. Говорю жене: «Я отмажусь!»

27-го звонит оперативный дежурный, говорит: «Серёга, ты едешь. Твоя отмазка не проканала!»

28-го просыпаюсь в Тулуне. Пожарный майор распределяет на объекты: «Работаете по улице Литейной!»

Ходим, ставим на тумбочки диваны, холодильники, стиральные машины. Полдня промаялись бесполезной работой. Городское начальство проявило халатность: не было содействия спасателям, в эвакуационных бригадах не было полиции, представителей администрации. Социальные службы должны были адресно работать по многодетным и неблагополучным семьям. Царила неразбериха. Немедленно, когда в них была особенная нужда, не организовали пунктов выдачи тёплых вещей и горячего питания. Мокрым людям было нечем согреться.

Признаюсь, трагического развития событий я тоже не ожидал. Даже взял номер телефона у парня, который пригласил нас на Литейную вечером в баню.

Когда вода пошла, меня отправили работать вместе с егерем. У нас была двухместная надувная гражданская лодчонка с водомётным двигателем. Садил по 2-3 человека. Мы ходили по улицам Фрунзе, Озёрной, Заозёрной, Мастерской. Всё началось часа в четыре.

Помню, подходит майор, называет адрес, говорит: «Бабка вредная. Постарайтесь её убедить!» Подъезжаем. Воды на улице по пояс. Старухин двор только начало топить. Убалтывал женщину минут двадцать, когда уговорил, вода уже была на крыльце. Бабка не бросила такую же старую,

как сама, собаку. Старуху вместе с собакой вынес на руках, как молодую жену. Старуха орёт: «Выше поднимай, замочила подол!»

Высадили на берег возле магазина «Ёлки-палки». Подбегает ко мне чёрный, по виду армянин. Говорит: «Надо на тот берег. У меня там жена беременная и годовалый ребёнок!» Соглашаемся. В лодку лезет вся армянская родня. Выгоняю, беру отца детей. Переправил. Дня через четыре, когда собирал трупы животных, встречаю знакомое лицо. Он меня чуть не расцеловал. Говорит, что успел спасти жену и детей. Когда забирал собаку, чуть сам не утонул.

Запомнился ещё случай. Сидит на крыше гаража семья: муж, жена, сын, две здоровенные собаки с ними. Привязана лодка. Говорят: «Мы не поедem, у нас дом крепкий. Там бабушка недалеко. Ей помоги!»

Подходим. Ворота заперты. Забор выше моего роста, лодка через верх пройти не может. Перелажу, открываю калитку. Старуха стоит на крыльце по пояс в воде. Рядом собака-лабрадор. Крыльцо высокое. Во дворе глубина мне по грудь. Старуха крепкая — килограмм 130. Даёт мне сумки, распоряжается: «Не замочи!» Сумки тяжеленные, едва донёс. Эту женщину, чувствую, поднять не смогу. Говорю: «Лезь мне на закорки!» Лезет. Чуть не задушила. Там, кажется, и сорвал спину. Собаку не стал брать. Вода прибывала быстро. Собака было не на привязи. Думаю, сумеет о себе побеспокоиться, мне бы хозяйку спасти!

Дня через три-четыре встречаю эту старуху на пункте приёма пищи. Сидим напротив друг друга. Спрашиваю:

— Что, узнаёшь меня?

— Узнаю, — отвечает карга, — ты не спас мою собаку. — И смотрит на меня с ненавистью. Простите меня, бабушка!

Тяжело вспоминать случай с детьми. Дом на возвышенности. Кругом вода и быстро прибывает. Вижу, бегают замызганные дети. Подхожу. Из дома выходят пьяные родители. Предупреждаю: «Уходите, идёт большая вода!» Отец: «Нам по..уй!» Попытался взять детей. Дети в рёв. Пришлось оставить. Надеюсь, они спаслись, но той улицы сейчас всей нет.

Идём дальше. Сильное течение. Вижу, на опоре столба «висит» бабка и держит верёвку. На верёвке коровы. Метров через двадцать на крыше сарая сидит молодая женщина с дочкой. Девочке лет шесть-семь. Старуха с коровами — их мать и бабушка. Всё забито плавающим горбылем. Пытаемся подойти. Мешает затор из горбыля, досок, всплывшего мусора. Пока пробирались у женщины кончились силы, и она отпустила коров. Одна тонет прямо на наших глазах. Решил протолкать нашу лодку к пострадавшим. Думал мелко, спрыгиваю в воду, ухожу с головой. Течение тянет под лодку. Повезло, ноги упираются в затопленный палисадник. Едва вылез — сильно хотелось жить!

Спасли и бабку, и дочку, и внука. Дочка в истерике. Короче, все натерпелись...

Продолжает рассказывать Сеня

Поздний вечер. Идём против затопленного по крышу магазина со странным названием «Кишенкери». На борту два спасателя — я и Саша, егерь, пассажиры — женщина и мужчина. Оба крупные. Егерь решил пройти ближе к зданию. Слышу — хлопок. Борт сразу сдулся. Пассажиры всполошились. Егерь говорит: «Успокойтесь, попробуем пройти».

За магазином в улице сильное течение. Принимаем решение избавиться от пассажиров. Останавливаем свободную лодку, перегружаем пострадавших. Втроем пересекаем поток, выходим на берег. Борт вспорот сантиметров на пятьдесят. Лодка вышла из строя.

Саня ушёл на нашу «Пиранию». Я стал работать на гражданской аэролодке. Стало темно. Хозяин больше заботился о сохранности своей лодки, чем о людях.

Проходим мимо деревянной двухэтажки. В угловом окне вроде кто-то машет. Говорю: «Остановись, давай посмотрим». Останавливаемся. Ничего не видно. Подходим ближе. На втором этаже дед уже плавает в воде. Лодочник мне: «Туда не пойду, боюсь, пробью судно!» Вижу, неподалёку, парень с девкой на одноместной резиновой лодочке с «Ветерком». Подходим, объясняю ситуацию. Парень предложил: «Берите на борт мою девушку. Я сниму деда». Подошёл на лодке к дому, разбил форточку, говорит нам: «Не теряйте время, работайте, я тут справлюсь!»

Смотрю, с этим лодочником каши не сварить. Говорю ему: «Высаживай меня на берег, найду другую лодку. Работай сам, как знаешь!»

Ушёл к своим.

Работаем в районе Мясокомбинатской улицы. Там, где выше вода, где ниже. В высоких местах она по грудь, в низких — люди уже на крышах. Отовсюду нам сигналият фонариками и телефонами, словно звёзды мигают. Удобно, что всё рядом, не надо долго искать. Сильно мешали закрытые ворота и калитки, из-за которых на судне к домам было не подойти.

Работаем с Саней и местным проводником. Сашка за рулём капитаном, я за матроса. С берега нам давали адреса, но дойти до них не успевали. Лодка быстро наполнялась теми, кто был ближе.

Вначале сняли бабку с дедом. Чтобы пройти к их дому, пришлось разобрать заплот. Это такой забор без гвоздей из горизонтальных плах, вставленных в пазы в столбах. Бабушка говорит: «Давай заберём соседку!»

Подходим к дому. На высоком крыльце старуха со свечой и иконой. Забираем. Во дворе собака на цепи. Почти утонула. Отстегнул ошейник, забрал собаку.

Взяли на борт ещё каких-то людей, собаку, идём к месту разгрузки. Слышу, со двора вопят. Подходим. Открываю ворота, заталкиваю аэролодку. «Пиранья» легко входит. Дед орёт: «Спасайте бабку из дома!» Сам плавает по двору на плоту со всей семьёй: двое детей, мальчик и девочка, их мать. Открыли окно. Саня зашёл в дом. Там вода. Старуха

плавает на кресле, держится за подоконник. Ходить не может, отказали ноги. Женщина крупная, командует нам: «Выводите меня через дверь!» Понимаем, бабушку нам не донести. Решаем эвакуировать через окно. Саня толкал сзади, проводник тащил за руки, я слез в воду и держал снизу. Едва перевалили!

Снимаем с плота остальных. Сделал из стола сходни. Мамаша с детьми перебрались без проблем, а дед пройти не может. Дяденька крупный, килограммов 120-130. Просит: «Сынок, дай мне нащупать поверхность». Я на него ору: «Что, стол не видишь? Я окопел здесь в воде стоять!» Дочка объясняет: «Он слепой». Извиняюсь.

Старик предлагает: «Бросьте меня здесь». Я ему: «Нет, уйдём вместе!» Подлажу под стол, чтобы дед его не раздавил, Саня держит слепого за руку, тянет на себя. Перетягиваем старика в лодку.

Загрузились по полной. В «Пиранье» 18 человек. Борт пробит. Вижу, мимо проходит лодка. Передали туда молодую мать с двумя детьми. Я в воде. Пытаюсь вытолкнуть нашу «Пиранию» со двора. Не идёт. Глубина мне «по шейку». Пытаюсь развернуть. Не получается — не хватает места. Чувствую, лодку что-то держит.

Вода воняет затопленными туалетами, бензином и прочей дрянью. Говорю: «Санёк, опять придётся погружаться!» Набираю воздуха, ныряю в чёрную воду, как турецкий приговорённый в чан с дерьмом. Шарю под лодкой. Нащупал: «Пиранья» упёрлась чешуёй в затопленную шпалу. Шпала не даёт обратного хода. Выталкиваю шпалу, выныриваю, ору: «Аллилуйя!»

Послесловие Кеха

Двадцать четвёртое июля. 19:45. Разбирают завалы на подтопленных улицах. Пыль столбом от работающей техники. Жара. Над всем запах гнили. С ошалелым видом бродят выжившие собаки и не узнают знакомых улиц. Их привычный мир разрушен и никогда не станет прежним.

Сеня отпустил машину с манипулятором. Их здесь называют «Фишка». МЧСовский полковник ругается, техника должна работать до восьми. Сеня с ним спорит.

Рядом другая «Фишка» разбирает дом. Гигантская машина похожа на зубастое доисторическое чудовище. Железный зверь берёт стальными челюстями кусок стены и бросает его в грузовик. Растерянные хозяева наблюдают, как их дома превращаются в груды мусора.

20:00. Уходит последний грузовик. «Фишка» складывает стальную руку. Нас забирает «УАЗик». Сашка говорит, что 25-го первую партию отпускают домой. Я уже неделю должен быть в отпуске. Для меня всё кончилось.

Смотрю из окна автомобиля на ставший привычным Тулун. В тот миг чувствую, я его почти люблю — бестолковый, провинциальный, упрямо цепляющийся за землю и привычный быт сибирский город. Город, которому нет дела до курса доллара, модных тенденций, единорогов, коммунистов, демократов, московских выборов, родила бы родная земля, и река Ия оставалась в берегах!

Ольга Бельская

«ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ ЕЩЁ НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ...»

Эту фразу любил повторять Борис Тимофеевич Бычков²² — иркутский художник монументально-декоративного и прикладного искусства. В своём творчестве он нередко обращался к разным материалам: керамике, металлу, камню, но истинной любовью в искусстве всегда было СТЕКЛО. Именно художественное стекло сыграло решающую роль в его творческой судьбе. Стекло тонкостенное прозрачное, цветное гладкое, тяжёлый свинцовый хрусталь, замысловатая гута, грубое теснённое стекло, стекло с травлением и многочисленными другими техническими находками в союзе с

художественными приёмами были поставлены художником на службу искусству. Используя в декоративных целях различные технологии обработки этого удивительного материала, он достиг выдающихся успехов. Стекло дало возможность наиболее ярко проявиться его таланту через незаурядное экспериментальное мастерство.

²² **Борис Тимофеевич Бычков** (1928 - 2005) – народный художник России, выпускник Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени Мухомовой (1957 г.), член-корреспондент Российской Академии художеств, член Союза художников России, участник международных, всесоюзных, республиканских, региональных, областных выставок, член Регионального выставкома, куратор декоративно-прикладного искусства региона «Сибирь».

Борис Тимофеевич Бычков родился в Москве, учился в Москве и Ленинграде. В Иркутск художник приехал уже сложившимся мастером: он трудился театральным художником в Средней Азии после окончания Московского художественного училища «Памяти 1905 года»; ещё в студенческие годы принимал участие в работах над мозаичными композициями для станций метро в Ленинграде; художником по проектированию изделий из стекла работал на Уршельском

стекольном заводе во Владимирской области. А когда Борис Тимофеевич был назначен на должность главного художника Гусь-Хрустального стекольного завода, он организовал группу молодых талантливых мастеров, которые разработали коллекцию композиций из гладкого цветного стекла, что практически являлось новаторским переворотом в советском художественном стекольном производстве. Его работы в тот период экспонировались на выставках в двадцати восьми странах мира. За творческие достижения Борис Тимофеевич Бычков получил в 1961 году медаль ВДНХ СССР «За успехи в народном хозяйстве СССР», что для того времени являлось очень высокой оценкой деятельности художника.

По произведениям Бориса Тимофеевича можно проследить разные этапы творческого развития изделий из художественного стекла в СССР. Так, например, когда в начале 60-х годов пересматривались и менялись эстетические позиции в декоративно-прикладном искусстве, Б. Бычков возглавил группу молодых художников-энтузиастов на Гусь-Хрустальном стекольном заводе, которые горели желанием переделать и вытеснить всё старое, надоевшее в стекольном производстве. Они разработали новые изделия из гладкого цветного стекла и хрусталя, а также новую концепцию гранения хрусталя. Новаторский характер Б. Быčkova в этом периоде представлен целым рядом бытовых изделий из бесцветного и цветного стекла и хрусталя. Особое место среди произведений этого времени занимает набор для воды «Трёхцветный» (1959). Графин и кружечки-бочонки из этого набора, выполненные из цветного стекла с рельефной

поверхностью, под названием «Луковка» стали эталоном гладкой бытовой посуды и иллюстрировались в журналах и книгах по декоративно-прикладному искусству.

Ансамбль «Осень» (1964) состоит из двух предметов: ваза для цветов и блюдо для фруктов. Формы простые, изящные и лаконичные, стенки сосудов из бесцветного стекла выполнены в технике кракле. Смелый эксперимент художника позволил ему создать в простых утилитарных формах образ поздней осени, когда вся природа и предметы вокруг покрываются тонкими хрупкими льдинками.

Особое место в его творчестве занимает тема космоса, которая в 60-е годы была особенно актуальна для Советского Союза. Композиция «В космос» (1966) состоит из крупномасштабных и весомых, лаконичных по своей пластике предметов. Хрусталь, лишённый гранения, напоминает кристально чистый струящийся поток. Цветное стекло в звёздах создаёт эффект внутреннего свечения.

Юбилейный сервиз «Былина» (1966) — эмоционально окрашенный образ бытового предмета. За ним встают и художественный образ былинных богатырей, и представление о человеческом быте в нашем традиционном и современном вариантах. Сочетание дымчатого и рубинового стекла, сверкающего золотого орнамента превращают ансамбль в подлинно торжественное зрелище.

А ещё в 60-е годы Сибирь гремела на всю страну великими стройками, притягивала, как магнитом, к своим просторам много молодёжи и, соответственно, была необыкновенно привлекательна для творческих людей. Так, на первый взгляд, спонтанно, под влиянием эмоционального всплеска коренной москвич с молодой семьёй оказался в Иркутске...

Бычков сразу был очарован Байкалом. Практически каждый год, несмотря на очень большую загруженность, он «вырывался» на озеро. Это были творческие поездки художников, походы по Байкалу со студентами училища искусств, путешествия с семьёй и друзьями. Каждый раз разные маршруты и разные способы передвижения: пешком, на «кукурузнике» до Ольхона, на пароходке «Комсомолец», на моторных лодках, на катере «Корсар» и другие. Из поездок по Байкалу Борис Тимофеевич привозил большое количество этюдов и набросков, естественно, это были чаще всего пейзажи, которые в творческой мастерской вдохновляли художника на разработку эскизов, моделей и выполнение картонов будущих необыкновенных декоративных композиций из стекла и хрустала.

Декоративно-прикладное искусство изначально не предполагает прямой изобразительности, но собранный в набросках и этюдах байкальский материал позволял художнику удивительно точно создавать образы посредством условного и стилизованного изобразительного языка, свойственного этому виду искусства. Так родились декоративный ансамбль из хрустала «Байкал и Ангара» (1964), декоративная ваза «Сибирь» (1964).

В период великих строек и мощного молодёжно-патриотического движения Борис Тимофеевич выполняет две сложносоставные декоративные композиции из хрусталя: декоративная ваза «Энергетика Сибири» (1974) и декоративная композиция «БАМ строится» (1980). Выполнены они с разрывом в шесть лет, но удивительным образом сложились в единый ансамбль. Видимо характер поставленных задач, которые наш народ решал трудовыми подвигами, имел единый стержень, который и отразился в образной системе этих работ.

Другое дело декоративные композиции «Таёжный» (1967), «Бутоны» (1980), «Цветы Байкала» (1981) или «Монгольские мотивы» (1981). Сама природа, с её разнообразием форм и фактур, провоцирует фантазию художника, а этот цвето-светоносный материал стал его палитрой для создания необычных декоративных образов.

Борис Тимофеевич всегда с большим интересом изучал различные исторические события Отечества, увлекался историческими личностями. Результатом такого интереса порой бывало рождение совершенно неожиданных оригинальных художественных произведений, таких как, например, «Посвящение жёнам декабристов» (1974). На хрустальных кубках изящные графические женские портреты. Форма кубков предельно проста по конфигурации, от цветных фигурных ножек играют нежные рефлекс в толще хрусталя. Хотя кубки и несут утилитарную функцию и пригодны для практического использования, главный смысл и ценность их другие — они отражают чистоту человеческих взаимоотношений, красоту благородных поступков.

В одном из выставочных залов Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва в постоянной экспозиции находится впечатляющая крупномасштабная декоративная композиция художника. Трёхметровые в высоту «Застывшие звуки» (1974) — одна из самых любимых работ Бориса Бычкова. Интерьерная композиция из металла и стекла организует объёмно-пространственную среду, в которой она размещена. Главная её выразительность в колористическом решении: художник разыгрывает необыкновенные цветовые полифонии в стекле. Луч света, преломляясь в толще хрусталя, создаёт непередаваемую

оптическую игру цвета и света. Создаётся впечатление, что огромные эффектные хрустальные чаши поймали музыкальные звуки, которые выстроились в торжественном звучании.

Ещё одна декоративная композиция в интерьере музея — «Победа» (1987) представляет собой мощный ассоциативный ряд, который объединил в работе и крылья Победы, и развевающиеся знамёна, и парадный аккорд органной музыки.

Предметы и тайны, которым поклонялись наши далёкие предки, отображены в работах: «Из глубины веков» (1997), «Обереги древних славян» (1997), «Три пламени» (1997). В стилизованной условной форме воплотились магия древних обрядов, старинные символы, знаки и мистические превращения.

Одну из последних работ Бориса Тимофеевича «Ростки» (2003) можно назвать гимном самой жизни. Той самой жизни, когда из маленького семечка вырастает могучее дерево, из маковой крупинки расцветает пышный цветок, нежный трогательный росток пробивается через камни, разбивает бетон, прорастает, вопреки всякой логике, там, где не должен был появиться. Это волшебство художник показал в прозрачных хрустальных формах, выполненных в гутной технике, отличающихся лёгкостью, кажущейся простотой, пластичностью формы. Линии мягкие и тягучие, чуть тронутые цветом изнутри первые лепестки создают художественный образ, посвящённый силе жизни. Если не знать, чьё это произведение, и нужно охарактеризовать мастера, выполнившего его, то можно предположить, что эта работа совсем молодого художника, чей творческий путь ещё не перегружен многолетним опытом, существующими стереотипами и традициями, которые стали уже догмами в этом виде искусства. А ведь автору было тогда уже 75.

Другая же его работа, которая вместе с «Ростками» экспонировалась на Региональной выставке «Сибирь-9» в 2003 году, а затем в Томске, — «Цветы из царства Плутона». Фантазия художника преобразовала друзы кристаллов дымчатого кварца, байкалита, аметиста, горного хрусталя в мягкие изящные формы сказочных цветов подземного бога. Композиция, навеянная красотой кристаллов минералов, рождающихся в недрах земли, напоминает структуру естественных природных образований. Насыщенный цвет вертикальных объёмов играет в прозрачных элементах стекла, декорирующих по сторонам основную форму и создающих своеобразный декоративный эффект.

С работами Бориса Тимофеевича Бычкова жители разных городов, в том числе и Иркутска, могут быть знакомыми, даже ни разу не посетив художественный музей. Зрители музыкального театра им. Н. М. Загурского в Иркутске любят великолепными люстрами в зрительном зале и в фойе театра, которые наполняют интерьер цветом, светом и особым звучанием.

Иркутян и гостей города в гостинице «Иркутск» (ранее «Интурист») встречает витраж «Иркутск» (1977), который наполнен мотивами старого города.

В Иркутске-II многие торжественные мероприятия проводятся в круглом зале Дома культуры им. Гагарина, в котором шесть витражей из стекла и бетона Бориса Тимофеевича создают парадную нарядную обстановку.

Мозаичное панно площадью около восьмидесяти квадратных метров на фасаде Дома культуры Тулунского стекольного завода с 1974 года является украшением города стекловаров и стеклодувов.

В Братске для Дворца искусств «Энергетик» был создан четырёхметровый в диаметре витраж «Синяя птица» из рельефного стекла и бетона, который стал роскошным акцентом на главном фасаде сооружения.

Величественно байкальская тема звучит в монументально-декоративных композициях, выполненных для культурного центра в городе Хемнице (ранее Карл-Маркс-Штадт) Германии в 1987 году. На удалении почти в девять тысяч километров от озера была создана удивительная атмосфера Байкала в

интерьере. В кафе культурного центра — витражи из цветного стекла и металла «Байкал» и люстры из цветного стекла. В огромном вестибюле — люстры из дымчатого и бесцветного стекла и металла. Выразительным акцентом интерьера является трёхметровая композиция из байкальских минералов и металла «Камни Байкала».

К 300-летию Санкт-Петербурга (2003 г.) в государственном комплексе «Дворец конгрессов» в Стрельне были представлены все регионы страны. Одной из работ от Приангарья стала почти двухметровая композиция художника Бычкова «Байкал», выполненная из синтезированного горного хрусталя и металла. И этот список монументальных композиций можно ещё продолжать и продолжать.

Многие художественно-декоративных произведения Бориса Тимофеевича давно уже прописались в экспозициях музеев нашей страны и за рубежом. Они находятся в Государственном Русском музее, Государственном музее керамики «Усадьба Кусково»; в художественных музеях Иркутска, Ангарска, Новосибирска, Тулы, Курска, Гусь-Хрустального, Краснодара и других городов.

Борис Тимофеевич Бычков На протяжении многих лет Борис Тимофеевич преподавал в Иркутском училище искусств. Благодаря его инициативе в училище было открыто керамическое отделение. За эти годы он подготовил большую группу молодых художников, многие из которых в настоящее время успешно занимаются творчеством.

Признание и известность к Борису Тимофеевичу пришли ещё при жизни, это отражено в присвоенных ему званиях и многочисленных наградах. В основе его успеха — талант, трудолюбие, неуспокоенность, стремление в каждой работе к открытию и новизне. Его отличали постоянные настойчивые поиски красоты, не украшения, а красоты как эстетического совершенства и гармонии.

Наследие художника очень убедительно. Темы впечатляют своим

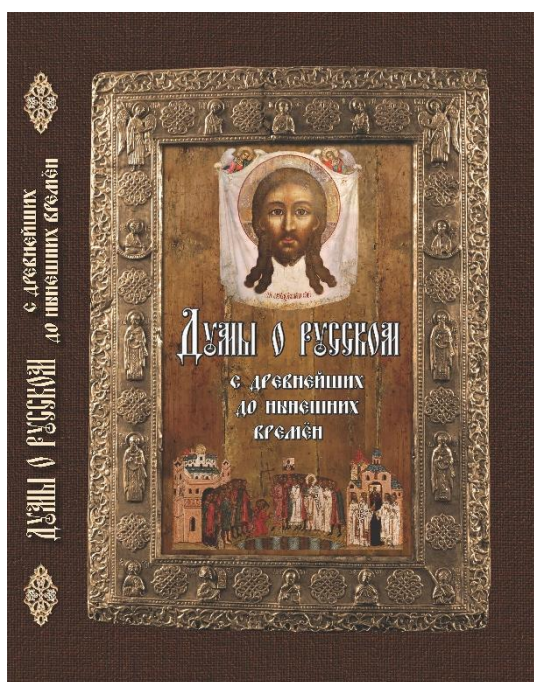
многообразием, а решение поставленных задач — оригинальностью. С одной стороны, он был воином, когда нужно было отстаивать своё мнение, с другой, человеком, тонко чувствующим природу, настрои души, эмоции и переживания, художником, размышляющим через свои произведения над проблемами мироздания. Он был глубоко впечатлён мощью, красотой и многообразием Сибири, что и определило на многие годы его творческий путь. Молодым, дерзким и полным головокружительных планов художником он приехал с молодой женой и маленькой дочерью в Иркутск. Здесь, на сибирской земле, в семье Бычковых появился сын Дмитрий, а потом родились три внучки Полина, Анастасия и Дарья, правнуки Антонина и Глеб. Теперь можно с уверенностью сказать, что Борис Тимофеевич Бычков пустил корни на сибирской земле недалеко от неповторимого божественного творения — Байкала.

• **На вашу книжную полку
ДУМЫ О РУССКОМ**

Русский писатель Анатолий Григорьевич Байбородин, проживающий в Иркутске, сделал хороший подарок всем почитателям русской культуры, которые душой и сердцем своим прилепились к нашей Отчизне. Вышли в свет две его книги: «ДУМЫ О РУССКОМ с древнейших до нынешних времен» и «РУССКИЙ МЕСЯЦЕСЛОВ». Последняя – переиздание, составленной и изданной им в девяностые годы одноимённой книги, которая в своё время удостоилась Всероссийской премии «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999).

Анатолий Григорьевич, представляя свою книгу «ДУМЫ О РУССКОМ с древнейших до нынешних времен» пишет: «Неисповедимы пути творческие, неисповедимы были и пути рождения сего сборника цитат, в который вошли мысли и впечатления о русском: о православной вере, о народе, культуре, истории, этике, эстетике, идеологии и государстве Российском, изложенные святыми отцами Русской Православной Церкви, богословами, писателями, учеными, государственными, общественными и культурными деятелями, а так же цитаты из русских летописей, фольклорных сборников и святоотеческих православных источников. Четверть века исподволь собирались «амбарные книги» цитат – запечатленных высказываний о русском, кои составитель, даже и не помышляя о подобном сборнике, выписывал либо для университетских лекций, либо для цитирования в очерках и статьях, а то и, просто, поразившись мудрой и украсной силой высказываний. В некое время стало жалко, что так и сгинут в амбарных книгах мысли о русском, реченные святыми, несвятыми, славянофилами, русофилами, почвенниками, до самоотречения любящими всё русское, но и сказанные русью и нерусью, презирающими, и порой и ненавидящими всё русское. Хотелось, чтобы «думы о русском» стали ведомы многим русским, кои не сподобятся перечитать уйму литературы, где рассеяны «думы».

И лет десять назад, на основе выписок стал целенаправленно готовить сборник, который и повеличал – «ДУМЫ О РУССКОМ с древнейших до нынешних времен». Разумеется, для наполнения и окончательного формирования разделов книги пристально, с выписками, читал православные канонические тексты, жития святых, в Земле Российской просиявших, пророчества и величания святых, и, наконец, десятки очерков и статей, где осмыслялась русская история, русская судьба.

Несмотря на внушительные объемы рукописи, в данный сборник, разумеется, вошла лишь малая толика того, что за тысячу лет от Крещения Руси было

благолепно речено и письменно запечатлено о русском с горней и дольней мудростью. Глянешь на книжную полку, где в строгой величавости выстроились тома «Жития святыхъ, на русском языкъ изложенныя по руководству Четыхъ-Миней святителя Димитрія Ростовскаго» и труды православных любомудров, глянешь ниже, где книги великих русских мыслителей прошлого и позапрошлого веков и поскорбеешь обреченно: не объять необъятного, как не вычерпать море, куда впадают бесчисленные ручьи и многие реки. И лишь одно худо-бедно утешает: нечто основное, типичное, касаясь русского, все же отобразилось в сборнике.

Сборник цитат тематически выстроен по разделам, и внутри поделен на главы по темам, но коль иные авторы размышляли, скажем, сразу и о Православии, и о России, и о русском народе, то мысли их повторяются в нескольких разделах.

Чтобы явилась более полная и цельная картина отношений к России и Православию, к русскому народу и русской этике со стороны религиозных, культурных, политических и общественных деятелей, в сборник цитат включены мысли о русском не только откровенных русофилов, славянофилов, почвенников, либо, просто, лояльных к русскому духу, русскому миру, но и западников с их откровенной критикой русского мира, и даже откровенных русофобов (иноземных и отечественных) с их враждебным отношением ко всему русскому. Эти откровенно прозападнические и русофобские «думы», меж коими порой границы весьма размыты, выделены в раздел «Русофобия» с подразделами: «Российская», «Иноземная».

Традиционные русские западники девятнадцатого, а потом и двадцатого века в отличии от русофобов по бытующему в литературе мнению, если и критиковали русский народ с его верой, с его народной

этикой и эстетикой, с его государственностью, то якобы лишь из желания блага родному народу, видя русское благо в приобщении к европейской (западной) цивилизации. Русофобы же никакого блага русскому народу, государству российскому желать не могли, уже по той простой причине, что никакими добрыми чувствами не были связаны с народом и государством. Впрочем, как уже отмечалось выше, порой границы западнической и русофобской критики *русского* столь размыты, что трудно их и разделить. Самое прискорбное, что среди цитируемых авторов есть и великие, и выдающиеся русские писатели, мыслители, мировоззрение которых в силу разных обстоятельств – религиозных, этических, эстетических, политических и даже социальных – колебалось от искренней и восторженной любви к *русскому* до искренней, почти брезгливой неприязни.

Мысли, выражающие неприязнь, а порой и страстную либо холодно расчетливую враждебность к *русскому* потому выделены в *небольшие* разделы, завершающий сборник, что составитель все же не ставил цель дать лишь «полную картину» отношения к *русскому*, ибо основная цель сборника – укрепить либо пробудить, коль дремлет, любовь и восторженную, и сострадательную к русскому народу с его духовно-православным, народно-нравственным, культурным миром.

Составитель изначально не замышлял подобный сборник цитат, выписывая мысли о русском для художественно-публицистических очерков, и не озадачивался указанием источников – откуда извлечена та или иная цитата, а когда рукопись вызрела в полном объеме, сформировалась в книгу, изыскания источников цитат, коих сотни, оказалось непосильным. «Мысли о русском с древнейших до нынешних времен» – не научно-академический труд, а «записная книга» составителя, который ручается в подлинности цитат, выписанных из серьезных печатных источников. Впрочем, автор выражает по отношению к неким историческим событиям, неким выдающимся личностям – скажем, царь Иоанн Грозный – личностное отношение, кое, между тем, опирается на исследования историков, главными достоинствами которых является не токмо основательность, доказательность исторических изысканий, но святая, духовно страстная любовь к Святой Руси, народу святорусскому, к России народной-православной.

Книгу «Думы о русском» нет смысла читать от корки до корки, но к ней можно постоянно обращаться, когда является необходимость осмыслить и, может, описать некое событие, явление русской жизни. Книга может быть в числе настольных для всякого, кого интересует, волнует русская история, русская судьба.

«РУССКИЙ МЕСЯЦЕСЛОВ»
Православные календарь и жития святых.
Народные обычаи, обряды, поверья, приметы.
Календарь хозяина

«Русский
месяцеслов» – настольная
книга для любого
читателя, желающего
знать народно-
православные праздники,
краткие жития святых,
имена которых давали
новорожденным детям,
чтобы святые

покровительствовали
помогали им всю жизнь,
обряды, поверья, приметы
на все случаи жизни, а
также касаемые растениеводства,
животноводства, рыбалки, охоты,
народной медицины, различных ремесел,
погоды, урожая хлебов, овощей,
фруктов, ягод, грибов; обряды и поверья,
связанные с рождением,
крещением и воспитанием детей,
выбора невесты и жениха; сватовства и
свадьбы на Руси; молодежные и детские
игры; русские похоронные
обряды; народные мифы о нечистой,
неведомой и крестной силе.

"Этот "Месяцеслов..." – в истории календарно-обрядовой российской литературы стал первым опытом прямого слияния церковного и народного календарей, как это и было в реальной жизни русского народа» При составлении «Русского месяцеслова» была использована русская календарно-обрядовая и фольклорно-этнографическая литература XVIII, XIX, XX веков, редкая и даже не переизданная, а также материалы путешествий по селам Восточной Сибири, где великорусы, малорусы и белорусы живут в добром ладу, при эстетически взаимообогащающем взаимовлиянии обрядовых культур.

Предисловия для книги «Русский месяцеслов» в свое время написали Ф. Ф. Болонев, доктор исторических наук, экс-главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук, а также В. И. Зоркин, профессор факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета, и экс-министр сельского хозяйства Иркутской области, заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации В. А. Бердников.

Книга, в которой перед читателем во всей полноте и многообразии предстал многовековой крестьянский мир России, в 1998 году при поддержке Иркутского Управления сельского хозяйства вышла тиражом

4000 экземпляров и за короткий срок разошлась по всей Иркутской области – поступила в публичные библиотеки, досуговые центры, в подарочные фонды предприятий.

Книга удостоилась Всероссийской премии «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999). «Русский месяцеслов» высоко оценили писатели, в том числе и Валентин

Распутин, а Валерий Ганичев, тогдашний председатель Союза писателей России, написал составителю книги А.Г.Байбородину:

«Спасибо тебе за подвижничество. Твой «Русский месяцеслов» прочитал и поизучал ещё раньше, а вот очерк «Русский обычай» (включенный в книгу) только там в Иркутске. В Москве это ещё раз соединил и выражаю тебе свое искреннее восхищение. <...> Анатолий Григорьевич, радуюсь тому, что ты провел бережную и важную работу, соединив православную культуру, народный обычай и календарь хозяина».

Книга ценна тем, что, в ней тысячелетняя русская народная, горняя и дольная мудрость, запечатленная дивным образным слогом. Знаменитые крестьянские писатели Абрамов, Астафьев, Белов, Распутин, Личутин лишь прикоснулись к великой стихии русской народной мудрости и языковой красоты, и обрели народную любовь.

В нынешнем году составитель завершил новую редакцию «Русского месяцеслова», дополнив текст краткими житиями всех святых, чьими именами обозначаются дни в народном календаре.

Книга рассчитана на широкий круг читателя, а также как пособие для школьников и студентов, изучающих русскую народную этику, для клубных и библиотечных работников, которые проводят народно-обрядовые календарные мероприятия.

На фото: А.Байбородин представляет «Русский месяцеслов» в Высшей народной школе г. Иркутска.

На рисунках полотна русских художников, представленные на первом форзаце нового издания книги:

- 1.М.Нестеров. Видение отроку Варфоломею.**
- 2. В.Поленов. Ранний снег.**

ПРОЗА

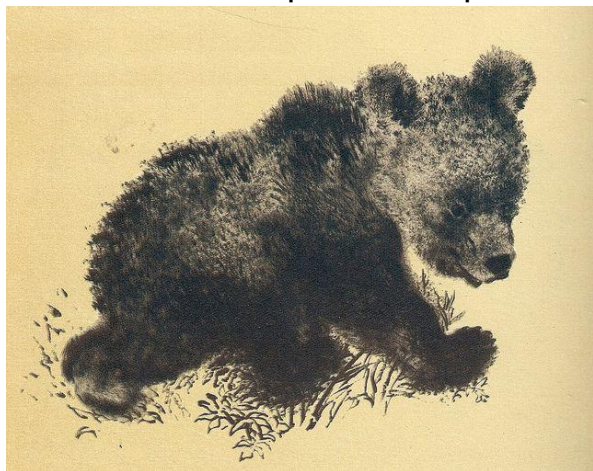
Игорь Давыдов

СКАЗКА
о маленьком
медвежонке,
его приключениях,
друзьях и врагах

1

Маленький медвежонок появился на свет в разгар зимы в тёмной и тесной берлоге.

Там, за пределами берлоги, мир был холодным и враждебным, но он об этом не знал. В маленьком тёмном мире, где он жил, было тепло и уютно. Прижавшись к теплому материнскому боку, он рос, набирался сил, слушая колыбельную, которую в полудреме напевала ему мать. Мама пела о том, что когда-то кончатся морозы и метели, растает снег, зазеленеет трава и наступит самое замечательное время, которое называется лето.

Но она пела и о том, что их ждёт на поверхности, за толстыми снежными стенами берлоги. Печальным голосом она ведала медвежонку о том, что в мирную медвежью жизнь вторгаются перемены. Леса выпиливаются, огонь уничтожает кедровники и ягодники. Двунogie существа, называющие себя людьми, прилетают в тайгу на винтокрылых машинах. Они, оснащённые современнейшими орудиями уничтожения, забираются в

самые глухие её места. Уже почти невозможно спокойно искупаться в чистой реке, поесть сочную траву и сладкую ягоду.

Она пела о далёкой стране, про которую она слышала от путешественницы кедровки. О том, что они вместе с медвежонком отправятся туда в далёкий поход через горы. Там по берегу громадного озера с чистой холодной водой бродят непуганые изюбри, и жирные черношапочные сурки приветствуют каждого громким весёлым свистом. На берег волны выбрасывают жирные туши нерп, множество ручейников

толстым слоем облепляют камни. О такой стране, пела мать медведиха, можно только мечтать, потому что там есть всё для сытой и беззаботной жизни любого зверя! Природа здесь сохранилась такой, какой была сотни лет назад, потому что не каждый человек может попасть туда. Здесь работают только учёные, то есть те из них, которые изучают жизнь тайги, повадки животных и птиц. А добрые люди охраняют эту территорию. Это очень отважные люди. Они годами живут в глухой тайге и следят за тем, чтобы горе-туристы не учинили пожар, чтобы не попал лось или медведь на мушку браконьеру.

2

В это время там, где могучий Байкал собирает свои воды из сотни речек и ручейков, испещряющих карту, словно ветви большого дерева, растут удивительно живописные леса.

На берегу одного из таких кристально чистых ручьёв стоял брусковый балок на металлических санях. Домик этот был величиной с большую палатку. Кроме двери и крохотного оконца, в нём не было других отверстий, если не считать трубы металлической печки. Внутри вдоль стен сколоченные из горбыля нары и стоящий между ними стол, — вот и вся обстановка. На столе стояла грязная посуда с остатками пищи, на печке закопчённый чайник. Таково жилище лесорубов. Но за столом сидели два человека, которые явно, судя по одежде, никак не могли быть лесорубами. Тот, который моложе, многозначительно поглядел на человека в форменной одежде. Пожилой в ответ улыбнулся. Гладкое лицо его излучало спокойствие и доброжелательность.

— Не бойся, — сказал он, — никаких неприятностей. И погладил пухлую рукой седоватые усы.

— Тем лучше! Тем лучше! — и молодой вздохнул свободнее. Хотя он и отрастил небольшое брюшко, но лицо у него пока не расплылось. Его быстрые, глубоко сидящие глаза блестели, выдающиеся скулы выражали хитрость и корыстолюбие, острый подбородок говорил о лукавстве и терпении. В балке этот человек сидел так же величественно, как в офисе своей фирмы.

Он предложил госинспектору обед не роскошный, но чисто таёжный: жаркое, приготовленное из дикого мяса на железной печке с картошкой. Гостю очень понравилось, что хозяин достал бутылку коньяка.

— Когда ещё выпьем вместе? — сказал он.

— В отпуск собрался?

— Бессрочный!

— А что случилось?

— Новый губернатор набирает новую команду. Хочет навести порядок в лесу. А меня на пенсию. Но есть одна идея. Сначала о финансах. Как наши деньги?

— Нормально. Твоя доля при мне. Макаки берут лес хорошо. Я даже забираю лес у своих должников, которые мне деньги не могут вернуть.

— Неужели без проблем?

— На прошлой неделе были две стрелки по этой теме. А что у тебя за идея?

В ответ госинспектор, запивая жаркое коньяком, изложил свой план. Он предложил организовать в охотничьих угодьях своего поделщика охоту для нового губернатора, и дружбану эта идея понравилась. На том, хлопнув по рукам, они допили коньяк и расстались.

Сначала уехал с деньгами страж природы, а вслед за гружёным лесовозом хозяин деляны. На трассе его ждала полицейская машина, чтобы проводить до места, где ждали покупатели.

А в лесу продолжалась работа. Пожилой мужик в дырявых валенках отгробал снег от деревьев. Молодой здоровый парень валил их бензопилой, третий толкал здоровой жердью с металлическим наконечником. Четвёртый обрубал топором сучки и трелевал стволы на площадку. Там от них отделяли комли и вершины. Готовые брёвна складывали в штабель.

Нудный вой бензопил и стук топоров были хорошо знакомы медведице. Чем ближе они становились, тем тревожней был её сон. Она не видела, как, поднимая тучи снежной пыли, падали вековые деревья. Но каждый удар по земле передавался ей. От этого она, не просыпаясь, вздрагивала, шерсть на мгновение становилась дыбом, сердце учащённо билось, и она инстинктивно подгребала к себе пушистое тельце медвежонка, пытаясь бессознательно оберечь его от тревожных звуков.

Вдруг всё стихло. Что заставило лесорубов остановить работу? — Они не добрались до берлоги, где спал медвежонок, но разбудили «пестуна»! Берлога старшего брата медвежонка оказалась на пути лесорубов. Неожиданное его появление привело их в ужас. Они закрылись в балке и стали срочно звонить по спутниковому телефону хозяину...

3

Сегодня хозяин решил не думать о деньгах — сегодня отдых. Егерь вчера на славу истопил баньку, ночью в домике было тепло и уютно. А

утром хорошо прогретый егерем японский снегоход завёлся с одного поворота ключа. Мотор бешено заревел. Ну держись, родимая округа! Снегоход стремглав понёсся по таёжным просторам. Перед глазами ездока замелькали деревья, но ни одна деталь не ускользала от его зоркого взгляда. Вот заснеженный луг. Лиса-огневка, мышкуя, зазевалась. И теперь, распушив хвост, бежала к кочкам, чтобы там скрыться. Но не зря оружие и коллиматорный прицел стоили не одну зарплату работавших на хозяина лесорубов! — Треск выстрелов, и подъехавший егерь закинул лишённое жизни тело лисы в прицеп. Потом из сугроба вынырнул и покатился вперёд шариком зайчишка. И его забросили в прицеп... Всё это подняло настроение хозяина, но ему хотелось большего. Над самыми верхушками деревьев на мотопараплане летел напарник и при помощи тепловизора обшаривал каждый метр заснеженной тайги. Он благодаря такого рода «изучению» местности должен был найти спящего в берлоге медведя. Потом при помощи спутникового навигатора зафиксировать берлогу. Рация поможет связаться с напарником, а навигатор приведёт к ней снегоходы. Звонок с деляны прервал его мысли. Узнав, в чём дело, он успокоил лесорубов и позвонил напарнику. Когда он вернулся на деляну, медведь уже был застрелен. Возле него толпились лесорубы, а напарник собирал купол параплана. Хозяин достал телефон и позвонил госинспектору. Настроение у него было хорошее: всё как-то само собой оказалось готовым для осуществления плана будущей охоты.

В назначенный день на деляне всё было подготовлено к губернаторской охоте. Лесорубы и техника убраны. Замороженную тушу медведя оттаяли и спрятали возле берлоги. Госинспектор оформил все бумажные формальности и, вместе с хозяином, ждал гостей.

Между тем, со всех сторон подъезжали машины из районного центра, а кое-кто даже из областного. Прибыл начальник районной милиции, четыре известных бизнесмена, три чиновника лесного департамента, два партийных функционера. Последние были «сделаны» природой и людьми как-то одинаково, словно по какому-то особому шаблону. Они представляли собой на вид мужчин средних лет, упитанных, весёлых, относящихся к партийной работе, как к выгодному ремеслу.

У двух бизнесменов отцы были известными криминальными авторитетами, а третий, большеголовый старик, украшенный медалью за какие-то доблести, в молодые года сам был рэкетиром. На его лице у виска чётко просматривался шрам от удара кастетом. Четвёртый был кредитором хозяина, которого он ловко оплёл. Здороваясь с хозяином, он сказал:

— Ох, и нагрел, и нагрел ты меня, дружок!

— Ну прости, — улыбнулся хозяин. Я тогда ничего не соображал после пожара.

— А лапшу мне на уши сумел навесить. Ну ничего... Я своё возьму.

Последние слова не особенно понравились хозяину.

Губернатор на медвежьей охоте впервые. Когда он узнал, что его будут охранять опытные медвежатники, сразу взбодрился и принял предложение с энтузиазмом. Дорогой рассказывали губернатору разные небылицы про медведей; начальник милиции всячески лебезил перед важной государственной персоной регионального масштаба, угодливо поддерживая его под локоток на ухабах, при этом подобострастно покрикивая на водителя: «Легче! Не видишь, кого везёшь!» Надо сказать, что настроение у офицера было преотличнейшее: он уже успел сыграть с бизнесменами в картишки и остался в барыше.

В это время зашитый в медвежью шкуру Петька, местный щербатый пьяница, нанятый на клоунскую должность, посиживал уже возле берлоги, от скуки матерился и время от времени просовывал в медвежью оскаленную пасть горлышко бутылки, чтобы оросить свой пересохший рот, а ещё более внутренности палёной водкой. В метрах пяти, в чащобе лежала чёрно-бурая туша молодого медведя...

— Едем! — раздалось в рации. Егерь — бегом к Петьке.

— Залезай! Едут!

Петька поспешно допил водку и залез в провал, под корневище древней ёлки. Егерь прикрыл лаз хворостом, закидал всё заранее приготовленным снегом. Потом побежал навстречу, подъехавшим автомобилям, услужливо подал губернатору бельгийскую двустволку, заряженную порохowymi, без пуль, патронами. О секрете знали хозяин, лесничий, егерь и сам «живой медведь». Впрочем, будучи ещё накануне, мягко говоря, слегка «выпимши», Петька всё-таки кое-кому проболтался.

— Завтра меня губернатор будет убивать... Лично...

— Чего врешь! За что!

— За пять тысяч рублей.

Губернатор браво встал на первый номер, метрах в десяти от берлоги. Сзади от него, справа и слева, встали два опытных охотника, которых егерь ещё вчера предупредил. «Не смей стрелять. Зверя должен убить сам губернатор!»

— А вы уверены, что мишка в берлоге? — взволнованным голосом спросил губернатор.

— Точно там! — ответил хозяин.

— А вы как? — обернулся к звероловам губернатор.

— Нормально, — спокойно ответили охотники.

Они догадывались, что с губернатором «валяют ваньку», и, ухмыляясь про себя, тоже прикидывались взволнованными. Но всё-таки егерь издали, на всякий случай, кашлянул и погрозил им кулаком.

Зная, что отказаться от рискованной затеи теперь поздно, губернатор внимательно повертел головой, как бы изучая местность, куда в случае промаха утекать. Сзади, шагах в сорока, — вооружённые охранники, кучка людей, благоразумно отошедший к ним начальник полиции.

— Подымай мишку, — упавшим голосом приказал губернатор и взвёл оба курка.

— Вали! — весело крикнул егерь. И один из охотников ткнул шестом в кучу хвороста. Все, что есть силы, заорали.

— Стоп! — скомандовал егерь.

Из берлоги раздался глухой медвежий рёв. На глаза «свадебного генерала» от сильного волнения набежали слёзы. «Пропал», — мелькнуло в его враз помутневшем сознании что-то похожее на мысль. Из берлоги, рвякая, как двадцать медведей, вылез Петька, встал на дыбы и двинулся на губернатора. Губернатор, зажмурив глаза, надавил на спусковой крючок. Грянул выстрел. Медведь заревел пуще прежнего. Губернатор надавил ещё раз, бросил ружьё и, чуть не сшибив с ног охотника, как заяц, помчался прочь. Людей молниеносно охватила паника: впереди на согнутых ногах улепётывал толстобрюхий начальник полиции, за ним остальные, а позади — брошенный всеми губернатор.

— Сто-о-йте! — закричал хозяин, догоняя его на снегоходе. Пройдоху внутри распирало от смеха, но внешне лицо его было для приличия встревоженным и серьёзным.

— Медведь лежит, фотограф вас ждёт!

Действительно, на месте Петьки, которого егерь освободил от шкуры, лежал ранее убитый медведь. Губернатор позировал фотографу, остальные, раскусив рискованную затею с медведем, подмигивали друг другу и посмеивались... Потом все дружно двинулись на принадлежавшую хозяину охотничью базу. Она располагалась на берегу Байкала на территории национального парка. Забор, окружающий её, имитировал тын сибирских острогов. В высокой башне над воротами имелся макет пушки, способной издавать звуки, похожие на выстрелы. В остальном всё как у людей — дом с благоустроенными номерами, баня, дом для прислуги. Когда гости въехали на базу, тремя пушечными выстрелами было возведено миру, что торжества по случаю окончания охоты открыты. Возле ближнего узкого края стола сел губернатор, у дальнего конца хозяин, между ними остальные гости. А лесничий что-то нашёптывал своей подруге. Та улыбалась и, вспыхнув вся, жмурилась, строила глазки в сторону губернатора. Когда пир закончился, пьяных гостей развели и разнесли по номерам. Губернатор требовал шубу и лыжи и рвался бить медведя. Охранник, помогая ему раздеться, тихо смеялся, говорил:

— Я прогуляться на часок пойду, а вам поможет русалочка одна. Вы русалок не боитесь?

— Я? Русалок? Нисколько.

Охранник вышел и втокнул в дверь к губернатору подругу лесничего.

На следующий день губернатор представлял всем лесничего как будущего министра лесного хозяйства, а хозяин обсуждал с приехавшими коммерсантами план нового акционерного общества.

4

Однажды что-то холодное спрыгнуло откуда-то сверху прямо на нос медвежонку. Он облизнулся и чихнул. Капли (а это были они) продолжали падать всё чаще, пока не превратились в сплошную тоненькую струйку. Она и разбудила маму-медведицу. В этот день они покинули свою берлогу. Медведица не узнавала знакомые места. Вплоть до речушки лес исчез. Брошенные вершины деревьев и высокие пни образовывали непроходимые засеки и завалы. И только две кедрушки-двойняшки, видно, две сестры, в недоумении застыли на поляне.

Не побежит больше мимо них в сентябре на поле брани тяжёлый лось, и не услышат весной они глухариной песни. Но всё же была весна, тайга оживала, алая полоска зари золотила кроны деревьев. Тут ветерок принёс новый запах — запах пищи. Его издавали кучи оставленного лесорубами мусора. Медведица, довольно урча, стала рыться в них, поедая пищевые отходы и человеческие экскременты. Она ничего не ела с осени, жила и кормила медвежонка за счёт своих жировых запасов, поэтому была рада любой еде. Детёныш подражал матери и пробовал всё на вкус. Покончив с мусором, звери двинулись дальше. Медведица разоряла муравейники, поедала муравьёв и их личинки, раскапывала норы бурундуков. Добычей служили запасы, а иногда и их хозяева. Вдруг днём стало темно, как в сумерки, а все весенние запахи перебил едкий запах гари.

Это не забывчивый охотник оставил на привале горящий костёр. Вчера вечером, выполняя приказ хозяина, егерь облил солярой кучи веток, поджёг их и ушёл в лес. Кучи веток сначала разгорались медленно, нехотя чадя до утра. А утром ветер разогнал туман. Огонь ожил и, сыпля большими гроздьями искр посреди поляны, распростёр во все стороны свои багровые лохмотья. Он выжег всю сухую траву вместе с брошенными сучками, частями деревьев, спалил кусты и огнедышащим столбом в виде огромного фантастического дракона вошёл в притихший от ужаса в лес.

Изыгаемый драконом огонь, как испуганная стая рыжих белок, заметался со ствола на ствол. И лес загудел от огненной метели, стволы падали с грозным треском, искры с них летели, как снежинки, кружась над серыми сугробами золы. Пожар. Он беспощаден. Берёзы, кедр, стланик он пожирал со зверским аппетитом, выдыхая едкий дым. Он быстро шёл километровыми шагами, повсюду творя разрушения, оставляя за собой усыпанные пеплом и

золой бездыханные гари. Только что огонь бушевал в распадке, — и вот уже на горе ревет этот строптивый, неугомонный зверь, а крутой склон стал безжизненным, как могила...

5

Глухая ночь. Ветрище. Башня скрипит. На базе дежурит надёжный охранник. Хозяин ему верит, как самому себе. Его глаз зорок, нервы крепки, сон над ним власти не имеет. Вот он поднялся на вершину башни и посмотрел вдаль. Даль непонятна, угрюма и таинственна. Вдруг, как вспых спички в темноте, огонёк лизнул глаза, потрепыхал и сгинул: «Померещилось». — Но нет. Вдали уже вспыхнули три спички. Охранник поднял бинокль. «Пожар», — сказал он уверенно сам себе, соображая, что делать. Потом решительно нажал тревожную кнопку. Услышав в рации голос хозяина, уверенно доложил: «Тайга горит!»

— Далеко? — спросил полусонный хозяин.

— Не разберёшь. Либо в десяти, либо в ста километрах.

— Звони в МЧС, пусть шевелятся! — закричал хозяин.

— Знаю... Учи кого другого», — сказал про себя охранник, отключил связь и достал сотовый телефон, чтобы связаться с МЧС. Утром ветер успокоился. Однако к вечеру вновь стал пошалить опасный ветродуй. Ветер опять стал упруг и упрям. Сила его возрастала. Пахло гарью. Небо утрачивало синь, мутнело. Вечерних, обычно четких звёзд теперь не мог нащупать глаз. Птицы стаями неслись через базу за Байкал.

— Ну что МЧС? — спросил хозяин охранника.

— Ответили. Огонь пока населённым пунктам не угрожает, поэтому дескать пусть его лесники тушат.

— Какие лесники? Их ещё в лесхозах в две тысячи четвёртом году сократили. А те, что в национальном парке остались, начнут тушить, только когда пожар до него дойдёт! — И хозяин добавил ещё несколько непечатных слов.

— По-моему, надо свои меры принимать. — Вмешался в разговор егерь.

— Какие? Минполосы что ли?

— Они навряд помогут. Не пришлось бы встречный пал пускать. — И егерь стал объяснять таёжные способы тушения пожаров.

— Пропустишь время, всего лишиться можешь, в одних трусах в Байкал убежишь, — говорил егерь, попыхивая сигаретой. И всё-таки хозяин решил подождать, вдруг ветер переменится, и ограничился звонками директору национального парка и министру лесного хозяйства. Действительно, ветер вроде бы успокоился. Но над пожаром уже рождались и стремительно распространялись собственные потоки раскалённых вихрей. Они втягивали воздух в свои водовороты, и огонь распространялся всё шире. Стало ясно,

что пожар через пару дней уничтожит базу, и пятеро лесников с ранцевыми опрыскивателями, присланные национальным парком, его не остановят.

Министр требовал от хозяина гнать в тайгу всех своих рабочих. Он и так находился под следствием, и новые неприятности ему были не нужны. Но рабочие отвечали, что в тайгу не пойдут, пока не получат деньги за работу, что они и их семьи устали от пустых обещаний. А в это время разливное море пламени всё близилось — и жуткий страх охватил хозяина. Теперь уже егерь не размышлял, не просил, а кричал: «Скорей, хозяин, решай, скорей». В бинокль казалось — пожар подошёл вплотную: «Передай! Всё получат, сразу как приедут, а пожар потушат, дам ещё денег и пойла прямо здесь», — ответил он пресёкшимся голосом. И вот на помощь лесникам прибыло подкрепление с бензопилами и техникой. Начали делать просеку и пропахивать по ней канаву (минполосу). Окрылённые неожиданным посулом хозяина люди, забыв про усталость, вышли гуртом в тайгу, и под их трудовым напором деревья, потрескивая, шурша ветками, валялись с кряком в молодую поросль, траву и мох. А через просеку бежали, спасаясь от огня, лесные звери. То там, то тут каркали, забившись под мохнатую лапу кедра, обгорелые вороны. Белки в испуге бежали вниз головой по стволу к земле. Но земля горит. И снова сигналы вверх к вершинам. И так вверх-вниз, вверх-вниз по многу раз, пока какая-нибудь из них не теряла сознания и не падала в пламя. Медведица, понужая лапой медвежонка, не обращая внимания на людей, бежит к берегу озера. Но вот просека закончена, вдоль неё навстречу пожарищу люди уже запаливают огонь, следя за тем, чтобы он не перескочил на противоположную сторону. И бурая полоса огня уже пылает по всей линии, распространяясь вглубь тайги, навстречу главному пожару. Два огромных пламенных потока, поспешая, шли навстречу друг другу. Всё живое, оказавшееся между ними, было обречено на сожжение. Через мгновение две стены пламени сомкнулись на всём протяжении. Страшный гул раздался над тайгой, и пожар затих. Опустошённое пространство догорало бы ещё целую неделю, но к ночи хлынул с громом проливной дождь. И в одночасье вбил в землю дым и огонь.

6

А медведица благополучно пробежала мимо людей и привела своего медвежонка на берег Байкала. Из распадков выбирался туман, смешанный с дымом, его дымные волны со стороны тайги бились об округлые валуны. Весной на них собираются ручейники, да столько, что и камней под ними не видать. Медведица очень любила это лакомство. Но в этом году вылет ручейников задержался. И медведи двинулись дальше вдоль берега, иногда они заходили в воду, переворачивали камни, с наслаждением слизывали с них икру бычков-подкаменщиков. И так шли неспешно, пока несколько домов не преградили им путь. На сопках пасся табун лошадей. А недалеко от

берега располагалась большая свалка мусора, и медведи, ворча от удовольствия, начали в ней рыться. В одном из домов отмечали день рождения. День был тёплым, поэтому гости сидели за столами прямо во дворе, на мангале жарили шашлыки. Мясной аромат витал в воздухе. Все принялись за еду. Вдруг прибежали дети, игравшие на берегу. Вид у них был растрёпанный.

— Со свалки сквозь кусты идёт медведь, большой и чёрный, он страшный! — тараторили мальчики. Та из женщин, что сидела ближе к выходу, слегка приоткрыла калитку, выглянула, побледнела и отпрянула, плотно прикрыв щель.

— Тихо! К нам идёт большой медведь, уже овраг перешёл. Во дворе воцарилась тишина, слышно было только, как в костре потрескивали, разгораясь, поленья. Но предательский мясной аромат указывал дорогу медведице. Она, не переставая водить носом, направилась туда, где затаились люди. Они заперлись в доме, а двое через дырку в заборе, стараясь не шуметь, припустились бежать к соседнему дому. Во дворе осталась одна цепная собака, но и та с визгом спряталась в будке. Медведи, не обращая на неё внимания, подошли к столам и принялись за пир. Люди смотрели на это из дома через окно и с надеждой ждали возвращения двоих мужчин. В них было спасение. Вот они подошли к забору. С ними был пожилой мужчина с ружьём, в прошлом хороший охотник. Он внимательно следил за зверями через дырку в заборе. Они уже слопали всё, что было на столах, и искали, чем бы ещё полакомиться. Вот они двинулись к собачьей будке, голова и мощная грудь медведицы были отчётливо видны в прицеле старенькой двустволки. Охотник быстро решал в уме непростую задачу. Конечно, добыть медведя — большая удача. Но на отстрел нужно специальное разрешение областного департамента охотничьего хозяйства или лицензия. Ни того, ни другого не было... Групповое браконьерство никак ни утаить, а если рана окажется не смертельной, ну его... Отвечай потом. Он поднял ствол, чтобы пуля прошла над головой медведицы, и, услышав собачий визг, нажал на курок. Раздались два громких выстрела, следом протяжный гортанный рёв. Убедившись, что медведи покинули двор, мужчины подбежали к собачьей будке. Она была вся разворочена, а от собаки осталось только тёмное кровавое пятно.

После дождя медведи двинулись на пожарище. Медведица знала, что огонь после себя оставляет много съедобного. Потом наконец-то начался вылет ручейников. И, поедая их, косолапые пошли вдоль берега на север — подальше от людей.

В это время губернатор, сидя в своём кабинете, изучал дела на своей территории. Всё как обычно: заводы не дымят — все закрытые стоят.

В заросших полях, некогда в изобилии родивших зерно и другие разные сельхозпродукты, — хоть волком вой. Но зато воздух и реки чище стали — и зверей, поди, развелось много. Особенно медведей. В лесу им стало тесно. Заходят во дворы, задирают собак, народ пугают, даже жизни их угрожают! «Пора меры принимать!», — подумал губернатор. И вызвал к себе на ковёр министра лесного хозяйства, объяснил ему популярно, русским языком, суть проблемы

Министр тут же созвал совещание, на котором собрал всех заинтересованных и ответственных лиц, занимающихся в тайге регулированием поголовья диких зверей. Первыми высказали своё мнение охотники.

— Изюбрь, косули, кабаны — это обед и себе, и куму-свату, а если продать, то денежки в кармане. А медведя стрелять опасно, да и мясо невкусное. Вот и плодятся они без меры, теряют страх перед людьми и бродят возле домов.

Лесники их поддержали:

— В лесах наведён порядок. Всех мелких воров разогнали. Пилят одни законные крупные фирмы. Продаём за границу в два раза больше. Соответственно доходы больше. На месте лесов остаётся щепка и пни. Приходится медведям искать новое жильё.

На совещании присутствовал представитель заповедника. Когда-то он работал в охотустроительной экспедиции. В заповеднике успел позаниматься наукой, потом переключился на экологию. Его хитрые глазки внимательно следили из-под очков за собравшимися. А параллельно его хитроумная голова решала важную задачу - как угодить своему начальству и не сказать очевидную «глупость», наподобие:

— Пока ты тут штаны просиживаешь, в тайге полный беспредел. Превращают её в помойку. Тащат всё без всякой меры, как будто последний день живут. Но только в сказках всё хорошо кончается. Царь издаст указ, и лесорубов уберут, а браконьеров накажут...

Поэтому, прикусил язык и сказал то, что от него ждали;

— Да! Медведей развелось немеренно, нужно немедленно организовать их отстрел. Тем более, что он «золотой». Всему в нём - от лап до желчи - есть цена. И если его грамотно пристроить, можно получить много валюты...

Последнее особенно понравилось министру. И он почувствовал себя готовым для встречи с губернатором.

А медведи, двигаясь вдоль берега, добрались до заповедника. Подошло время гона. В это время самцы очень опасны для медвежат, но медвежонок, забравшись на высокое дерево, избежал опасности. Уже поспели ягоды. Медведица с наслаждением их ела, даже глаза от удовольствия закрыла — так она любила это лакомство. Медвежонок тоже захотел попробовать. Ел, ел, пока не наелся, а как наелся, начал окрестности изучать: на пенёк залез, в ручье выкупался. На берегу увидел избушку — таёжное зимовье. Он вспомнил, как мама рассказывала ему,

что в таких избушках живут люди, которые охраняют заповедник. Поэтому медвежонок не испугался. И вдруг заметил лодку. Настоящую. Он решил, что этот плавучий предмет может оказаться интересным. В лодке лежали сети, полные рыбы. Вокруг такие запахи! Наелся медвежонок рыбы, изучил лавки, вёсла, распотрошил пару мешков, свернулся на дне калачиком, да и уснул. Проснулся от того, что кто-то грубо схватил его за шкурку и засунул в мешок. Поэтому он

мог только слышать голоса:

— Какой симпатичный мишка, — сказал женский голос.

— Маленький, а уже воришка, — ответил мужской.

— А где же мама?

— Вот это меня и настораживает. Надо его быстрее под замок посадить.

— Давай его отпустим.

— Ещё чего. Мне медвежью шкуру заказали.

— Его шкуру? Он же маленький!

— Ничего, подожду, пока подрастёт.

Так медвежонок оказался запертым в сарае, и у него началась совсем другая жизнь, если её можно было назвать жизнью. Его хозяин работал госинспектором в заповеднике, жил постоянно на берегу Байкала, где чувствовал себя полным хозяином. Сначала он занялся добычей кабарги, но после того как добыл сорок пять штук, она перестала попадаться. На недоумённые вопросы научных работников важно отвечал: «Видно, мор на

неё напал». Переключился на медведей. Часто стрелял их прямо из окна своей избышки. Звери стали обходить его жилище, и он занялся рыбалкой. На его лодку со свежим уловом набрёл медвежонок. Теперь он понял, почему мать не раз предупреждала его, что самое опасное живое существо — это человек.

Ночью медведица подошла к кордону. Она кинулась к сараю, чтобы разнести его. Но тут залаяла собака, её лай подхватила ещё одна. Потом раздались звуки выстрелов, и всё стихло. Так медвежонку пришлось смириться с неволей. Целыми днями он сидел, забившись в угол, вспоминая то время, когда он мог ходить куда угодно. Ел он только, когда миску с едой ему стала приносить Ирина (жена госинспектора). Ей он позволял гладить себя, тормошить. К её мужу он относился враждебно. А когда тот схватил его за задние лапы и стал так водить по сараю — изловчился и укусил его за руку. Тот ответил отборной бранью, и только вмешательство Ирины спасло медвежонка.

По ночам он делал подкоп под стенку сарая, а когда кто-нибудь входил — ложился на ямку. Ирина, принося ему миску с едой, увидела свежую землю, но сделала вид, что не заметила беспорядок. Медведица ночью

задавила одну собаку. Вторую привязали возле жилья, облегчив ему побег. Выбравшись из сарая, медвежонок первым делом решил искупаться. Он с разбегу бросился в воду, ему очень нравилось прыгать по мелководью и колотить лапами по воде. От этого сотни серебристых капелек разлетались в разные стороны. Вдруг откуда-то над его головой появилась небольшая пёстрая птица. Она суматошно кричала:

— Бер-регись, пр-рячься!

Потом сзади страшно загрохотало, и над головой у медвежонка что-то просвистело. Медвежонок пригнул голову. Как оказалось, вовремя. Выстрел раздался снова. Вдруг раздался могучий рёв. Озёрная гладь эхом отозвалась в ответ. «Мама!», — узнал медвежонок и побежал на голос.

Кусты затрещали, и навстречу медвежонку, который был уже недалеко от мамы, выскочил его тюремщик. Увидев, что медвежонок уже не один, он резко остановился и лихорадочно начал искать хоть какое-то спасительное для него место. О том, чтобы убежать от медведицы, не могло быть и речи:

неуклюжий на вид зверь способен развивать такую скорость, что даже самый именитый спортсмен не способен его перегнать, об этом хорошо было известно «тюремщику»... Оглядевшись, он заметил старую лиственницу и быстро, почти по-медвежьи, влез на неё, обхватив ствол руками и замер, слушая ухающее от страха в груди своё сердце.

Между тем, медвежонок перевёл дыхание, уткнулся носом в тёплую мамину шкуру и оглянулся на озеро. Он увидел, что к ним бежит ещё один человек, судя по зелёной форме тоже инспектор. Медведи на всякий случай отошли от тюремщика медвежонок, трепыхавшегося от страха почти на самой верхушке лиственницы и стали наблюдать за происходящим издали.

Высокий чёрноусый молодой инспектор, смеясь, выговаривал своему коллеге:

— Ну что, Володя, добраконьерил! Я давно за тобой слежу. Постараюсь, чтобы ты никогда больше не дотронулся до ружья. Слезай! Пошли

И они пошли к лодке, в которой сидела молодая женщина с густой копной чёрных волос. А медвежонок лизнул маму в чёрный нос и пошёл с ней к далёким горам.

8

Кедровые орехи в этом году хорошо уродились, поэтому медведи смогли запастись жира достаточно для будущей зимовки. Больше их не тревожили. Володе действительно пришлось покинуть доходное место. Но без дела он не остался. Когда создавали заповедник, в него не вошёл большой участок прямо в центре берегового лесничества. Когда-то там добывали ценный камень. Потом в стране прошли перемены, и камень оказался не нужен, как и многое другое. Но всё же месторождение, как имеющее стратегическое значение, в состав заповедника включать не стали. На его территории ловкие люди быстро построили домики. Один из них принадлежал нашему старому знакомому. А в качестве охранника хозяин нанял Володю.

Новая работа ему понравилась. При домике имелась лодка с мотором и снегоход. Хозяин щедро снабжал бензином и продуктами, а платил больше, чем в заповеднике. Приезжал редко. Поэтому на охоту и рыбалку времени оставалось достаточно. Охрана заповедника не имела права проверять эту территорию. А кроме них сюда никто не добирался. Володя энергично принялся готовиться к охотничьему сезону. Оборудовал вдоль границы с заповедником соболиный путик. Сделал солонцы²³ и присмотрел место для медвежьей привады²⁴. Хотя аншлаги с соответствующей информацией

---

²³ Солонцы — (солончаки) — берега соленых озер, соляные скалы, а также полянки и прогалины на лесных склонах сибирских гор, с солонцеватой почвой, которую не только жвачные животные, но

имелись, звери по своей неграмотности приходили с заповедной территории.

А в это время в столице решили, что пора заповедникам подбросить денег. И заодно заменить руководство. Поставить директорами бизнесменов. Они уж точно сумеют правильно освоить полученные суммы. Так Володин хозяин стал директором заповедника. Он так обрадовался новой должности, что, когда столичный посланец намекнул, что она стоит денег, легко передал ему тридцать тысяч долларов. Благодаря должности, он стал часто бывать в столице и на различных мероприятиях в своём городе, где часто встречался с губернатором. Во время одной из встреч тот вспомнил охоту на медведя и сообщил ему, что приобрёл вертолёт. На нём было решено лететь на озеро, где Володей был прикормлен зверь.

Вертолёт был иностранный как по происхождению, так и по регистрации (зарегистрирован на далёком острове). Размеры ограничивали число пассажиров, поэтому решили взять больше горючего и лететь втроём: губернатор, хозяин и пилот. Медведица и подросший за лето медвежонок наткнулись на приваду случайно. Запах привёл их к металлической бочке, в которой всегда было что-нибудь вкусное – рыба, куски нерпы. Придя в очередной раз, они увидели летящую со стороны озера большую птицу. За время жизни в заповеднике они утратили осторожность, поэтому с любопытством смотрели, как птица, сделав круг, стала снижаться.

Вдруг, заглушая шум мотора, раздался грохот, и что-то острое ударило медведицу. До того, как новые выстрелы погасили её сознание, она успела рывкнуться, предупреждая медвежонок об опасности, исходящей с неба. Он, не разбирая дороги, перелезая через валёжины и выворотни, побежал вглубь леса. Несколько раз над ним зависал вертолёт. И он слышал уже знакомый грохот, и рядом с ним что-то ударяло. Но медвежонок из последних сил продолжал бежать. С ходу плюхнулся в озеро, закрыл голову лапами и затих. Вертолёт покружился над ним и вернулся обратно. Медвежонок, сам того не подозревая, забежал на территорию заповедника, где охота на него является уголовным преступлением. Это и остановило стрелков. Они сели на наиболее близкой к приваде полянке и пошли осматривать добычу.

— Хорошо, что сразу к приваде подлетели. Зверья добыли, караулить не надо, — сказал довольный директор.

— А с тушей что делать будем? — спросил губернатор.

Все трое задумались. Целиком медведицу в вертолёт не затащить, а разделывать не хотелось.

— Может, к домику утащим, — предложил пилот. Он понимал, что здесь разделывать придётся ему, а потом отмывать от крови полы в вертолёте. А если подцепить к вертолёту и утащить на подвеске к домику, то грязную

даже медведи лижут и грызут по ночам, в продолжение всего лета, до самых заморозков, ощущая потребность в соли.

²⁴ Привада — приманивание, прикармливание хищника к месту предполагаемой охоты на него (привадить зверя). Один из старинных способов охоты на хищного зверя. В основном используется при охоте на волка, лисицу, медведя и в редких случаях на кабана .

работу можно свалить на Володю. Груз цеплять выпало директору, а до домика ему предстояло дойти пешком. Вертолёт завис, поднял тушу и полетел к берегу.

Дальнейшее директор запомнил навсегда. Вдруг туша затряслась, словно ожила медведица. Вертолёт снизился, и медведица зацепилась за верхушку одинокого кедра. Потерявшая равновесие машина упала на землю и, стуча по ней винтом, вылетела на берег. Потом директор смотрел: как вертолёт загорелся и взорвался. Какие-то обломки упали недалеко от него.

«Хорошо, не горючие, пожара не будет», — подумал он и стал осторожно двигаться в сторону вертолёта. Возле медведицы остановился, опытным взглядом посмотрел на тушу и о чём-то подумал. Потом достал нож, умело вырезал желчь и, взглянув на догоравший вертолёт, пошёл к домику. «Видимо, директором мне больше не быть, но зато сегодня повезло трижды. Я не разбился в вертолёте, меня не убило его обломками, вертолёт упал на гальку, поэтому лес не загорелся. А желчь — хоть небольшой, но всё же доход», — подумал он и стал готовить свою версию происшествия.

9

Непонятное беспокойство уже несколько дней овладело медвежонком. Чем оно было вызвано? Может, морозным воздухом, который он втягивал своим влажным носом; может, хрусталиками замёрзших болот и озеринок²⁵, которые охладили его голые подошвы лап.

Нагретая за лето вода озера Байкал ещё вздыхала в мёртвой осенней зыби, не давая холоду сковать его холодным ледовым панцирем. Но вершины гор уже побелели. Кончалась тёплая сытая осень, приближались холода. Пора укладываться спать в берлогу — иначе не пережить холодную голодную зиму. В этом причина охватившей его тревоги. Зверь уходил вверх по речке в глубину гор в только ему известное место.

Небо становилось плотно-серым и низко нависало над вершинами гор. Необыкновенная тишина в природе лишь усиливала беспокойство в его сердце. Снежинки, сначала редкие, потом всё крупнее и гуще, падали с тяжёлого свинцового неба, оседая на зелёных листьях черники, медвежьей спине и морде.

Медведь стряхивал с себя хлопья снега и продолжал шагать дальше. Пришли сумерки, за ними ночь. Захотелось залезть куда-нибудь подремать. Но вдруг его чувствительный нос среди множества привычных таёжных запахов уловил сладкий запах вкусной пищи. Медведь не испытывал чувства голода — сытой осенью он нагулял запас жира на всю зиму. С начала пути он, как положено каждому из медвежьего племени, ничего не ел. Его не прельщали шишки с недоеденными орехами, усыпанные переспевшей черникой поляны. Но это был другой запах.

---

²⁵ Озеринки – маленькие озёра.

Медведь пошёл в сторону кедрового подростка, который раньше хотел обойти. Оттуда резко пахнуло необычным для горной тайги рыбным запахом. Откуда он здесь? На большом дереве висел, слегка покачиваясь, в темноте мешок. Это он был источником смутившего медведя запаха. Он привстал на задние лапы, стараясь получше рассмотреть этот необычный вкусно пахнущий предмет. И не в силах больше сдерживать природное любопытство, смело двинулся к мешку.

Но вдруг какая-то непонятная сила остановила его. Бедный зверь даже не понял, что он попал в браконьерскую петлю. А мешок с рыбой был всего лишь приманкой. Густой мех и толстый слой жира ослабили боль от металлического троса. Вдруг опять захотелось спать. Он устроился под завалом бурелома и затих. Потом уже в полудрёме сгрёб кое-какой мусор для подстилки. Но сучки от подстилки уперлись в бок. Зверь раздражённо отжевал их. Когда утреннее солнце вспыхнуло на снежных шапках пней и горных вершин, оно осветило тушу спящего медведя. Но вот в тайге раздались голоса.

— Гляди, попался!

— Пулю заряди, вдруг живой?

— Не, он сдох уже.

Эти звуки разбудили медведя. Прямо на него шли двое, переговариваясь между собой.

— Надо поглядеть, может, не протух ещё?

— Хорошо бы, он справный, жир должен быть.

С этими словами один из двуногих пнул медведя в круглую бочину. Такую наглость стерпеть было невозможно. Сон мгновенно улетучился. Только петля и хорошая реакция спасли обидчиков от расправы. Но вот ещё один рывок, и зверь оказался на свободе (петля не выдержала и лопнула). В следующую минуту он мчался вверх по долине речки, а люди неслись в противоположном направлении.

10

Небо хмурилось, тучи сулили хороший снег. Медвежонок подошёл к пещере. Её они нашли вместе с матерью, и она сразу решила зимой в ней устроить берлогу. Узкий вход переходил в просторную камеру. В неё он натаскал мха и веток, забрался внутрь сам и завалил вход. Когда пошёл снег, медвежонок уже спал. Снег завалит его следы, и до весны он может спать спокойно. А за это время может многое случиться. Например, такое — что люди и медведи станут жить в мире и согласии.

- Из усольского «загона»²⁶

Алёна Неизвестная

ЯБЛОКО ЛЮБВИ

Старичок долго роется, перебирает фрукты и никак не может выбрать. И денег-то – кот наплакал...

У продавца нервы на пределе. И если бы у одной. А то уже полчаса ходит от одной витрины к другой. А нужно одно несчастное яблоко.

Из всех сил продавцы стараются сохранять спокойствие.

Но постепенно добрые улыбки пропадают. Кто начинает откровенно хамить, кто зевает, у кого проскальзывает ненависть.

Но дед этого не видит, щупает, осматривает со всех сторон яблоки, вглядывается, нет ли червоточинки, приятен ли запах. Цвет его тоже не устраивает.

Наконец-то выбрал.

Облегчённый вздох проносится по всем рядам. Надо же, какой привередливый!

Но старику не до них. Шаркающей походкой направляется к выходу. Сердце его поёт. В кармане лежит заветное яблоко.

«Оно ей понравится, точно понравится!», — думает он.

Она всегда любила яблоки. Когда в парнях ходил, всегда её угощал, хохотушку Алёну с длинной русой косой.

Надо же, столько лет вместе. Под восемьдесят уже обоим. Слава Богу, ещё ходят.

Но вот уже несколько дней, как Елена занемогла. Не было радостного блеска в глазах, и деду Василию горько было смотреть в них.

²⁶ Загон – (советский журналистский сленг) запас неоперативного материала, который ставится в случае возникновения «дыры» на полосе, из-за срочного снятия какого-то материала, например, по политической или какой-то другой причине. Наш «загон» был литературным, состоящим из многочисленных прозаических и поэтических опусов местных авторов, которые просто не вмещались на литературные страницы газет «Свеча» (усольский вариант) и «Усольская городская газета», в которых главный редактор нашего альманаха в разное время возглавлял литературные объединения (прим. – редакции).

«Жаль, что пенсия ещё не скоро. Уж я бы порадовал свою Алёнушку», — думал он.

Но всё же нашёл какие-то копейки. И проделал долгий путь. Так хотелось сделать ей приятное.

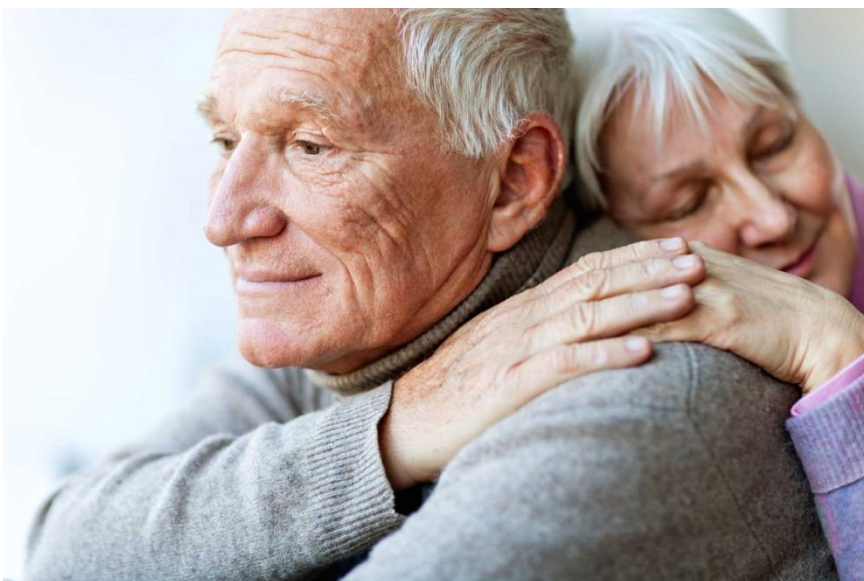
Баба Лена спала, когда тихо скрипнула дверь. Уставший дед положил яблочко на тумбочку и пошёл кипятить чай.

И снился бабе Лене запах яблочный. Необыкновенный! Он так закружил ей голову, что она не успевала бегать во сне от дерева к дереву и рвать яблоки.

Сна такого красивого она давно не видала.

И вдруг проснулась.

— Васенька! — из глаз закапали слёзы. На тумбочке красовалось яблоко, яблоко их большой, красивой, немеркнувшей любви.

Николай Кузьмин

ОСЕНЬ

Пожалуй, нет ничего в природе прекраснее нашей чудесной сибирской осени. Лишь только повеет свежестью сентябрьских ночей, прояснятся дали, и в зелёном кипении берёзовой рощи появятся первые жёлтые пятна, сразу почувствуешь: это осень дохнула из-за Саянских гор. Это она, волшебница, играючись прошла по полям и лесам. И поплывут по утрам туманы. Не летние розовые, лёгкие. А тяжёлые, несущие бодрящий холодок. Зарождаются они где-то в глухих, непроходимых дебрях тайги и хранят в себе терпкие запахи прелых листьев, испарения болот. Коренной горожанин, зябко поёживаясь, лишь поглубже сунет руки в карманы плаща. Охотник же,

потянув носом волнуемое дыхание тайги, встрепетается и невольно вспомнит о ружье и лыжах, хранящихся в укромном уголке кладовки.

Осень в городе серая, скучная. Загоняя людей в душное тепло квартир, по узким коридорам каменных улиц сердито мечется холодный ветер. Жёлтые листья, такие нарядные на деревьях, теперь присыпанные пылью, — печально лежат вдоль тротуаров. Кажется, никто из горожан и не догадывается, что наступило одно из самых лучших времён года, во все века воспеваемое поэтами. Не случайно осень называют у нас такими ласковыми словами, как «золотая», «обильная», «урожайная». Кто не знает великолепных стихов Пушкина: «Люблю я пышное природы увядание, в багрец и золото одетые леса!». Эти строки волнуют воображение, зовут в ясную даль полей, в темнеющую за речкой рощу с жёлтыми берёзами под хрустально-чистым небом.

В лесу вас встречает тишина и удивительная свежесть. Пахнет грибами и увядающей травой. На темнеющем фоне ельника чётко выделяются стайки молоденьких осинок с краснеющими кронами. А рядом

стоят две высоченные лиственницы с осыпающейся хвоей. У подножья одной из них небольшой холмик муравейника. Солнце освещает лишь верхнюю часть его. Муравьи ползают медленно, отогреваясь после утреннего заморозка. Сквозь кусты блестит стылая гладь лесного озера. В полном безветрии водяная чаша чутко неподвижна. Высокое голубое небо растворилась в воде, и озеро кажется бездонным, таинственным, напряжённо ожидающим чего-то. И вдруг заколдованная тишь взрывается всплеском воды: это утка судорожно машет крыльями и стремительно улетает.

Очарованный осенней дрёмой лес просыпается, наполняясь неясными шорохами, слабыми непонятными звуками. Где-то застрекотала сорока, звонко застучал дятел, посыпались сверху лёгкие мёртвые хвоинки. Маленький полосатый бурундук, вцепившись острыми коготками в ствол сосны, неподвижно застыл. Лишь чёрные бусинки глаз настороженно блестят. Потом, дрогнув пушистым хвостом-метёлочкой, резво побежал вверх и скрылся среди ветвей.

Погожим днём хорошо бродить по опустевшему лесу и, слушая шелестящий шорох опавшей листвы под ногами, любоваться многоцветьем умирающих трав. Среди зеленеющей хвои сосняка и ельника ярко пестреют жёлтые, красные пятна берёз, рябин, осин. Налетит ветер — и закружится в воздухе, беззвучно падая на землю, осеннее золото.

А дни всё короче, всё темнее и прохладнее ночи. Каждая травинка, каждый листок, прощаясь с уходящим летом, жадно ловят скупые лучи уже нежаркого солнца. Наплывет туча, и сразу блекнут краски, темнеет лес, слышнее становится шум холодного ветра в поредевших верхушках берёз.

На опушке, обращённой к югу, сядешь на сухую жухлую траву и, прислонившись спиной к шершавому стволу сосны, закроешь глаза. Удивительный покой, тишина охватывают всё твоё существо. Сидишь, и сладкая дрёма клонит голову, и кажется, что на свете существуете лишь ты да этот волшебный лес.

«Тронг-тронг-тронг...», — раздаётся в выси. Летят лебеди! Их мелодичный крик, как далёкий звон серебряной трубы, доносится из поднебесья. Спешат они в далёкие страны, за тёплые моря. Проплывают под ними дремучие леса, зелёные равнины с тихими ласковыми речками. Впереди блаженный Юг с жарким солнцем, вечным летом. Но покидают царственные птицы самое дорогое — родину, суровую, но бесконечно милую, единственную. И не потому ли так печален их прощальный крик: «Тронг-тронг-тронг...» Чуть видно, как мелькают в синеве неба белоснежные крылья, всё тише доносится переключка улетающих птиц. До свидания, лебеди!

Падают листья, плывет над опустевшими полями грусть. Осень пришла...

Олег Стружилин

РЫБА

Председатель рыболовецкой артели «ПУТИНА» Сидней Жоржевич Карасиков вызвал в правление своего кладовщика, соратника по бизнесу со странной фамилией Утюк.

— Путина на носе, — сказал он, — А рабсилы нету... Кто, я спрашиваю, работать будет? И сам, промежду прочим, отвечаю: — Никто! — Оттого и возлагаю на тебя, Терентий, все наши надежды... Езжай-ка ты на материк, народу там усякого много шляется. Вот который помоложе — к нам и забирай...

— Известно, бичи разные, — вставил Утюк, — не тревожьтесь, Сидней Жоржевич, свербуем...

— Денег шибко не брать! — окрепшим голосом сказал председатель, — По приезде

отчёт дашь...

— Мене, — сказал Терентий, — На этом деле не проведёшь. Не впервой еду, сами знаете, два раза морду били, а все ж, голубчики, путину отработали. Деньгой на ветер не швырялся, без удержу не пил, отчёты ко времени давал!

— Ну, бывай, — махнул председатель рукой, — по ходу делов сообщай. И чтобы там — без того! Сам понимаешь...

***

В один из ярких весенних дней на великой сибирской магистрали в привокзальном сортире посетители вытащили из петли брючного ремня здорового обросшего человека и привели его в линейное отделение милиции. Между собой они строили разные догадки: насчёт неудачной любви, внезапного понижения заработной платы, ссоры с начальством или отсутствия жилой площади. Но в конце концов сошлись на одном — человек этот должен быть не иначе как алиментщиком, и поэтому дружно втолкнули его в комнату дежурного милиционера.

Дежурный допросил «падшего» и свидетелей, составил протокол, и картина стала ясной, как слеза младенца. Терентий Утюк рассказал следующее:

— Живём мы, товарищ начальник, далеко — у самого моря. Воды там много, и рыба всякая водится. Снарядил мене председатель на вербовку, как непьющего. «Езжай, — грит, — Терентий, рабсилу вези!»

Должность на этом деле, прямо скажу, собачья, окаянная! Попробуй этак с первого взгляду в народе разберись. Ходют разные, иной прёт, што министр разодетый, думаешь, порядочный, а он бич оказывается! А иной, наоборот, заросший весь, волком смотрит, а работает потом — любо-дорого смотреть. Прямо зверь в работе.

Особо держи уши остро, коли пьющий народ попадается. Тут дело к дракам приходит и разным неприятностям. Тут я человек наторённый, разные прелести говорю: мол, баб у нас много, денег кучи получают... Ну, а казенные денежки подальше, в чулок, мол, там, братцы, на месте все сполна и получите. Не раз таким макарком и выезжал. Правды, два раза морду били...

Ну, а тут ноне вырулил — пижоны попались, шибко хорошо одетые. «Нет, — мозгую, — эти не подойдут, шикарные больно. Определённо — бичи, а с бича какой толк? Одежка одна! А работы — с гулькин нос...»

Потом других приметил. И так подойду, и эдак. Здоровые все, что лошади, а одеты худо... Про себя мозгую: «Да разве можно в наше светлое время так одеваться?» Шныряю между ними, а сам всё думаю: «Никак на путину их невозможно, вольница, видать... А может быть, ещё и кержаки, чево доброго, скандал будет и милиция!»

Таким образом, товарищ начальник, двадцать семь дён бродил. А ведь строки поджимают, а рабсилы никак не найду! И тут смотрю, цыганы табуном прут. А у меня уже сил нету, нервная болезнь пришла: одна нога дёргает помаленьку, разлагаться начинаю. Думаю: «Пропадёшь ты, Терентий, коли последнее упустишь! Может, оно тебе как спасение идёт за твои муки...»

Ну и привязался я к цыганам, товарищ начальник, пропади оне пропадом! Говорю: «Граждане кочующие, работа есть отменная, деньги хорошие платют». Ну, сторговался с ними, дорожные деньги дал, кормовые. На всех надавал: и на баб ихних, и на цыганят тоже. На душе у меня стало легко, ведь строки пожимали — путина на носе! Оне тоже радостные, табором своим чево-то воркуют, а потом и говорят мне, мол, давай, Терентий, отъездную отпразднуем. Ну и справили...

Я, правды, непьющий, но тут, на радостях, нализался. Хорошо так у них: бубенцами стучат, на гитарах брякают, хором поют. А у мены, ну, прямо грудь радостно наливается. И до чево мы, русский народ, песни любим — голова прямо кругом ходит! А бабы ихние! Ну, как красавицы выглядят.

Этак день гуляем, два, три... Смотрю, неделю корова языком слизала. Одыбал я маленько и говорю им:

— Граждане цыгане, пора бы и ехать, рыбу нужно в море ловить...

А оне на мне опять с гитарами да бубенцами нашли и поют хором:
«Кто её туды пускал, пусть те и ловют!»

— Как так!? — говорю.

— А так, — объясняют, — Счас весна, золотой ты человек, Терентий, и не затем мы из тёплых мест вить... Они — тоже вольные, и мы вольные!

— И что мене теперь делать, товарищ начальник, как я Сиднею Жоржевичу отчёт подам, коли у меня у самого на дорогу ни копейки нету? Как я на лицо покажусь народу, а!?

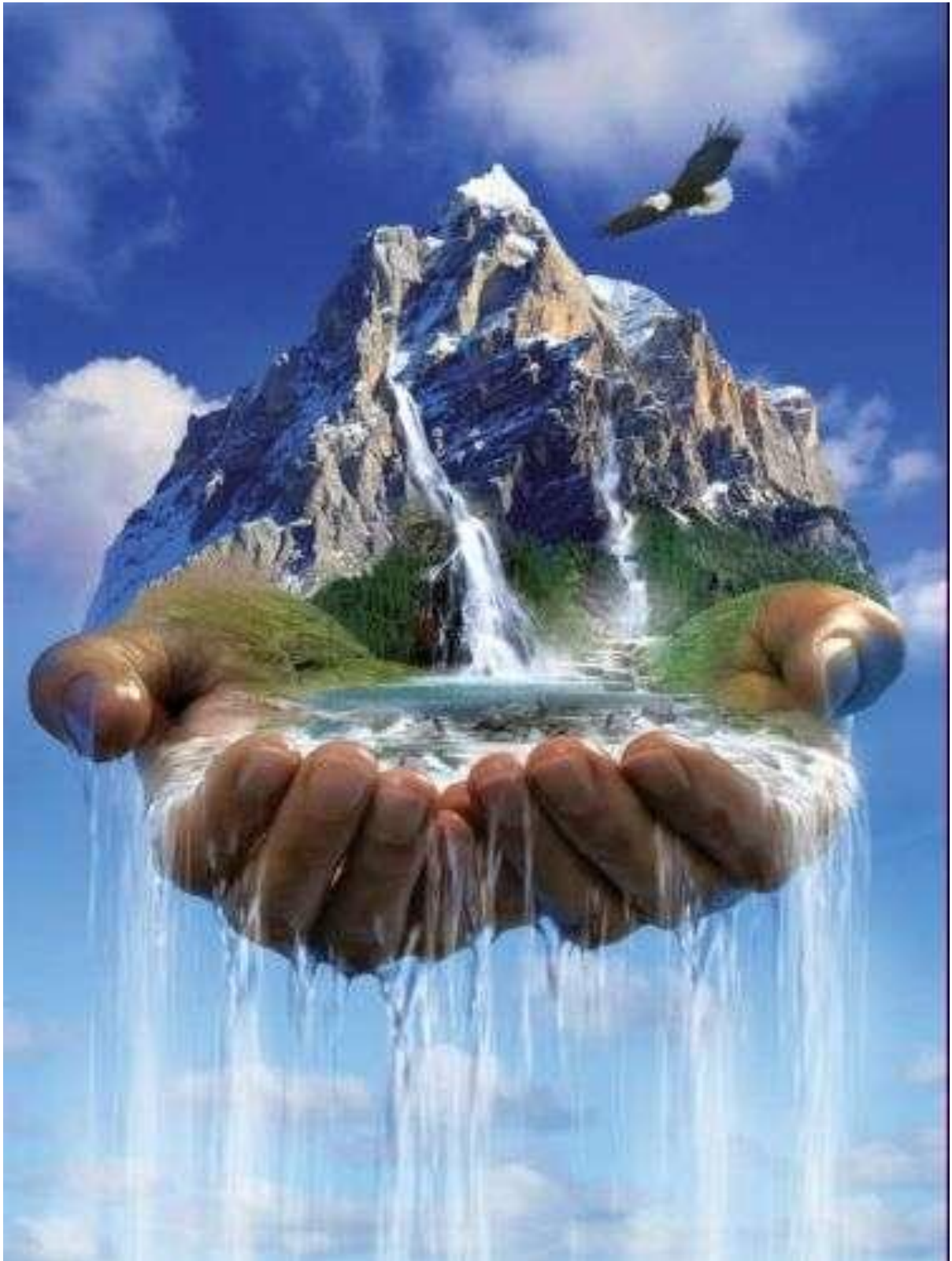
И Терентий Утюк заплакал.

— Куда же они уехали? — спросил линейный милиционер.

— Туды, — махнул рукой Терентий, — где потеплей!

Дежурный жалобно посмотрел на вербовщика, хотел одолжить на дорогу ему денег, но потом почему-то раздумал и отдал протокол по инстанции.

ПОЭЗИЯ

РУССКИЕ ПЕСНИ

Павел Скороходов

Павел Скороходов — бард, поэт, журналист и просто интересный человек, которого хорошо знают любители авторской песни Иркутской области и России. Особенно известны в его исполнении шуточные песни, которые цитируются в дружеских беседах, как забавные анекдоты, и исполняются многими другими любителями-музыкантами. Именно с текстов нашего земляка мы начинаем публиковать цикл произведений современных бардов под названием «Русские песни», которые поочерёдно будут появляться в альманахах «Родные берега» и «Народное обозрение».

На память

Что подарить тебе на память обо мне?
Быть может, радугу, спустившуюся с неба?
А может, сон и песни при луне?
А может, страны, где никто ни разу не был?

А может, снег, последний чёрный снег?
Листву с деревьев примешь ли в подарок?
Как поживаешь, дорогой мой человек?
Чем дышишь ты сквозь рябь почтовых марок?

Что подарить тебе на память обо мне?
Моря и реки, пресные и с солью?
Сонет сверчка в полночной тишине?
Свою любовь, и с радостью, и с болью?

А может, сон, пришедший на рассвете?
Иль первый гром среди майской суеты?
А может, песню с горечью в куплете?
А может, фото, на котором ты?

Что подарить тебе на память обо мне?
Обломок солнца иль кусочек неба?
Полёт стрижа в небесной синеве?
Бескрайние поля под хлебом?

Восход? Закат в размеренности дней?
Обиды, встречи, детские ошибки?
Что подарить тебе на память обо мне?..
Возьми с собой...
Мою последнюю улыбку...

Середина 1990-х годов

ФИЛОСОФСКОЕ

***

В небе загорелась и погасла звезда.
Шлёпает по лужам одинокий прохожий.
Где-то в тишине стучат.... Не поезда —
Катится жизнь. Дни, словно брата, похожи.

Каждый имеет свой мир.
Отгородясь от толпы,
Двери закрыв, разогнувшись, очистив колени,
Кто-то наводит порядок внутри скорлупы,
Кто-то порядок наводит в масштабах вселенной.

..... Середина 1990-х годов

Отцовское воспитание

Если сын из школы двойки 10 дней подряд носил,
Коль дневник его краснеет от учительских чернил,
Значит, папе срочно надо меры к сыну применять,
Неучёным ваше чадо в жизнь негоже выпускать...

Папа — милиционер

Смотреть в глаза! За что сегодня двойка?!
Здесь я вопросы, понял, задаю!
Патронов у меня в обойме, знаешь, сколько?
Один не пожалею — пристрелю!

За что?!! А за попытку к бегству!
От письменного, понял ты, стола!
Браслеты видел? Фирменное средство,
Щас прикую к столу, и все дела!

Ты сядешь у меня, конец гуляньям!
Вещдоки в дневнике что говорят?!!!
Короче так, садись, пиши — чистосердечное признание:
Мол, признаю, мол, каюсь, виноват...

Папа — электрик

Не жмурься ты, всего-то 220...
Ты ж физику, поганец, изучал...
Бессмысленно сегодня отпираться,
Мне препод твой всё складно рассказал.

Ну что, мой мальчик? Суй в розетку пальчик!
Взбодришь по-быстренькому — и за ум берись!
Всё вспомнишь — Пифагора и «буравчик»,
Про электрон запомнишь на всю жизнь!

Сломал приборчик? Экспериментатор...
Не рассчитаться ж мне за 10 лет!
Тебе сегодня вставляю... Ротор в статор...
Прочувствуешь «вращающий момент»!

Папа — частный предприниматель

Не хнычь, сынуля. Хрена ли нам двойка?
Литература эта ни к чему.
Ты изучай «почем», «откуда», «сколько»?
Обвес, обсчёт бери себе на ум!

Вон в физике полезные ж законы!
С водой морозить рыбу али без?

На тонну рыбы лей воды полтонны!
Плюс вес — и плюс валютный интерес...

Ведь в жизни ж, сына, надо же крутиться.
Подмазать там кого-то или «в лапу дать»...
А в школе этому не научиться...
Держи полтинник и иди гулять...

Папа — политик

Ну что, сынок? Ты спикер никудышный,
Ты ж у доски пять слов связать не мог!
Пиар — ни к черту! Я про тебя такое слышал...
Рискуешь на второй остаться срок!

В твоей же фракции — одни подонки!
Голосовал за это педсовет.
И в калькуляторе ты перепутал кнопки!
Отсюда — был неправильный ответ!

У нас с твоим учителем консенсус —
Ты внёс поправку в архимедовский закон!
Лоббируешь неверные процессы!
Молчи! А то отключим микрофон!

Папа — лесоруб

А ну-ка, мать, сними топорик со стены...
Я Папу Карло сыну покажу.
Я дурь с него стешу, как с той сосны.
Я в стружечках его изображу.

Тупой? Тебя я быстро заострю!
Чик-чик — и ты отличный ученик!
Таблицу Менделеева на память зарублю!
И деревянным сделаю дневник!

Чтоб ты не смел страницы вырывать
И капать на отметки кислотой!
Дневник тебе поможет осознать,
Что и в лесу я мысленно с тобой!

Папа — бард

Извилина у двойки красива, поэтична,
А кол своей вершиной стремится прямо ввысь!
Пятерок нет, и это мне кажется логичным...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

Я в твои годы учился на твёрдое три!
Что получилось из этого, ты посмотри...
Рваные кеды, гитара... и угли костра-а-а-а...
Вот уж действительно пропасть меж нами легла.

Понимаю — это сложно, очень сложно!
Но такой уж это 21-й век!
Без учёнья жить в нём просто невозможно!
Жить не может без учёнья человек...

И пусть полным-полно набиты мне в дорогу чемоданы,
Память, грусть, невозвращённые долги...

Какой дневник? Какая двойка? Это мелочи, сынок...

Ведь я еду, ведь я еду за туманом!
За мечтами и за запахом тайги!!!

С 2000-го года, и продолжает писАться

***

Удивительное дело — ни с того и ни с сего —
Вдруг судьба меня задела
Государства моего...
Ну, куда ж идём, ребята,
Уже двадцать долгих лет?
В чем Россия виновата?
Счастья не было и нет....

Припев:

*Офисный планктон в воде не тонет,
Он ведь даже в кризис не горит,
Наши недра он на Запад гонит,
В Куршевелях бабками сорит...*

Девяносто пять процентов

Тянут лямку «за пожрать»,
Перспектив и дивидендов
Им долгонько не видать...
И таксерят офицеры
Нашей армии родной...
Вам нужны еще примеры
Для понятия «отстой»?

Припев:

*Олигархи, граждане, плодитесь!
В деньгах вы талантливее всех.
Только вы с народом поделитесь —
На худых жиреть — тяжёлый грех!*

А российским автопромом
Мне гордиться смысла нет,
Он сравним с металлоломом
Уже тридцать лет...
Федеральные дороги —
То отдельный разговор.
Сформулирую нестрого —
Государственный позор!

Припев:

*Депутату сладостно живётся!
(Я сужу по Гуччи на плечах)
Он за счастье Родины дерётся (прямо в Думе),
Он душой в борьбе совсем зачах.*

Из совкового застоя
Мы пришли в базарный строй.
Что для будущего строим?
А ведь оно не за горой.
Свои мысли о достатке
Я засуну в никуда,
Нефтесырьевым придатком,
Видно, будем мы всегда!

Припев:

*Офисный планктон не разобьётся,
Олигархи, граждане, плодись!
Депутату сладостно живётся!
У народа жизнь не зашибись...
Удивительное дело —*

*Ни с того и ни с сего —
Вдруг судьба меня задела государства... Моего?*

27 июля 2009 года

***

На заводе красили траву
Масляной простой зелёной краской!
Это всё я видел наяву,
Это вам, товарищи, не сказка...
Мужики в спецовках, сапогах,
С мордами, что мякоть помидора,
С некой обречённостью в глазах
Штриховали травку у забора.

А сами ведь придумать не могли.
Просто развлекаются? Едва ли —
Был бы рядом Сальвадор Дали...
Им, скорее, просто приказали.
Для чего? Где цель? Какого .ера
Брошена бригада на газон?
Главного я видел инженера,
Был он, братцы, одухотворён!

И вошли в азарт, и даже в раж!
Краски не жалели — лили густо!
Кто оценит этот вернисаж?
Это ж травка! Ладно б, там капуста...
«Офис» повылазил из окон,
Крики слышались: «Ещё не однотонно!»
Словно я в совок перенесён,
Словно стал героем фельетона...

Где родной «Фитиль» киножурнал?
Разберитесь в сути, в чём причина?
Ползает по травке персонал,
Вроде бы здоровые мужчины...
Суть проста — наутро ждут гостей
Из самой, вы поняли, столицы!
Это я узнал из новостей —
К нам летят особенные птицы...

К нам летит — кто строил «вертикаль»,
Тот, кто заманил Олимпиаду!
Для него и краски нам не жаль!
Для него и красим у ограды!
Надо ж показать — процесс идёт!
Нанотехнологии внедряем!
А вдруг из рук его нам милость упадёт?
Вот мы травку и озеленяем...

Это всё я видел наяву.
В области Олега Дерипаски
На заводе красили траву
Масляной простой зелёной краской...

30 июля 2009 года

***

Нас с детства учили: «Работай, сынок!
В хорошей работе и знаниях сила!»
Мы делали все, что б страна ни просила —
Пахать целину, иль долбить уголёк...
И громкое имя — Рабочий народ —
Мы с гордостью и, не стесняясь, носили.
О наших победах всюду голосили
Газетный, киношный и прочий бомонд...

Припев:

*А также — фото на доске почёта,
Даже — на грудь медаль!
Путёвку-квартиру — в два счёта,
Готовы мы были работать,
И сил нам было не жаль!*

Но нынче другие пришли времена,
Другие герои у новой России —
Банкиры, что денег на нас накопили,
Теперь только им раздают ордена...
В почёте юристы, отчасти артисты,
Блондинки в законе и топ-менеджмент,
Риэлторы, брокеры, экономисты...
Престижных рабочих специальностей нет!

Припев:

*А как бы фото на доске почёта?
Где же на грудь медаль?
Путёвку-квартиру? Да, что ты!
А кто ж тогда будет работать?
Иди-ка, дружок, не мелькай...*

За несколько лет превращён гегемон
В инертную и молчаливую массу
«Пятнашку на рыло, пожалуйста в кассу,
Спасибо скажи, что ты не сокращён!»

История знает, примеров не счесть —
Когда работяг за людей не считали,
Такие правители плохо кончали...
У наших пока шанс исправиться есть...

2010 год

Две гвоздики

Не вини, не брани, не гони, дай собраться...
Оправдаться за внешний свой вид, отыгаться.
Память бросила в омут войны, хапнул лишка,
Да ещё раскрутил на коньяк я братишку!

Припев:

*Эх, родная ты моя, ты погоди-ка, погоди-ка!
На могилу друга бросил я сегодня две гвоздики...
Друг не выжил в карусели жизни, год как сгинул.
Я к нему поговорить ходил на могилу...*

Это кажется мне диким сном, страшным бредом,
И оградку уже занесло белым снегом...
Два цветка, как две капельки крови, упали.
Будем помнить, Серёга, как мы за Отчизну стояли!

Припев:

*Поминал и простить умолял я Серёжку,
И «Столичную» в снег отливал понемножку...
Не пьянел, как когда-то в горах, под обстрелом.
Два кровавых цветка на снегу белом, белом...*

Припев:

*Эх, родная ты моя, ты погоди-ка, погоди-ка!
На могилу друга бросил я сегодня две звезды...
Друг не выжил в карусели жизни, год как сгинул.
Я к нему поговорить ходил на могилу...*

1995 год. Осень

***

Если уже мне кажется, что все мы спели песни,
И жизнь чуть далее двора неинтересна,
И если гости в тягость даже в выходной,
И не смеётся, не гуляется, хоть тресни...

Душно. Красоток разноцветных вижу равнодушно,
От зомбоящика тошнит уже и скучно...
Какая пошлость этот фирменный рингтон:
Мы говорим слова, но не умеем слушать...

Припев:

*Что ж это такое? Друзе, подсажи!
Это возрастное, это — наша жизнь!*

Где-то успешно пилятся остатки от бюджета,
И песня оппозиции уже пропета:
На вертикали остря сидит тандем
Из года в год, и от заката до рассвета!

Что-то напоминает это топкое болото,
И мне в нём плавать отчего-то неохота,
И неохота верить пламенным словам,
Но — верить в бога! Если есть на небе кто-то...

Припев:

*Что ж это такое? Друзе, подсажи!
Это возрастное, это — наша жизнь!*

Гладко, у нас в России постоянно всё в порядке,
И лишь отдельные бывают недостатки,
А то, что в холоде страна и в нищете, —
Мы ж молодая демократия, ребятки...

Нету для нас при этой демократии просвету —
Свобода слова не заменит нам котлету,
Словами сколько можно нацию кормить?
У нас вопросы... Но найдутся ли ответы?

Припев:

*Что ж это такое? Друзе, подскажи!
Это возрастное, это — наша жизнь!*

Заходи на огонёк

(в соавторстве с Евг. Сипенятовым)

Заходи на огонёк нынче —
Я пять звёздочек заначил, точно.
В баре он стоит один, хнычет,
Мы его приговорим молча.
А потом поговорить сможем
О культуре, о стране нашей,
Пару строчек о любви сложим,
Под коньяк они всегда краше.

Под коньяк оно всегда проще,
Да и мысли под него чище.
Без дурацких глупых фраз общих.
И словами, что давно ищем.
Кто-то строго нас с тобой судит,
А гитара под коньяк — сила.
Мы мечтаем: «Всё ещё будет!»
А не хнычем: «Всё уже было...»

Расскажи-ка лучше, чем дышишь,
Что тревожит по ночам, честно.
О чём думаешь, о чём пишешь.
О неспетых у костра песнях.
Сам не знаешь, что, когда — лучше...
Настоящие друзья где-то.
В телефоне адресов — куча,
А вот так поговорить — нету...

Рюмка порванной струной звякнет,
Расплескает в коньяке звёзды.
Не хотели мы читать знаки,
Да чего теперь жалеть — поздно.
Сами знаем, что когда надо,

Строим планы, как и все люди.
Будет время — посидим рядом,
Только вот, когда ещё будет...

К 50-летию

Я лекарств не принимал сроду,
А теперь хоть сочиняй оду
Препаратам, что меня лечат, —
Список этот чуть не бесконечен.

От радикулита и артроза,
От диабета и ... склероза,
Не лысею — хоть один плюсик,
За здоровьишко своё боюсь!

А вчера вот, не моргнув глазом,
10 тыщ воткнули в .опу разом! —
На семью я меньше денег трачу,
А на .опу, вишь, колю и плачу!

Дорогая ты моя, .опа,
Даже боязно тебя хлопать,
Я всё реже, блин, жену глажу —
Так всё чаще .опу я мажу!

Гляну в паспорт — это, что - шутка?
Мне от этих цифр просто жутко...
Я ж ведь был же ж молодой парень,
Вечно тренькал что-то на гитаре.

А теперича чего? — Баста?!
Жри не сахар, Паша, жри лекарства?
Глуховат, подслеповат... Старость?
Неожиданно, гляди, подкралась...

Не согласен я! Займусь спортом!
Брошу пить, курить, любить... Торты!
Докажу всем молодым ребяткам —
Можно жить и на шестом десятке!

12 августа 2017 года

БУДУШЕЛЫ –

***ЭТО ТВОРЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ,
КОТОРАЯ ПРИШЛА В НАШУ ЖИЗНЬ
ИЗ БУДУЩЕГО...***

ГДЕ РОДИЛИСЬ БУДУШЕЛЫ?

Будушелы как педагогическое явление родились на Дальнем Востоке в марте 1994 года во Всероссийском детском центре (ВДЦ) «Океан». Придумал это явление, используя неологизм В. Хлебникова, безусый молодой человек, который прятался за литературно-публицистической маской Сам Самыча²⁷ — такого умудрённого жизнью морского и одновременно литературного волка. То есть, образно говоря, худосочный щенок, который оделся в волчью шкуру. Никто тогда не подозревал, в первую очередь сам «щенок», что эта игра-путешествие в журналистику растянется на долгие годы. В ней будут меняться команды, издания-корабли, моря, по которым будут путешествовать будушелы под предводительством своего капитана.

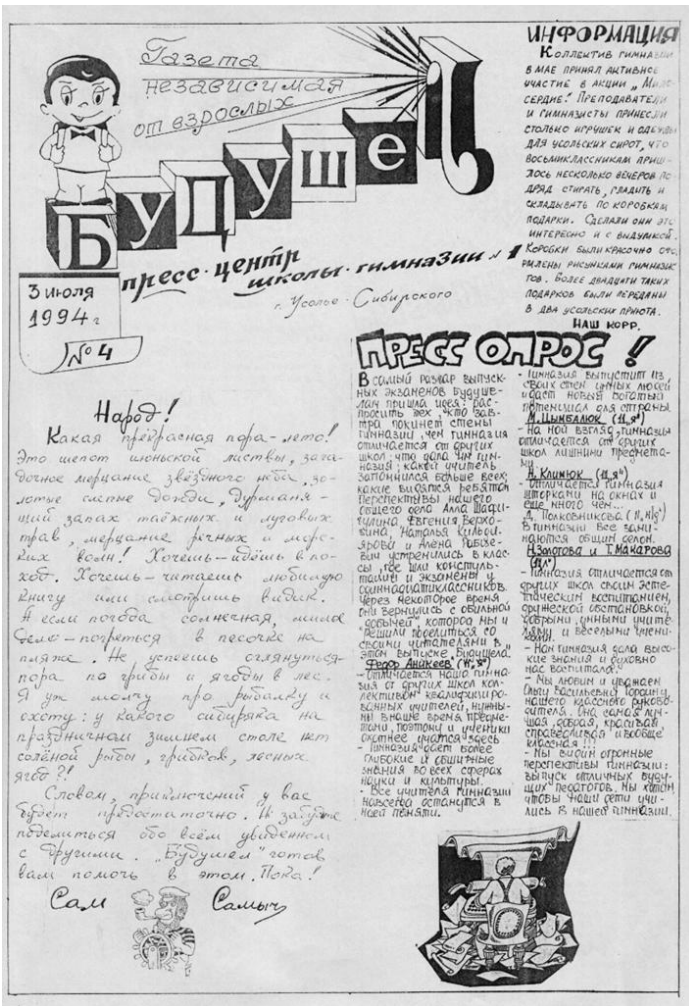
Строительство первого корабля будушелов состоялось на верфи гимназии № 1 г. Усолья-Сибирского, на базе ее пресс-центра. Там же выходили в свет их первые, сначала рукописные, а затем печатные издания, которые даже одно время реализовывались через розничную сеть «Роспечать».

Начиная с 1994 года по настоящее время, будушелы «плавали» на бортах газет «Океанский экспресс», «Будушел», «Свеча», «Славное море», «Александровский Централ». С 2014 года у них своя кают-компания в нашем альманахе.

Разве мог подумать безусый Сам Самыч, что он доживёт до того времени, когда ему уже будет не нужна театральная маска: его волосы превратились в седую кочку, усы и борода не однажды прорастали на его лице, а морщины оставили на нём свои несмываемые следы времени.

Ему также было невдомёк, что его питомцы, воспитанные на маленькой шхуне, сделанной из школьных тетрадных листков в клеточку и линейку, смогут стать ответственными матросами, боцманами и даже капитанами на различных региональных и российских печатных и электронных шхунах и фрегатах. А он, списанный подчистую на берег, будет травить свои морские журналистские байки

²⁷ Сам Самыч – один из литературных псевдонимов А.И.Гордина.

в тихой гавани факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета. И назло всё прибывающим и прибывающим годам продолжать делиться опытом с юными и начинающими журналистами искусством стреноживания парусами своего разума ветра и волн времени.

«Для чего?» — спросите вы. Конечно, для того чтобы самим не утонуть в грозной стихии по имени Жизнь.

А для этого, не в последнюю очередь, необходимо сохранить наш общий корабль, носящий гордое имя Россия! Журналист, каждый на своём месте, в своей рубке и маленькой районной газеты, и центрального телевидения в меру своих сил и возможностей может и должен

способствовать тому, чтобы наш общий корабль не сел на мель буржуазно-бюрократического скудоумия, на разбился о скалы чуждых ценностей и норм поведения, которые незаметно, крадучись, ползучим шагом, окружают «шестую часть земли» (С. Есенин) со всех сторон в лице информационных агрессоров, имеющих разные и благостно общественно, и хищнические политические личины, но неизменно мечтающих всегда об одном — придушить своим тёмным словом нашу национальную идентичность.

Поэтому, как и много лет назад, в далёкой юности, мне хочется сказать своим питомцам:

— Народ! Семь футов под килем! Полундра — свистать всех наверх! Ради совести и справедливости, общего благополучия вперёд навстречу штормам и штилям! Вперёд-назад в прошлое! Вперёд-назад в будущее! Для настоящих будущелов смерти нет нигде, но всюду — жизнь! Да здравствует солнце, да сгинет тьма!

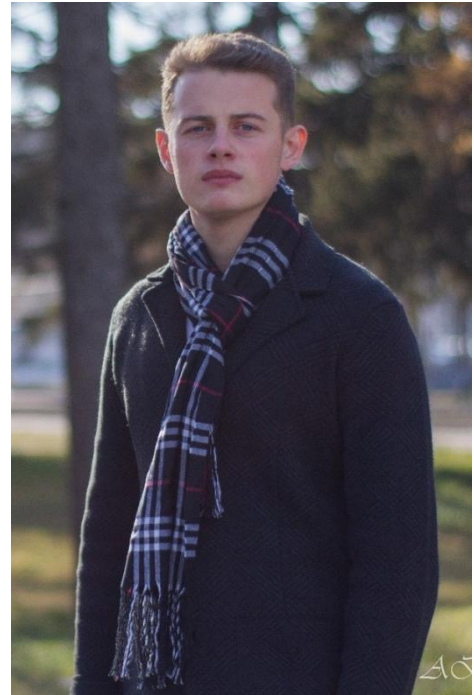
Сам Самыч,
ноябрь 2020 года,
г. Иркутск

• Памфлет

Александр Гаврилов

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Сегодня к нам в редакцию журнала «Народное обозрение» пришло письмо от пенсионера, бывшего журналиста. Возмущению мэтра предела не было. Говорит: «Не понимаю я Вас, нынешних журналистов. Особенно засевших в московских редакциях и подающих пример всей остальной российской журналисткой братии. Что это Вы пишете?» — Так и написал, а закончил пугающе: «Сталина на Вас нет!» Для кого? Ради чего? И по чьему заказу?

«Хотел бы я Вам написать в начале своего письма: «Здравствуй, товарищ!» Да волк вам тамбовский — товарищ! И как ни крути: Москва не Россия, а Россия — не Москва! Поэтому...

Здравствуй, прислужники отечественных акул-олигархов! Здравствуй, господа-буржуи! Ибо, откуда ни глянь, Вы таковыми и являетесь по отношению к нам, которых Вы напоказ величаете народом, а промеж себя простодырым отрепьем, 25% которого перебиваются с хлеба на воду и находятся на горьковском дне, а 70% живут без продыху, от зарплаты до зарплаты. А 5% — это как раз те, которые Вам и платят зарплату, которые Вас и содержат, которых Вы и излизываете во всех местах, а как те из власти уходят, то Вы и их костерите. Как же правдоискатели! Более того, Вы их и сейчас ненавидите за спиной, но и выхода у Вас нет никого. В наше время трудностей тоже немало было, но... тогда была одна власть, и она была (теперь это понятно особенно), как это принято сейчас обзывать, — «социально справедливой»... По крайней мере, ежели не для всех, то хотя бы для большинства. Те, кому не нравилось, выбирали путь диссидента, но точно не путь журналиста. Вот тот же Довлатов — пример хороший. Не нравится — уезжай в Америку и пиши что хочешь. Или вот Солженицын.

Вы поймите меня, честность перед самим собой — главное, что есть у человека. И ладно, молодые борзописцы-журналисты! Они пришли на телевидение или в газету, их взяли Христа ради, податься более бедолагам некуда. Вот и выполняют ту работу, которая вам не пригодная, или статус звезды-мэтра не позволяет копаться в политическом и бытовом

дерьме. Ведь ещё Евтушенко писал: «Учёный, сверстник Галилея, был Галилея не глупее. Он знал, что вертится Земля, но у него была семья...» Дело в чём? Или лучше, в ком? Все Ваши заказики, статеечки, письмеца — лапша на уши, словоблудие и дымовая завеса, чтобы удержаться самим на плаву и сохранить у власти, нет, не Богу, Вам сподручных и угодных людей!

А пишете, говорите, показываете вроде бы ни о чём? Так, текущая оперативная и совсем не операбельная информация и не более того... Хитро. Замысловато. — Нечестно... Потому что хорошая пропаганда — это фильм «Кубанские казаки». В ней никто ни за кого не прячется. Люди искренне хотят, чтобы так и было, хотя всё в реальной жизни было далеко не так. Но там хоть видно, что чтят дело своё люди от души. А Вы? Не стыдно ли Вам?

Что Вы скукотищу-то политическую разводите? Народ уже тошнит от ваших Трампов, Медведевых и прочих политических разгильдяев. Вы так много пишете, показываете и говорите о внутренних проблемах США и их политике в Украине и Сирии, что невольно возникает вопрос: «Что, Россия — это один из штатов Америки? Что, у нас своих внутренних проблем нет?»

Вы себе отдаёте отчёт, что волей-неволей становитесь важнейшими участниками различных рекламных кампаний, в том числе политических, задолго до официального их начала. Используя административный ресурс, партия власти, под предлогом необходимости рассказывать о происходящих в регионе, стране или за рубежом событиях, Вас заставляет по всем каналам пиарить её и её лидеров!

Но, как говорится, «Напрасно старушка ждёт сына домой!» Неужели Вашу голову не посещала простая мысль, что чем настойчивее сегодня СМИ славят какую-то политическую силу, тем скорее она потерпит поражение на выборах. А всё из-за Вас! Вам и Вашим «артистам», выступающим на аренах полос газет, экранов телевизоров, давно уже никто не верит. Потому что глаза намозолили. Потому что Вы пересиропили, и в горле першит от сладостных речей, рассказывающих о победах режима на трудовых и военных фронтах, о строгости к нарушителям якобы социального устройства нашего государства, о расхитителях капиталистической собственности. Народ после вашей промывки мозгов давно уже в большинстве своём превратился в совокупность политических импотентов. А те из них, которые всё-таки доходят до урн для голосования, со психа голосуют, образно говоря, против всех! То есть за любого, лишь бы не за лидирующую политическую партию. А потом недоумевают и опять-таки сомневаются: как так, кого ни спроси, голосовали против, а всё равно при подсчёте голосов оказывается, большинство за? Сомневается народ (млад ли, стар ли — всё равно!) в честности и так называемой прозрачности выборов, потому что видит, что изначально, с помощью СМИ, происходит шельмование...

У большинства россиян в мозгах, как пуля-заноза, застряла холодная пронизывающая мысль, которую можно кратко выразить одним словом: «Достали!»

Признаю, что и мы, ветераны партийной печати, видимо, в своё время доставали своих читателей, слушателей и зрителей разными лозунгами, трафаретными репортажами со съездов КПСС, посевных, уборочных кампаний и т. п. Но доставание доставанию рознь. Во-первых, у нас и выбора не было, потому что была однопартийная система в государстве.

Во-вторых, самое главное, глобальное... Мы газеты в обязательном порядке читали. Наши мамы, папы, дедушки и бабушки тоже читали. А Вы, наверное, даже друг друга не читаете. А всё почему? Мы стремились больше находить позитивных фактов в нашей жизни, чтобы вдохновлять людей на труд, и делали это от души для души, потому что искренне верили в идеалы коммунизма. Да! — Пропаганде коммунизма было место, но это же не всё. Много чему ещё уделяли внимание. И спортсменам, и артистам, и трудягам. С днём рождения поздравляли, а сейчас что? Не модно всё это стало...

В-третьих, авторитет советских СМИ был настолько высоким, что в народе поговаривали: «Спорить с газетой — это всё равно, что против ветра писать...», потому что мы выполняли важнейшую функцию народного контроля за деятельностью партийных и хозяйственных органов. Печатное слово было не вырубить топором, а иногда оно превращалось в топор, карающий предателей и расхитителей социалистической собственности. Увы, при этом могли пострадать и невинные люди: когда лес рубят, щепки летят...

А вообще хочу верить... Как же без веры-то? Неправильно это... Даже настоящие коммунисты в своё время это понимали, потому и придумали рай на земле. Может, Вы меня переубедите? Ведь тем-то много интересных. И самое главное, что они под боком, они рядом с нами, они где-то здесь, их надо только увидеть. Людей много хороших, неординарных. Обратите на них внимание, и я уверен, Вас станут читать. И газеты оживут. А канализационная система под названием телевидение просветлеет и станет средством не зарабатывания денег, а очищения душ людских. Ибо нельзя сразу двум богам молиться...

Деньги и политика — это ведь не всё, что есть у нас. А сколько талантливых людей рядом с нами? Они как Левша Лескова. Но о них никто ничего не знает. Зато мы вольно-невольно знаем о бандитах, олигархах и политиках столько, словно это члены нашей семьи. Да, возможно, не очень любимые. Но — родня!

Так и о Вас не узнают через много лет, потому что всё, что Вы пишете, — ни рыба и ни мясо. Не так хорошо, чтобы этим можно было гордиться и восхищаться, и не так плохо, чтобы от этого можно было содрогнуться, в хорошем смысле этого слова. — Словоблудие, самолюбование и более

ничего. А ничего, оно и в Африке, и сегодня, и завтра так и останется ничем. Но даже и в этом сермяжная правда. Забвение не такая уж и страшная штука. Страшнее, что никто не узнает о настоящих, нефальшивых героях нашего времени.

Прощайте, «немытые россияне»! И знаете, что?.. Сталина на Вас нет...

Не уважающий Вас, журналист Н»

P. S. А в редакции на это послание из прошлого века скромно отреагировали: просто посмеялись и ушли. А я задумался...

Рисунок Юрия Скорнякова

• Мнение

Захар Семёнов

КАК СТАТЬ ЖУРНАЛИСТОМ?

«Журналистике в университете не учат», — за полчаса до эфира сказал иркутский тележурналист Игорь Владимирович (по этическим соображениям его фамилию не называю) и отправился в студию.

В профессию он пришёл шестьдесят с лишним лет назад. Я шутливо называл Игоря Владимировича «мэтром» и часто выводил его на разговор. Одна из таких бесед и закончилась вышеприведённой фразой.

Конечно, его слова не стали для меня открытием. Я часто слышал (в том числе от выпускников моего университета), что на нашем факультете учат всему, но не журналистике. Мол, вы можете хоть каждый день сидеть на парах, учиться на отлично и выполнять каждое задание преподавателя. Но полученные знания — крохи. Крохи от тех навыков, за которыми юный абитуриент поступает на факультет.

Назревает вопрос: — Что есть настоящая журналистика? Какие знания необходимы для её постижения и правда ли, что университет, как выразился «мэтр», не способен обучить этому ремеслу? — Давайте выясним.

Предупреждаю сразу, рассуждения ниже — плоды моего немногочисленного жизненного опыта. В момент написания материала я студент третьего курса факультета филологии и журналистики. Заветной «корочки» ещё не получил, зато за плечами половина студенческой жизни. Да и представление об учёбе в университете у меня сформировалось окончательно.

И ещё один важный момент. Уже полгода я работаю новостным корреспондентом на региональном телеканале. И не понаслышке знаю, чего от студентов будет требовать их будущая профессия.

Итак, начнём с поступления. Представьте: вы — абитуриент и только что закончили школу. Счастье переполняет, да и выбранная специальность обещает интересную жизнь. Журналист — звучит интригующе. Правда, не факт, что вы знаете, какие испытания готовит эта профессия. Но не стоит грузиться этим сразу после окончания школы. Сложности есть везде, а университет на то и университет, чтобы азам и профессиональным премудростям обучить.

К слову, об ожиданиях абитуриентов. Не так давно увидел сюжет со дня открытых дверей моего института. Там ребята, решившие поступать на журналистику, делились ожиданиями от специальности. Перечисляю некоторые:

— *Меня зовут Элина, мне 17 лет, и я заканчиваю школу. Сейчас я делаю, возможно, самый важный выбор в своей жизни. И делаю его в*

пользу профессии журналиста. Мне нравится в профессии то, что постоянно нужно развиваться и самосовершенствоваться.

— Моя цель и моя мечта — научная журналистика. Я хочу интересно и ярко рассказывать о науке простым и понятным языком.

— Меня зовут Никита. Я хочу поступить на факультет журналистики. Потому что считаю, что это образование даст мне неплохую гуманитарную базу и научит меня всем основам журналистской деятельности.

— Здравствуйте, меня зовут Анастасия. И я хочу стать журналистом, потому что я очень хочу освещать проблемы, которые так важно знать обществу.

— Я Дарья. Хочу стать журналистом, потому что это очень увлекательная и творческая профессия. В ней есть возможность общаться с интересными людьми, много путешествовать, изучать иностранные языки и самосовершенствоваться.

Светлейшие мысли! Вряд ли такие слова сказали люди, которые бы не были искренне заинтересованы журналистикой. И дай Бог, чтобы эти ребята действительно получили от университета то, чего ожидали!

Но вернёмся к нашим рассуждениям.

Абитуриенты поступают. Внимательно слушают первые лекции, участвуют в семинарах, работают на практических занятиях.

Переломный момент наступает во время первой практики. У нас было так: студент идёт в любое СМИ и в течение месяца наблюдает за работой профессиональных журналистов. По завершении надо написать отчёт о проделанной «работе». Задача простая.

Чтобы вы узнали чуть больше об особенностях прохождения ознакомительной практики, приведу свой пример. После первого курса я отправился на филиал ГТРК «Иркутск». Как и всем студентам, на съёмках доверяли мне только переноску штатива. Ни о каких собственных сюжетах и поездках даже речи не шло. Но я сдружился с коллективом и за месяц всё-таки написал две «перекрывашки» (так называют новость на 40-50 секунд).

Собственно, уже тогда я понял, почему студентам не дают самостоятельно ездить на съёмки. В тот момент мы были попросту не готовы к журналистской работе. Можно идеально знать теоретический материал из университета, но, если нет элементарных практических навыков, — довольствуйся штативом. Обидно. Ведь после первого курса студенты горят желанием попробовать свои силы в настоящей журналистике. Но стремления молодых ребят часто игнорируют. И не без причин: сорванная съёмка никому не нужна.

Подкреплю мои слова цитатой одного иркутского тележурналиста. Его имя знать необязательно, но этот человек относительно недавно закончил факультет филологии и журналистики ИГУ. О подготовке будущих работников СМИ говорил следующее:

— Современный журфак проигрывает по всем фронтам. Профильные предметы ничему не учат. Учат только практика. Когда я пришёл на первом курсе на ГТРК, я понял, что к этому совершенно не готов. Потому что нас ничему не научили. Единственные нужные предметы — это литература, современный русский язык. Но это классическое гуманитарное образование. Их преподают не только на факультете журналистики.

После таких заявлений самое время перейти к нашему изначальному вопросу.

В классическом понимании «журналистика» — это деятельность, направленная на сбор, обработку и передачу информации. Но это не значит, что любой человек, который делится своим видением какого-либо события, вправе называться журналистом.

Понятие «настоящий журналист» подразумевает наличие системы определённых методов работы с информацией (например, «метод маски»). Также журналистика требует определённого профессионального уровня (ведь любой этап работы с информацией нужно проводить качественно). В конце концов журналистика должна быть регулярной (человек «жив», пока он пишет).

И это далеко не все требования профессии. Журналистика заставляет постоянно выходить из зоны комфорта: нужно уметь разговаривать с людьми, писать тексты быстро и ёмко. И главная проблема несостоявшихся выпускников журфака — отсутствие этих элементарных навыков.

Если взглянуть на объявление о работе в престижном журнале или телекомпании, каждый раз мы видим примерно следующее содержание: «В журнал «СФЕРА» требуется корреспондент. Требования: умение грамотно писать, коммуникабельность. Обязателен опыт работы в профессии не менее двух лет».

Опыт работы — это критерий, на который смотрят в первую очередь. Он и подразумевает наличие тех самых профессиональных навыков. Допустим, в редакцию журнала «СФЕРА» придут два молодых выпускника местного журфака. Первый — блестяще учился, сдавал сессию на отлично и сейчас держит в руках красный диплом. Но в профессии ни дня не работал, его практические знания — минимальные. А второй потенциальный сотрудник — заядлый троечник. В университете учился плохо, зато несколько лет работал внештатным корреспондентом в местной газете. Кого из этой пары предпочтёт работодатель? Вряд ли человека, которого нужно учить с нуля.

Поэтому я глубоко убеждён, что главная проблема студентов-журналистов — именно отсутствие практического опыта. Чтобы почувствовать «вкус профессии», нужно проработать как минимум один год. Меньше — совершенно недостаточно.

А вы представляете, что испытывают перспективные выпускники, которые когда-то горели желанием рассказывать о проблемах общества, но, окончив университет, не смогли исполнить свою мечту? Они оставляют журналистику навсегда и не без оснований...

Ведь наша профессия жестока. Здесь не получится писать только о том, что тебе интересно. Журналист должен уметь разбираться в любой теме, чтобы грамотно донести материал до аудитории. Представьте, сначала корреспондент вынужден ехать на заседание законодательного собрания и написать о его результатах. А затем его отправляют к старушке, которая жалуется, что у неё возле дома выгуливают собак. И такое «разнообразие» каждый день. Очевидно, творчества в такой работе практически нет.

А вот и другие «плюсы» профессии: редактор будет требовать переписывать текст до тех пор, пока материал не покажется ему читабельным. Корреспонденту придётся выезжать в дальние командировки и работать в любых условиях и с любыми людьми. А уж какие тяжёлые темы могут достаться журналисту... Не исключено, что каждый день репортёр будет видеть человеческие беды и сломанные судьбы. Мало того, что это необходимо пережить, об этом ещё и писать придётся.

Об испытаниях, которые готовит журналистика, писать можно ещё долго. Но нас интересует другой вопрос. Готов ли к таким трудностям рядовой выпускник-журналист? — Хотелось бы верить...

Моя знакомая, окончившая журфак, рассказала, что с её курса из шестидесяти выпускников по профессии остались работать только шесть. Судить об объективности таких сведений я не могу. Но такая проблема мне известна, и она действительно существует. Даже на собственном факультете я могу сказать, кто из моих однокурсников действительно останется в журналистике хотя бы на несколько лет. К сожалению, таких ребят крайне мало: примерно один настоящий журналист из десяти выпускников — такая статистика у меня получилась.

Я считаю: это и плюс, и минус, что по специальности работает мало выпускников. С одной стороны, журналистика может лишиться действительно сильных и перспективных кадров, которые владеют словом и могут сказать что-то новое аудитории. Но с другой, в профессии останутся те, кто действительно готов к сложной работе.

А теперь самое интересное. Кто же виноват в том, что из университета многие студенты выходят без практического опыта и навсегда оставляют профессию? Отвечу сразу: виноватых нет.

Задача университета — научить учиться. Преподаватели не могут «полировать» каждого студента, чтобы из него вышло что-то похожее на журналиста. Студент сам должен заботиться о себе и своём будущем. Если учащемуся недостаточно практического опыта, он должен сам найти способ его получить. Если студент переживает, что после выпускного его

не возьмут на работу, — пусть идёт и «пригревает» себе место в редакции. Всё просто.

В конечном итоге университет развивает в студенте личность, которая должна быть готова к трудностям и жизненным испытаниям. И я думаю, что только слабый человек в собственных неудачах будет винить кого-то, кроме себя.

Ещё раз повторю: чтобы стать профессионалом, необходимо работать над собой. Слушая истории матёрых журналистов, я удивляюсь, сколько трудностей пережили эти люди. И ведь не сломались. Гнули свою линию до последнего. Вот и Игорь Владимирович, мой «мэтр», — один из таких. Сколько редакций он сменил, где только не жил и не работал! Но всё равно остался верным профессии. В этом и весь его секрет.

А ещё Игорь Владимирович был в числе первых выпускников факультета, на котором сейчас обучаюсь я. Уж к его словам, возможно, стоит прислушаться.

Мargarита Васильева

**УНИВЕРСАЛЬНАЯ ФОРМУЛА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ,
ИЛИ
ЖИВА ЛИ ДУША, СОВЕСТЬ И РОДИНА?**

Душа, совесть и Родина – понятия, содержания которых тесно связаны между собой. Одно без другого не может существовать. Как только слышу эти слова, в моей голове чаще всего всегда всплывает образ сегодняшних молодых людей. Бытует популярное мнение о том, как низко опустилось наше общество в морально-нравственном плане, особенно молодёжь. Сюда может относиться многое: неуважение к старшим, равнодушие, циничное отношение к жизни, различные травли и унижения более слабых людей, незнание, потеря собственного «я», проблемы с самоидентификацией. У меня такое ощущение, что в наши дни становится стыдно проявлять такие

чувства, как сострадание, милосердие, сочувствие. Своими поступками мы как бы утверждаем новую «истину», которая заключается в том, что выражение их по отношению к другим — проявление слабости.

Не поэтому ли нынешнему поколению свойственно терять веру во всё хорошее и разочаровываться во всём, даже в самих себе? Не отсюда ли такая любовь к пессимизму, фразам и устойчивым фразеологизмам, которые оправдывают жестокость: «*Мир жесток*», «*Мир несправедлив*», «*Взрослей – жизнь не сказка*» и так далее? Многие люди, прячась за такого рода высказываниями, пытаются обосновать необходимость жестокого отношения человека к другим людям и природе. И при этом для них неважно, о чём идёт речь: о «несправедливости» всего мира или о маленькой детской обиде. Но ведь «многие» — это и есть все мы...

Мы не хотим искоренять бедность, не хотим делиться едой с неимущими, подобострастно лепим себе разные рамки поведения, наподобие «мужчины не должны плакать» и т. п. А потом обвиняем мир в его жестокости. Тот самый мир, который мы сами создали своими руками вокруг себя, и который держится на зыбких подпорках таких фраз. Наверное, у каждой эпохи своё очарование, которое возможно увидеть только грядущим поколениям. А суть нашей эпохи нам, которые стремительно несутся по параболе её буден, неясна, потому что прав был поэт, когда сказал: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии»²⁸. Наша непрерывная гонка за прогрессом и преуспеванием приводит к тому, что мы не замечаем, как рядом, в этом водовороте буден, тонут близкие нам люди, как мы становимся озлобленными не только на окружающих, но и на самих себя, оттого что не всё получается в жизни так, как хотелось бы.

Немудрено в таких условиях потерять совесть, а то и вовсе душу. Ту самую душу, о которой человечество на протяжении множества веков постоянно говорит, но практически ничего о ней знает. Мне всегда казалось, что душа есть нечто абстрактное, и я никогда не могла дать ей точного определения. Мы проживаем спокойно наши жизни и приходим к какому-то конечному итогу, анализируя всё то, что с нами было. Все наши мысли, чувства, воспоминания, через которые мы проходим, то, что любим и чем дорожим, — не это ли наши души? Наши постоянные, выходящие за рамки раздумья перед сном — тоже часть нашей души, а, стало быть, и того, что мы представляем собой в целом. Как мы смеёмся рядом с другими, как о ком-то заботимся, делаем что-то приятное друг другу, помогаем — это ли не сияние души, освещённое нашей искренностью и непосредственностью? Мне кажется, что свою душу человек никогда не теряет, разве что в момент смерти. Отсутствие души есть смерть.

Совесть неразрывно связана с душой и чувством Родины в человеке. По крайней мере, так это видится нашему народу. Не случайно многие известные русские писатели в своих произведениях уделяли большое

²⁸ С.Есенин «Письмо к женщине»

внимание живой, взаимно обуславливаемой связи между этими понятиями. Достаточно вспомнить хотя бы слова нашего земляка В. Г. Распутина: *«Другой и рад бы по совести, да где её взять, ежли не уродилась вместе с им? За деньги не купишь...»* («Прощание с Матёрой»).

«В художественном мире В. Г. Распутина совесть рассматривается как некий дар свыше, существо, которому дано родиться, словно человеку. Совесть нельзя просто где-то найти, взять, она должна быть дана от рождения, появиться на свет вместе с человеком. Для славянской культуры характерно представление о совести как некой не зависящей от человека мистической силе, которой он не может управлять, её нельзя купить или выменять. Совесть дана свыше, а значит может судить человека и вершить его судьбу»²⁹. Вот и получается, говоря языком нашего великого земляка, что место, где мы родились, то, какими людьми дорожим, знания, что приобретаем, какими обладаем высокими моральными устоями, духовными и нравственными ценностями, — многое о нас говорит, как о людях, которые понимают, где они живут и что именно любят. Голос Родины в нашем сознании ассоциируется с совестью и душой, всегда подсказывает, в каком направлении двигаться.

Свои размышления мне хотелось бы закончить цитатой из интервью прекрасного человека и актёра Евгения Леонова, в которой он делится своим пониманием смысла жизни, свободы через широкое осмысление понятия «любовь». Мне оно видится как нить нательного крестика, на которую нанизываются избранные нами понятия: *«Я теперь стал верить... ну, не в Бога, я так переделаться быстро не могу. А в то, что высшим законом может быть любовь. Выше права — милость. Выше справедливости может быть прощение. И мне кажется, что этой формулы достаточно, чтобы не опускаться ниже человеческого уровня. И необязательно давить машиной собак, отказываться от детей в родильном доме, не помогать родителям... жить, забыв, что нас призывали великие предки: «Не убей, не укради». Нам это потихоньку стало казаться лицемерным, несерьёзным. Потому что «свобода». А свобода — это значит делай, что хочешь, и живи, как хочешь. И тем, кто так хочет жить, не хочется задумываться, что свобода, оторванная от интеллигентности, здравого смысла, от доброго сердца, — страшная штука».*

Универсальная формула человечности...

---

²⁹ Липина М. А. Лингвокультурология: руководство для самостоятельной работы студентов: учебно-методическое пособие / сост. М. А. Липина. – Иркутск: ФГБОУ ВО «ИГУ», 2018. – С. 76.

• Зарисовки с натуры

Артемий Бронников

ПУТЬ ДО ПАПЫ

Вечерний автобус в Шелехов. Взгляд строго в затылки друг другу. Иногда, нервно, в экран телефона. Я подошёл в конец очереди. Не надо же выяснять, кто последний, давно всё понятно. Рот мой закрыт. Не слышно голосов и всех остальных. Тяжёлый гул машин. Нервный сигнал невнимательному водителю иномарки. Слышны все неодушевлённые предметы. Но люди — немые, их словно не существует.

У остановки резко затормозил автобус. У него шумно открывается дверь. Стучат женские каблуки, которые не могут молчать. Женщина — может. Водитель выходит.

Беззвучно курит. Очередной рёв «тайот», «мерседесов». Но только не Александров Васильевичей или Василис Валентиновен. Они все остались на работе. А их путь до пап Саш и мам Василис длится сорок минут. Сорок минут в этих людях щемящая душу пустота. Она внимательно присматривается к людям, перед тем как поглотить их.

— Остановите на «Роснефти»! — вдруг раздаётся откуда-то, словно из потустороннего мира.

Происходит звук, подобный тому, который возникает тогда, когда холодная вода капает на раскалённую сковородку, заполненную подсолнечным маслом:

— А когда «это» у нас остановкой стало?!

Дальше никто не слушает. Знают, что нервная перепалка усталых, опустошённых работой людей прекратится, как только водитель всё же остановится и агрессивно отдаст сдачу женщине. Дальше все едут молча...

А кто все? Никого же нет. Пустота.

По крайней мере, ещё минут двадцать. Ровно до тех пор, пока этот мир не огласится радостными возгласами: «Ура! Папа дома!» или просто «Мама!». И у людей будет ещё одна ночь, хотя бы во сне звучать и оставаться собой до тех пор, пока не прозвучит голос Пустоты: «Здравствуйте, Александр Васильевич!» или «Здравствуйте, Василиса Валентиновна!»

АРТИСТ ПО ИМЕНИ РЕДИСКА

В течение десяти секунд гаснет свет... занавес медленно ползёт в разные стороны... сверху сыпется снег... тишина в зале... первые голоса на сцене.

— Тыщ! — хлопок дверью, — и непроизвольно всё внимание на человека в белой рубашке и зачёсом набок. Присмотритесь! — Он сейчас важный персонаж. Нет, это не сцена спектакля, это сцена жизни. Бабушка-контролёр звонко делает «Тш-ш-ш!» и провожает мужчину до ближайшего кресла.

— Это не моё! — громко замечает, приосанившись, мужчина, явно работая на публику.

— Садитесь! — шёпотом проговорила сотрудница театра, втянув голову в плечи, согнувшись почти до самого пола, стараясь стать как можно незаметнее.

Несогласные реплики опоздавшего слышал и видел весь зал. Он пробирався к своему «законному» месту практически по головам. Недовольство в зале было, конечно, тихим. Зрители находились будто меж двух огней: на сцене — артист, в зале... скажем, Редиска. Наконец, герой из зала сел.

Контролёр отошла к двери, на её встревоженном лице было написано: «Господи, не пришлось бы запускать ещё одного!»

А что же «артист»? — В антракте он ушёл. Ну, понятное дело... не его же сцена во втором действии.

Алина Борисенко

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Тема абьюза³⁰ (abuse), или эмоционального насилия, вызывает в обществе множество неоднозначных мнений. Многие думают, что жертвы насилия — это просто слабохарактерные люди, лишённые самоуважения, которые именно по этой причине позволяют к себе подобного рода отношение.

Чаще всего это мнение людей, которые абсолютно уверены в том, что тема жестокого обращения никогда не касалась и не коснётся их.

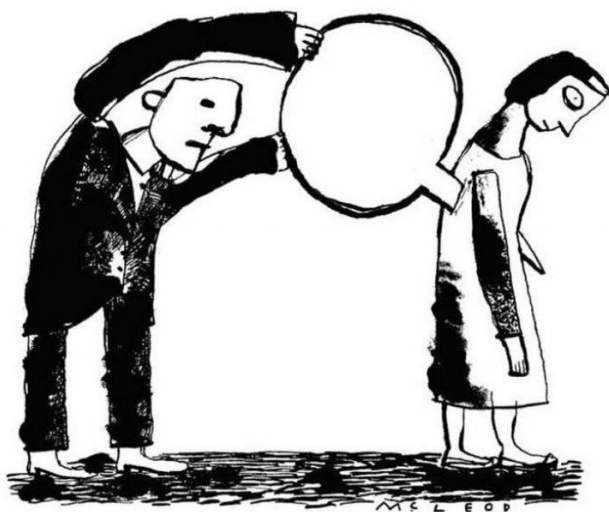
На самом деле это не так. Важно отметить, что абьюзерами могут быть как женщины, так и мужчины. Каждый третий человек на планете сталкивался с проблемой грубого обращения. Насилие многолико.

---

³⁰ По мнению психолога, кандидата социологических наук А. Орловой, автора статьи «Что делать если я абьюзер?»

Например, проявлением морального насилия является чрезмерная ревность, желание изолировать близкого человека от знакомых, частые упрёки, критика, внушение страха, наказание родных за отсутствие их дома в течение долгого времени. Легко понять, что твой партнер жесток, когда он распускает руки. Но побои — это далеко не единственный признак насилия. Более того, в большинстве случаев до рукоприкладства дело не доходит вообще.

Главная цель абьюзера — сломать жертву эмоционально, а опасность заключается в том, что партнёр долгое время не может понять того, что над ним совершается насилие³¹.

Такие деструктивные отношения могут быть не только с вашей второй половинкой, но и с родителями, друзьями или коллегами на работе. Последствия их бывают тяжёлыми. Самые банальные — это пониженная самооценка и потеря собственного достоинства, которые приводят к деперсонализации личности и в конечном итоге насильственной управляемости поведением человека. Со временем многие

жертвы эмоционального насилия уже не могут спокойно выстраивать новые отношения с людьми из-за страха прошлых ошибок, а некоторые из них впадают в сильнейшую депрессию³².

Сценарий действий абьюзера примерно одинаков независимо от того, в каких отношениях он находится с жертвой. Для начала он плотно входит к вам в доверие и всеми возможными способами пытается расположить к себе и лишь после этого начинает критиковать или попрекать жертву якобы с самыми «добрыми намерениями». Так, родители могут ругать вас за плохую оценку, друг — обижаться на «недостаточно тёплые отношения», а возлюбленный — на невнимательность с вашей стороны, начальник обвиняет в безответственном отношении к своим профессиональным обязанностям, концентрируя своё внимания на недостатках, не замечая достижений.

А подчинённый или подчинённые объявляют психологический прессинг начальнику, обвиняя его в злоупотреблении служебным положением. Последнее наиболее сегодня распространено среди жертв так называемого сексуального насилия, в котором обвиняют подчинённые

³¹ Альтернативная точка зрения представлена в статье Э. Соломахиной «Со мной этого никогда не случится». Режим доступа <https://psychologyjournal.ru>, свободный. Дата обращения 18.12.19.

³² Этой проблеме посвящена статья А. Пивоваровой «Как противостоять абьюзу». Режим доступа: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/>, свободный. Дата обращения 18.12.19.

своего, например, работодателя по истечении многих лет, когда уже сложно, а порой невозможно установить, было ли это насилие контактным или это были невысказанные или невнятно высказанные желания, облечённые в двусмысленные намёки, взгляды, жесты.

Насильник загоняет свою жертву в полную изоляцию от внешнего мира. Например, прямо или косвенно запрещает общаться с коллегами или друзьями, уверяя, что они оказывают на подконтрольного ему человека дурное влияние. Это делается для того, чтобы жертве было не с чем сравнивать и не с кем обсудить свои токсичные отношения с абьюзером, а значит, обратиться к кому-то за помощью. В конечном счёте, она становится практически собственностью «токсичного» человека.

Часто абьюзер принимает тактику газлайтинга — это полное отрицание проблем, вплоть до убеждение жертв эмоционального насилия в их психическом расстройстве³³. Партнёр становится настолько эмоционально нестабилен, что поведение абьюзера считается вполне естественным, а наказание — справедливым.

Одним из основных признаков эмоционального насилия является игнорирование личных интересов со стороны эмоционального агрессора. Например, начальник просит вас выйти на работу в выходной, хотя ситуация не критическая, но если отказаться, начнётся череда неуместных вопросов наподобие: «Почему этого сделать не получается? Какие на то причины и можно ли перенести свои планы?» И т. п. В итоге абьюзер убеждает вас в том, что все личные дела считаются второстепенными, а работа является действительно важным приоритетом в вашей жизни³⁴.

Психологи выделяют следующие признаки-ситуации эмоционального насилия:

1. Абьюзер унижает свою жертву при любых удобных обстоятельствах и получает от этого удовольствие.
2. Наблюдается полное отсутствие уважения. Абьюзер полностью игнорирует мнение своей жертвы или даже насмехается над ним.
3. В адрес жертвы постоянно поступают насмешки, прилюдное унижение и издёвки.
4. Жертва испытывает на себе постоянный контроль, а порой даже ревность ко всем окружающим.
5. Абьюзер постоянно выражает в адрес жертвы недовольство её поведением и старается её пристыдить.
6. «Токсичный» человек заставляет объект насилия постоянно советоваться с ним и вмешивается в процесс принятия каких-либо решений.
7. Абьюзер начинает контролировать финансовые вопросы жертвы.
8. Все достижения объекта насилия занижаются и высмеиваются.

---

³³ Савина А. Газлайтинг: Зачем мужчины внушают женщинам, что они не в себе. Режим доступа: <https://www.wonderzine.com>, свободный. Дата обращения 18.12.19.

³⁴ Лабковский М. Хочу и буду. Глава 3. Раздел «Отношения: от невротических к здоровым»

9. Часто абьюзер выглядит отстранённым. Его редко интересуют события или ситуации, которые не связаны с ним самим.
10. У жертвы появляется ощущение, что он всегда неправ.
11. Жертву часто обвиняют в том, чего он не делал, или в вещах, не зависящих от него.
12. Абьюзер никогда не смеётся над собой, а шутки в свой адрес воспринимает крайне негативно.
13. «Токсичный» человек всегда обвиняет объект насилия в своих несчастьях и неудачах.
14. Абьюзер никогда не сочувствует.
15. Жертва часто испытывает чувство вины, точнее сказать, абьюзер перекладывает на неё свою ответственность за всё, что происходит с ним.
16. «Токсичные» люди присваивают свою жертву себе и используют такие выражения: «Ты должен...», «Я люблю тебя, но...», «Если ты этого не сделаешь, то я...» или «Ты обязан мне...»
17. В свой адрес жертва получает угрозы и испытывает на себе агрессию.

Справиться с токсичными отношениями очень сложно, и неважно, кто причиняет вам эмоциональную боль: друг, коллега или возлюбленный. Но самым правильным вариантом считается уход от психологического насилия. Необязательно полностью разрывать отношения, иногда достаточно просто ограничить общение.

Лучше держать абьюзера на расстоянии и не впускать его в своё личное пространство. Если вами пытаются манипулировать, важно научиться ставить границы и уверенно говорить нет на просьбы, которые больше похожи на приказы. Или открыто указывать абьюзеру на то, что вас не устраивает в его поведении.

Ирина Цимбалист

**НА ЧТО ИЛИ НА КОГО ЖАЛУЕТЕСЬ?
ИЛИ
СКАЗКА О ТОМ, ПОЧЕМУ В ПОЛИКЛИНИКАХ НЕ ХОЧЕТСЯ
БЫВАТЬ НИ ВРАЧАМ, НИ ПАЦИЕНТАМ**

Скажите, а много ли людей обращаются за медицинской помощью в России? И я не про те случаи, когда человек просыпается с нестерпимой болью и не может пошевелиться, из-за чего, хочешь не хочешь, вызываешь скорую. А о тех, когда сам своими ножками добровольно берёшь и идёшь на приём к врачу. Пожалуй, даже если самостоятельно, то не раньше, чем в момент, когда с болью невозможно мириться, и только тогда, под воздействием постоянных уговоров близких, человек идёт в больницу.

Именно такой человек мой папа. Ездит он на машине, работает пять дней в неделю и, конечно, при желании мог выделить денёк, чтобы посвятить его своему здоровью. Ан нет! Не хочется ему. На работе вечный аврал. И в график хлопотной жизни поход к врачу совсем не вставляется. Даже сейчас, когда пишу, чувствую, как во мне закипает злость: ведь нельзя же так безответственно относиться к своему здоровью, которое в принципе у человека хрупкое. Потому что мы тебе, папа, каждый день рождения желаем ЭТОГО, а ты вот так бесцеремонно распыляешь его в никуда!

А потом вдруг ощущаю укол в глазу. Ну точно — соринка! Хорошо, вовремя заметила. А как тут не заметить. Чувствую себя лет на 20 старше, чем есть. У врача была в последний раз, когда по необходимости пришлось делать флюорографию. Была бы воля, и тогда бы не пошла. Я при желании с локальной болью умею справляться. Но вот зубы... зубы болеть не должны. Поэтому я хочу, чтобы поликлиники продолжали работать и работали как надо. Чтобы на местах сидели профессионалы, которые, пусть даже из-за заработка, но качественно выполняют свои обязанности. Но тогда только заработка хорошего, а не абы как, за копейку. За ту самую, которая рубль бережёт. Увы, и в этом случае не все желают работать как надо. И я их понимаю. Какими бы высокими ни были цели и мечты в начале пути каждого врача, после нескольких лет работы всегда устаёшь...

А ещё мне страшно остаться без зубов. Окажись я на необитаемом острове, может быть, и не переживала бы. Людей нет. Не стыдно. Или на острове зубы были бы ещё нужнее? Даже не знаю... Но пока я остаюсь

частью цивилизации, с красивой улыбкой, я хочу играть по её правилам. Если можно будет эти правила улучшить, то я попытаюсь это сделать.

Не понимаю, знаете, чего? — Когда говорят, что раз в год нужно бывать у стоматолога, офтальмолога, гастроэнтеролога, гинеколога, а там ещё маммологи, эндокринологи и прочие «ологи», которые расскажут о вас много интересного, но к которым, как говорится, целое дело попасть.

Есть у меня одна подруга. В меру ответственная, то есть не сказать, чтобы очень, но она из года в год стабильно проходит нужных врачей: находит время и сидит неделю-две на приёме у всех узких специалистов. А потом по второму кругу, потому что один направил на анализы, другой — на узи, третий — в платную клинику. А она не жалуется и снова идёт к докторам. А я только удивляюсь:

— Вер, ну как же так? Ну вот откуда у тебя время на это все? И хочется тебе сидеть там в поликлинике!

— Надо! Кому, как не мне. Здоровьем заниматься нужно сразу, а не когда «припрёт». Ты потом ещё замучаешься, будешь жалеть, что раньше не пошла. И дела все уже не такими важными казаться будут.

Вот как мудрые люди говорят. Пожалуй, запишусь в ближайшее время к какому-нибудь врачу на приём.

* * *

А хотите, расскажу сказку? Причём, если вы думаете, что раз сказка, значит, лапша на уши, смею вас заверить, что мой рассказ-сказка основан на реальных событиях. Итак, слушайте...

Жила-была девочка Ира, ни хорошая и ни плохая, а обычная. Училась в университете, сказки, которые ей люди рассказывали, не любила. И про белых бычков, и бабьи сказки, в общем, никакие не любила. Однажды она попала в одно королевство. Ходила-ходила Ира по нему, узнавала много нового о людях, которые в этом королевстве живут. И это помогло ей увидеть недостатки, которые она раньше в себе не замечала. Впрочем, обо всём по порядку...

В одно прекрасное утро Ира встала немного позже, чем следовало: когда будильник начал звонить уже в десятый раз, открыла один глаз, прищурившись, нашла телефон и со словами «Да сколько же можно!» отключила надоевшую мелодию. Потом девочка встала, быстрым рывком вскочив с дивана, сбегала вниз на кухню, на ходу, конечно, жалея, что времени на сборы остаётся очень мало. А на кухне мама уже приготовила завтрак и встречает дочь со словами:

— Опять со своими книжками до часу ночи сидела, а теперь встать не можешь. Опоздаешь же!

— Не опоздаю, — нервно отвечала Ира, а сама прекрасно понимала, что мама права. Опоздает, да ещё как опоздает! Ну и что? Люди и не ожидают, что она придёт вовремя. Они, может, и сами опоздают, чтобы её

не ждать. Ну и спрашивается, зачем ей надо ждать кого-то? Она вообще ещё в детстве читала в тётиных журналах, что женщины могут опаздывать, им это гендером разрешено.

Далее, с вашего разрешения, уважаемый читатель, опускаю все дальнейшие промахи, иначе прямо на месте автору придётся сгореть со стыда. По щучьему велению и моему хотению, окажемся в том месте, где Ира прибывает в волшебную страну, вернее, оказывается прямо на её пороге. Называется эта сказочная страна... по сказочному «Наипервейшая клиническая больница из всех возможных»³⁵.

Тяжело вздыхает Ира:

— Ну если надо!

И без всякого труда входит в двери.

В нашем королевстве всё вроде бы, на первый взгляд, неплохо. Но, оказывается, правит этой страной король, окруживший себя своими приспешниками. А сам король настолько усердно работает, что очень сильно устаёт, приходится регулярно отправляться куда-нибудь в тридевятое царство восстанавливать здоровье. Преимущественно фототерапией и соляными ваннами. А бедный народ — простые жители, одетые все как один в белые халаты, в это время не покладая рук трудятся на благо королевства. Но уж больно сильно они устали и хотят что-то поменять.

Ну как? Не слишком завуалированно получилось? Вы же помните: сказка ложь, да в ней намёк.

* * *

«Наипервейшая клиническая больница из всех возможных», когда-то она считалась в городе лучшим медучреждением. Но со временем потеряла свой статус, а сейчас и вовсе просто пытается оставаться на плаву. Когда у двух поликлиник и самой больницы начались проблемы, точно, наверное, никто и не скажет.

Кто-то пеняет на нынешнего министра здравоохранения Сергея Ярошенко. Про него говорят, он человек военный, пришёл на должность со своим уставом и чётким планом. Вот только к любого рода критике нетерпим, а ещё непомерно горд и от помощи в финансировании отказывается. Говорит, что справится сам. И, можно сказать, позиция не плохая, благородная. Если бы не одно но — не справляется! А страдать приходится живым людям.

Другие обвиняют во всех бедах нового главврача больницы. Он у нас в Иркутске новенький. Я о том, что на должность Иван Иванович Кровососов, перешёл из ангарской наипервейшей больницы. В этот момент кто-то из этого славного города злорадно воскликнул: «Радуйтесь, ангарчане,

---

³⁵ Согласно объявленному нами жанру – сказке, далее название учреждений и имена героев вымышленные.

плачете, иркутяне!». «Кажется, этот «кто-то» предвидел, чем обернется данное назначение», — подумаете вы? — Нет! Просто на ангарском интернет-форуме бывшие коллеги нового главного врача подробно описали проблемы, на которые сейчас жалуются уже иркутские врачи, и пожелали Кровососову успехов на новой работе: Good riddance! Счастливое избавление, скатертью, так сказать, дорожка или баба с возу и т. д.

Третьи не забывают упомянуть в связи с назначением нового главного врача губернатора, ныне вышедшего в отставку. «А он-то здесь причём?!» — спросите вы. Дело в том, что Кровососова назначил губернатор... В поликлинике поговаривают, что сделано это было в обход полагающемуся конкурсу. Вот такой тандем.

Отношения «администратор-рядовой работник» предполагают иерархическую структуру со множеством ступенек. И чем выше в иерархии располагается должность, тем лучше у человека, её занимающего, обстановка в кабинете, персональный и личный автомобиль, квартира и, разумеется, зарплата, которая в разы отличается от той, что получают люди ступеньками ниже. Административные должности действительно в значительной степени отличаются от всего остального. И дабы максимально эффективно использовать бюджетные деньги, начальнику приходится формировать (извините за тавтологию) вокруг себя свой круг доверенных лиц. Поэтому зачастую в организациях профессиональные судьбы людей, которые много лет делали карьеру, ломаются, когда приходит новый начальник-метла³⁶ со своей командой, которому, очевидно, всегда некогда выстраивать доверительные отношения со старыми работниками. Вот и оказываются старожилы больниц, образно говоря, за бортом этого огромного корабля. При этом такая вертикальная иерархия выстроена таким образом, что кричи не кричи, тебя всё равно никто не услышит. Поэтому стучатся иркутские медики в закрытые двери, за которыми никого нет...

«А кто же оказался в новой команде главного врача?» — спросите вы. Сплошь ключевые специалисты. Привёл-таки и «посадил рядом с собой»: бухгалтера, экономиста, кадровика, заведующего поликлиникой, даже программистов. От последних взвыли волками врачи, ибо эти самые «программисты», по слухам, бывшие повара и укладчики дорог. Не уживаются «наши» и «ваши» на одной территории.

Медперсонал весьма эмоционально жалуется на проблему с выплатами зарплат. Это послужило своеобразным катализатором, который запустил не только в нашем городе, но и по всей стране лавину забастовок и жалоб персоналов российских больниц на руководство Министерства здравоохранения. К этому моменту разговоры с людьми ожидаемо и закономерно «скатываются на президента». Люди обычно психуют, когда говорят о Путине. А что Путин? Президент проводит заседания, где

³⁶ Начальник-метла — неологизм от пословицы «Новая метла всегда по-новому метёт!»

строгим наставническим тоном советует депутатам и высокопоставленным чиновникам исправляться. Например, некоторое время назад состоялось заседание президиума госсовета по задачам здравоохранения в Светлогорске. Там президент говорил о том, что уже несколько раз «вливались» большие суммы в отечественное здравоохранение. Но, говоря медицинским языком, инъекция не произвела должного терапевтического эффекта: деньги, как снег в июне, растворялись где-то на муниципальном уровне. Постепенно президент собирается менять структуру исполнительной власти, пытаясь сократить тотальное воровство бюджетных денег. Ведь глава правительства регулярно говорит о повышении зарплат для медиков, местные чиновники согласно кивают головой. Мол, будет, Владимир Владимирович, как скажете! Но дальше происходит что-то неладное, сказочно непредсказуемое. И на длинном пути от Москвы до окраин деньги таинственным образом исчезают.

По данным, которые были представлены Ярошенко в конце октября, в первом полугодии 2019 года средняя зарплата врачей составила почти 78 тысяч, среднего медперсонала — 39, младшего — почти 38. Врачи на эти цифры округляют глаза. Не все, но большинство. И многие работают на 1,5–2 ставки, как раз получая деньги, необходимые для достойной жизни. Возникает вопрос, если заработать эти деньги врач всё-таки может, способен ли он при такой физической нагрузке оказывать качественные медицинские услуги? Разумеется, для любого здравомыслящего человека данный вопрос является риторическим...

Конечно, вопрос со средними зарплатами всегда был спорным. По этому поводу можно вспомнить старый анекдот про среднюю температуру у пациентов в больнице, который лучше представить в виде решения простой логической задачи: «У Вани 10 яблок, а у Пети 0. Значит, в среднем у них по 5 яблок!» Спорить с тем, что в регионе есть специалисты, получающие неплохую зарплату, было бы наивно. Но и утверждать, что все при этом живут хорошо, по-моему, просто глупо.

Кстати, ещё раз о средних зарплатах. Сколько при этом в нашей стране получает главный врач? Портал «Работа в России» называет цифру в среднем 70 000–100 000 рублей. Однако декларация о доходах иркутских депутатов доказывает, что статистике необязательно верить. Коллеги из «Бабра» приводят данные о доходах Кровососова за 2018 год: 357 000 рублей. «И откуда у вас, Ваня, такое богатство?» (Babr24.com)

Большой конфуз вышел с премиями, которые президент пообещал выплатить к профессиональным праздникам. «Губернаторскую премию» в размере 10 000 рублей выплатили. Все были довольны, потому что, как показывает жизненный опыт, лишними эти деньги не бывают. И конечно, отказываться от них никто не стал бы. Но, кажется, у людей забыли спросить про их мнение, и позже работники не досчитались стимулирующих выплат. Судя по всему, Кровососов оправдывает это

большим долгом, который остался у больницы от старого руководства и на погашение, которого теперь нужны деньги.

И таких парадоксов в этой истории немало. Например, статисты и операторы под понятие «медицинский работник» изначально не попадали, стало быть, и никаких премий им не полагалось. Для других была проведена известная уже давно практика перевода санитарок в уборщицы. Ведь в таком случае они тоже не попадают под президентские указы. А потом руководство пошло ещё дальше и в целях экономии отказалось от уборщиц в поликлинике. И уборкой теперь занимается клининговая компания. Ещё одна жалоба от персонала поликлиники экспрессивно проговаривается вслух: «Да они не справляются! Вдвоём всё здание моют и, конечно, плохо».

А экономить решили по возможности на всём. Не хватает медицинских препаратов, в пищеблоке (и название звучит неприятно) подают отвратительную еду, регистраторов и другой обслуживающий персонал начали сокращать. Пока что в шутку предлагают брать и офисную, и туалетную бумагу с пациентов. Там русский дух, там Русью пахнет.

Конфликт «врач-руководство» набирает обороты. Большая текучка кадров приводит к дефициту работников. Как следствие, врачи вынуждены работать больше. Кстати, на этот фактор влияет ещё и то, что район быстро застраивается. За последнее время в округе было построено большое количество многоэтажек. И учреждение просто не может обеспечить полноценную помощь пациентам. Как только открывается запись к какому-нибудь врачу, собирается огромная очередь, заполняющая весь вестибюль и постепенно вытекающая змейкой на улицу. Змея, обвивающая ножку чаши на эмблеме, и змейки-очереди в коридорах. Вот оно что! Люди, с которыми я разговаривала, говорят так: «Два раза в месяц, когда открывают запись, не протолкнутся уже с восьми утра». И продолжают в Интернете появляться видео, смешающие тех людей, которые поликлиники не жалуют и предпочитают лечиться домашними средствами, и ужасающие для тех, кому как раз надо попасть на приём к врачу.

А что с этим всем делать? Для начала поменять отношение. Ведь медицинские работники единодушны в том, что их не хотят слышать. Ими и пациентами пишутся и подаются жалобы в высшие инстанции. Только на них не отвечают, в лучшем случае чиновники приходят для личной беседы, но, как правило, не находят руководства на месте. А это означает, что со временем ситуация будет только ухудшаться...

Специалисты будут продолжать уходить из больниц и поликлиник в «частные лавочки». Там и зарплата больше, и условия лучше. Такой расклад безоговорочно приведёт к ухудшению качества медицинского обслуживания в «государевых медицинских учреждениях». Что, собственно, уже происходит. Врачи, работая по несколько смен, приходят домой выжатые и измотанные. Ни один врач, находясь в таком психофизическом состоянии, не будет заниматься чтением научных статей.

У них на это просто не останется времени и физических ресурсов! Это, в свою очередь, означает, что мы не узнаем о новых методах лечения и современных препаратах и будем всё так же топтаться на месте. Я предлагаю не ждать пассивно изменений, а пробовать менять ситуацию.

Жалобами, оценками. В том числе в вопросе местного самоуправления, иначе деньги всё так же будут пропадать. С проблемой нужно бороться «на корню», а не прятать голову в песок. Да, не любим мы реформы — не любим. Но надо...

Все мы что-нибудь коллекционируем. Кто-то знания и прочитанные книги, кто-то непрочитанные, но в красивых обложках и с громкими названиями, кто-то юбилейные десятки, заграничные деньги или открытки, рубашки в клетку или цветы на подоконнике. Но есть одна коллекция, общая для всех, — коллекция болезней. Хотелось бы, чтобы от неё люди начинали уже избавляться. Но не у гомеопатов и прочих знахарей. А у нормальных, хороших, квалифицированных врачей. Это реальная проблема, которая требует немедленного решения. А из-за ситуации с поликлиниками и больницами — первичным звеном, в котором и вызревает эта проблема, люди не идут лечиться, не хотят, боятся. И часто теряют время. А его вспять, как в сказке, повернуть уже никто не сможет. Когда я взялась придумывать волшебную историю, конечно, верила в счастливый конец. И сейчас в него верю и считаю, что чудо должно произойти. Потому что нет таких чудес, которые мы бы не смогли реализовать вместе.

Наталья Хмелёва

УЛИЧНАЯ МОДА

Рождение streetwear

Слово streetwear за последние пару лет цепко закрепилось в лексиконе модников во всём мире. Переводится как «уличная мода», «стиль улиц», «уличный стиль». В российском обиходе оно прижилось как «стритвир» - околоспортивный стиль. Термин этот явно вдохновлён субкультурами американских мегаполисов, то есть ранними поклонниками хип-хопа, граффитчиками, скейтерами и другими обитателями иноземных улиц.

Зародился streetwear в конце 1970 – начале 1980 годов в Лос-Анджелесе. Всё началось с того, что местный дизайнер Шон Стусси, который готовил доски для серфинга для различных брендов, начал собственный бизнес. Он захотел придать своим доскам уникальный и запоминающийся вид, разработал графику с отсылками к бунтарству и дополнил её своей подписью.

Позже Шон Стусси выпустил линию одежды, на которую был нанесён тот же рисунок, что и на доски для серфинга. Он продавал кепки, шорты, футболки с логотипом Stüssy из кузова собственного автомобиля, но их популярность так возросла, что вещи бренда стали продаваться по всей территории США.

Стусси стремился создать культурную идентичность бренда, такую же сильную, как у люксовых марок. Хип-хоп был одним из важнейших ориентиров, так появлялись предметы, подобные куртке M-56, бомберам или широким джинсам, всему тому, что носили рэперы городских улиц.

В дальнейшем Стусси предложил Джеймсу Джеббия, владельцу нью-йоркского магазина в центре города под названием Union, где продавался бренд Stüssy, открыть первый в Нью-Йорке флагманский магазин на Принс-стрит. Спустя три года Джеббия ушёл, чтобы открыть свой собственный магазин для скейтеров — Supreme.

Следующие 10 лет были ростом для Supreme. Бренд специализировался на непринуждённой спортивной одежде в американском стиле — майки, чиносы, камуфляжные жилетки, кроссовки с логотипами. Чуть позже Джеббия познакомился с певцом и продюсером Фарреллом Уильямсом, который стал его «пропуском» в американский хип-хоп. Рэперы стали упоминать марку в своих треках и носить её вещи в клипах.

Сегодня Supreme является королём streetwear, он привлекает даже тех, кто не принадлежит какой-либо уличной субкультуре. Заставляет следить за новыми релизами с таким же нетерпением, как ждут новых треков от хип-хоп-артистов. В Нью-Йорке люди готовы стоять по несколько часов, а то и больше, в очередях, чтобы ухватить что-либо из новой коллекции.

Доминирующим стилем музыки является хип-хоп. Важная часть этой культуры — одежда. Хип-хоп и культура вокруг него идеально подходят для маркетинговых воздействий со стороны брендов одежды.

Новая роскошь

Сейчас модные бренды высокого класса готовы вкладываться в одежду стиля streetwear для привлечения молодых покупателей. Для нового поколения бренд Supreme имеет такую же популярность, как Louis Vuitton для предыдущих поколений. Louis Vuitton заключает партнёрство и выпускает совместную с Supreme? коллекцию, а Burberry

стали сотрудничать с российским дизайнером уличной одежды Гошей Рубчинским.

Предметы streetwear не обязательно должны быть дорогими, чтобы стать желанными, но зачастую довольно дороги. Важным является, что эти предметы одежды редки и говорят об уникальности, индивидуальности, смелости стиля.

Сегодня streetwear — это удобная городская одежда, определённый стиль жизни. Она позволяет чувствовать себя за городом с друзьями в той же одежде, в которой ходишь на работу. Чувствовать себя комфортно и удобно в любимой футболке или любимых кроссовках, которые носишь уже второй сезон.

Годный STREETWEAR в Иркутске

Радует тот факт, что сегодня можно найти в магазинах уличных брендов не только зарубежные марки, но и наши отечественные. Новые амбициозные молодые российские бренды составляют конкуренцию и альтернативу зарубежным. На данный момент в Иркутске четыре магазина с уличными брендами.

Сегодня на улицах Иркутска можно заметить людей различных возрастов, которые идут «в шаг с модой». Уличная мода нашего города — это уверенный и свободный стиль людей, которые готовы на всевозможные эксперименты и имеют неподражаемое чувство вкуса. Важно отметить, что одежда на улицах Иркутска является одним из многих

способов самовыражения. И внешний образ — это отражение внутреннего стиля.

Мода бегает по кругу и каждый раз дополняет себя новыми смыслами. Вот и сейчас цикличность проявляет себя, и в уличный стиль вернулась мода 90-х. На улицах нашего города можно заметить модников в «кислотных» нарядах рейвов начала 90-х. Брюки плюс джинсовая куртка — такой образ вполне себе смотрится и на мужчинах, и на женщинах. Торчащие нитки, дыры вновь одобряются в одежде любого типа. Мужской глаз, без сомнения, порадует возвращение в женский гардероб коротких топов, которые открывают живот или плечи, хотя чаще всего можно заметить женский пол в оверсайз-балахонах. Данным термином называют предметы верхней одежды на несколько размеров больше нужного. Молодые люди носят кроссовки даже зимой, а ещё, вдобавок, выпячивают носки напоказ и надевают короткие штаны, вот это сильно удивляет тех, кто не разбирается в новых трендах. Если честно, то это холодно, но мода, как говорится, требует жертв.

Всё модное, стильное и актуальное из уличной моды можно найти в двух магазинах Иркутска под названием CALIFORNIA и INDEPENDENT.

Среди ассортимента этих двух магазинов можно найти всё необходимое для повседневного городского гардероба: ветровки, аноракки, зимние парки, свитшоты, штаны, футболки, лонгсливы, худи, кроссовки, сумки, рюкзаки, шапки, кепки и многое другое.

CALIFORNIA и INDEPENDENT — это всегда оперативная обратная связь, безотказная помощь в возникновении любых вопросов, адекватное решение проблем (оперативный обмен не подошедшей по размеру вещи например). Такую работоспособность можно ставить в пример многим компаниям.

Также продукция этих магазинов представлена в социальных сетях Вконтакте и Инстаграм.

Сегодня streetwear — это не просто магазины, где можно приобрести одежду. Как ночные клубы, концертные площадки, скейт-парки и футбольные стадионы, — это место, которое даёт человеку

возможность ощутить себя частью чего-то большого, интересного, значимого и почувствовать себя индивидуальностью. И неважен твой возраст, твоя сфера деятельности, — все вовлечены в это. И это здорово.

Стритвир — это мейнстрим. И это очень даже неплохо.

На данный момент повторение 90-х может стать достаточно интересным временем не только для индустрии моды. Сейчас, как никогда, стали заметны перемены в сознании молодёжи, их идеологии и общем отношении к происходящему в мире.

Сергей Новолоцкий

ДИЗАЙН ПРИНТА, или Психология создания образа

С грустью замечаю, как молодёжь травит себя различной «химической»³⁷ гадостью: алкоголем, сигаретами, наркотиками... Конечно, для общества это не новость. И я об этом знал, как и все, но воспринимал до поры до времени как-то абстрактно, потому что меня это лично не касалось. Но когда я столкнулся с этим непосредственно в своей жизни через своих друзей и знакомых, то был в ступоре...

Оказалось, что большинство из зависимых таким образом людей травит себя нарочно, то есть сознательно. Некоторые из них объединяются в группы (кластеры) и пытаются под свою зависимость подвести некие философские основания. Например, сейчас на улице всё чаще встречаются грустные юноши. Своё депрессивное настроение многие из них специально, как они выражаются, накручивают «нерешаемыми» проблемами. Но на самом деле попросту не хотят их решать, закрывая глаза пеленой наркотического дурмана или алкогольного угара. Такая их жизненная позиция связана с модным ныне движением «сэд боев» («грустных мальчиков»), а также подражанием новым рэперам, которые говорят в своих песнях о наркотических «трипах», при этом забывая уточнить, что это плохо для здоровья как человека, так и, образно говоря, общества.

С 16 лет я занимаюсь дизайном одежды, но, к сожалению, не самим пошивом, а лишь её оформлением, создаю принты (изображения, которые наносятся на одежду). Идеи черпаю как раз из проблем молодёжи. Можно сказать, меня вдохновляют чужие проблемы.

Процесс создания принта может занять как минуту, так и месяц или больше. Всё зависит от настроения. Иногда мне в голову сами приходят образы, а я их быстро выплёскиваю на бумагу, чтобы не забыть. А иногда сажусь за ноутбук, подключаю графический планшет и начинаю что-то рисовать, не зная, что в итоге выйдет.

Не так давно я начал играть со словами, искажать форму, заключать их в разные фигуры.

Расскажу поподробнее о создании своего последнего принта (изображение будет в документе). В этот раз я заранее знал, что нужно сделать. Это было несколько дней назад. В тот день на меня свалились проблемы моих знакомых. Одновременно они начали мне писать и погружать в них, чтобы я их поддержал. Особенно меня зацепил мой приятель, точнее, расстроил. Он рассказал, что начал принимать

---

³⁷ «Химической» — перечисленные вещества относятся к тем, которые вызывают, говоря языком специалистов, у человека химическую зависимость (прим. Редакции)

запрещённые вещества из-за пустяков, как мне кажется. Пообщавшись с ним, я понял, что он их принимает, чтобы скрасить серость улиц и своего настроения.

Тут мне и пришёл образ будущего принта в голову. После разговора я сел за ноутбук, включил графический редактор, написал слово depression («депрессия») и начал играть с ним. Походу этой игры появилась идея объединить это слово с «веселящими» веществами. Форму выбрал улыбающегося смайлика, где его контур — повторяющееся трижды слово depression, улыбку заключил с помощью деформации этого слова, а глаза выразил в виде запрещённых веществ, а именно в пилюлях.

К слову, я обучился технике шелкографии года два назад и могу печатать свои образы на вещах в любое время. Этому принту я дал название — depressionismydrug. С названием решил поиграть. Его можно прочесть как «депрессия — мой наркотик», так и «депрессия — мой друг». Он ещё не был задействован в печати. Нужно понять, всё ли меня устраивает в нём и как он начнёт влиять на меня.

Безымянный принт

Общаясь с людьми, замечаешь, что в основном они закрыты, скованны. К каждому нужно подбирать свой определённый «ключ», чтобы человек открылся тебе. Правда, не всегда удаётся это сделать.

Каждый раз, когда я с кем-либо знакомлюсь, то всегда хочу узнать человека поближе. Часто замечаю, что юноши закрыты в себе, некоторые специально закрываются, чтобы привлечь внимание. Звучит странно: «Закрываются, чтобы привлечь внимание», — но это так. Сейчас какая-то проблема с молодыми людьми: то выдумывают проблемы, то закрываются в себе просто для образа.

Смотря на всё это, я создал новый образ, новый принт. Названия пока что нет, оно, думаю, необязательно. Пару лет назад я делал футболки, кофты, сумки и даже носки с надписью — «куріннявбиваєслабких». Надпись на украинском языке, потому что мне нравится, как это звучит, да и к Украине я имею отношение.

«Курение убивает слабых». Как я считаю, человека убивает не содержимое сигарет, не яды, а он сам. Человек сам себе яд. Если человек слабеет, то он умирает. Конечно, не в физическом смысле. Вообще человек может умереть дважды, первый раз — духовно, второй — физически.

Описание принта: спереди находится надпись в столбик — «куріння вбиває слабких». Эта надпись — внешняя оболочка человека. Сзади тоже находится надпись, но что написано, совершенно непонятно.

Как и внутренний мир человека непонятен с первого знакомства. Итак, чтобы это сделать, я взял шрифт Deathcore, который не читается с первого раза, и перевёл его на кириллицу. Написал им ту же самую надпись — «куріння вбиває слабких».

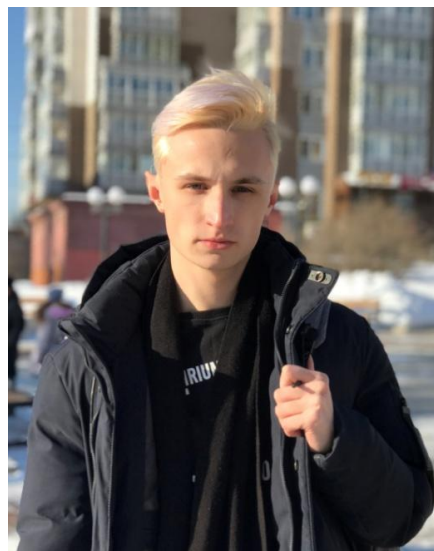
Так я показываю любого человека. Абсолютно непонятно, что у него там творится внутри. Но когда вы состоите в близких отношениях, то всё становится ясно.

Этим принтом я хочу сказать, чтобы люди чаще открывались друг другу.

Никита Майоров

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ ПО ИМЕНИ МУЗЫКА

Человек — удивительное создание. Он может придумывать и давать жизнь совершенно разным вещам, во благо или во вред себе или окружающим. Но я считаю, что одно из самых выдающихся умений людей — это создание музыки. Вся наша история пронизана звуками от самых древних времён до современности. Наверное, нет такого человека, который никогда не любил бы слушать музыку или просто не слышал её. Она звучит отовсюду, зачастую мы просто не замечаем её, хотя то и дело непроизвольно напеваем вслух или про себя какую-то мелодию.

В истории человечества много выдающихся композиторов, которых принято называть классиками: Моцарт, Бетховен, Шопен, Рахманинов и др. Они в своё время покорили слушателей талантом сочинения музыки. Немало и сегодня в обществе профессиональных композиторов, умеющих производить хорошее впечатление на любителей музыки. Также не стоит забывать и про тех, кто пишет музыку у себя дома, даже пусть её почти никто не слышит, но сам факт существования такой потребности у личности свидетельствует о том, что человечество художественно-творчески развивается и не стоит на месте.

Лично меня музыка покорила ещё в детстве. Всегда было интересно наблюдать в детском саду, как воспитательница ловко нажимает на клавиши и не одним пальцем, а целой кистью. Уже в начальных классах мне пришла в голову идея — научиться самому играть на фортепиано. Так я поступил в музыкальную школу. Но прошло всего около двух лет, и энтузиазм пропал... Показалось, что в жизни моё умение играть на инструменте мне не пригодится, поэтому не стоит тратить время впустую... Конечно, тогда, маленький, я не понимал, что музыка всё равно меня не отпустит. Так и произошло. Сегодня я вернулся к музыке и, думаю, что уже не смогу жить без неё.

Почему музыканты, писатели и художники в каком-то смысле странные люди? Ответ на поверхности — это творческие люди, уделяющие много времени своему увлечению, которое постепенно становится смыслом их жизни. И если один раз они это сделали, то это на всю жизнь.

Я не музыкант, но испытываю нечто подобное тому, что чувствует создающий музыку человек. Уже не могу представить себя без

фортепиано, не могу подумать о том, что можно прожить жизнь и больше никогда не возвращаться к музыке. Потому что она звучит во мне...

Я сам словно музыкальный инструмент, который создан для того, чтобы воспроизводить звуки. Если этого не происходит, я просто существую, мне кажется, что я как-то «бесхозно» стою на месте, не приношу радости самому себе и окружающим меня людям. И я не один такой. Как бы мне хотелось, чтобы в нашем современном мире было как можно больше людей, которые могут по-настоящему раскрыть свою душу, заниматься любимым делом и просто проживать жизнь так, как им хочется.

Людвиг ван Бетховен сказал: «Музыка должна высекать огонь из людских сердец». И я полностью поддерживаю эти слова. А ещё это «искусство печалить и радовать без причины» (Тадеуш Котарбиньский).

Также наукой и многовековой практикой жизнедеятельности человека доказаны полезные свойства музыки: она делает мышление человека более гибким, эмоциональным, грустная музыка поднимает настроение, музыка помогает при физических нагрузках и так далее. Это доказывает целое направление в современной психологии именуемое арт-терапией³⁸, которое базируется на коррекции психофизического состояния человека с помощью, прежде всего, музыки. Музыка с древнейших времён была психологическим инструментарием релаксации³⁹, аутогенных тренировок⁴⁰, медитации⁴¹. Для меня лично, музыка - настоящий дополнительный источник жизни...

---

³⁸ Арт-терапия -(от англ. *art* — «искусство» + терапия) — направление в психотерапии и психологической коррекции, основанное на применении для терапии искусства и творчества. В узком смысле слова под арт-терапией обычно подразумевается терапия изобразительным творчеством, имеющая целью воздействие на психоэмоциональное состояние пациента

³⁹ Релаксация -(от лат. *relaxatio* «ослабление, расслабление») — снижение тонуса скелетной мускулатуры. Релаксация может быть достигнута в результате применения специальных психофизиологических техник, физиотерапии и лекарственных препаратов. Считается, что релаксация способствует снятию психического напряжения, из-за чего она широко применяется в психотерапии, при гипнозе и самогипнозе, в йоге и во многих других оздоровительных системах

⁴⁰ Аутогенная тренировка -(от др.-греч. αὐτός — «сам», γένος — «происхождение») — психотерапевтическая методика, направленная на восстановление динамического равновесия гомеостатических механизмов человеческого организма, нарушенных в результате стресса.

⁴¹ Медитация - (от лат. *meditatio* — «размышление») — ряд психических упражнений, используемых в составе духовно-религиозной или оздоровительной практики, или же особое психическое состояние, возникающее в результате этих упражнений (или в силу иных причин). Медитация может рассматриваться как вид созерцания (лат. *contemplatio*).

Валерия Кухтачёва

КИНО И МУЗЫКА: МЕШАТЬ, НО НЕ ВЗБАЛТЫВАТЬ!

Музыка жила всегда. А когда появился человек, она органично вошла в его жизнь, став её неотъемлемой частью. Она звучит в театре, кино, сериалах. Даже книги играют свою мелодию, исполняя её дуэтом с нашим воображением. Если ты заядлый кино- и сериалофил, фантазия играет на струнах души и со скоростью звука строит причудливо звучащие миры. Музыка и кино существуют неотделимо друг от друга с тех пор, когда человек придумал звуковое кино. Но и во времена, когда фразы, произносимые героями, писались в виде титров, в зале сидел тапёр — человек, играющий на рояле, благодаря которому музыка всё равно «оживляла» кадры немого фильма.

«Заглавную песню» кинофильма «Москва слезам не верит» любой русскоговорящий человек узнает с первых аккордов. Свои звуковые визитные карточки есть в таких фильмах, как «Иван Васильевич меняет профессию», «Ирония судьбы, или С лёгким паром». Даже когда мы не видим фильма, песни, звучащие в нём, способны воскрешать в нашей памяти образы любимых героев, их крылатые фразы, наиболее яркие эпизоды. Причём эта воскрешающая нашу душу музыка, может иметь разные эмоциональные и смысловые оттенки: шуточные, ироничные, романтические, сентиментальные, героические, патриотические... Такое музыкальное сопровождение фильмов — органичное продолжение, развитие тех идей, которые вкладывают в них режиссёры, операторы и актёры кино. Оно помогает лучше понять, о чём хотел зрителям сказать творческий коллектив.

А в некоторых фильмах, напротив, нет внешне ничего примечательного, они пресные и скучные, но вдруг там начинает звучать задорная песня в исполнении инди-группы или знаменитой певицы! В этот момент фильм озаряется яркими красками и песня, мелодия превращается в главного его героя. Некоторое время спустя ты не можешь вспомнить персонажей и сюжет, но музыка, музыка... В тебе звучит: «Если друг оказался вдруг // И не друг и не враг, а так...» Или: «Я поля влюблённым постелю...» Загипнотизированный мелодией и словами, ты, помимо своей воли, напеваешь такую песню в душе, «мурлыкаешь» себе под нос на прогулке. Она является к тебе в виде особого настроения за обедом. Она везде рядом с тобой. Она в тебе.

О волшебной силе музыки хорошо знают режиссёры. Самая распространённая ошибка создателей фильмов — это «впустить» в своё творение много музыки. Да, как бы это ни звучало, но нагромождение или отсутствие треков портит весь кинофильм, в простонародье — картину.

Для примера вспомните, как это было в фильме «Отряд самоубийц»⁴². Отсутствие музыки или пренебрежение ею очень негативно сказывается на качестве. Здесь в пример лучше всего привести фильмы: «Терминатор: Да придёт спаситель»⁴³ или «Макс Пэйн»⁴⁴ (именно фильм, в компьютерной игре звучит одна из лучших композиций десятилетия). Вспомнили? — Правильно, вспоминать там нечего. А ведь правильная музыка могла помочь этим фильмам, но, увы, на ней решили сэкономить...

Иногда музыка является едва ли не самым запоминающимся звеном фильма. Так в криминальной комедии «Двенадцать друзей Оушена»⁴⁵ самый запоминающийся момент (с проходом Франсуа Тулура через лазерные лучи) стал таковым во многом благодаря мелодии из саундтрека — *Nikkfurie de La Caution — The A La Menthe*.

Многие ужастики и триллеры ещё больше «растягивают» наши нервы напряжённой, порой режущей уши музыкой. Барабанная дробь часто предсказывает появление приведения или маньяка из-за стены. Крутая рок-музыка в конце боевика как бы намекает, что враги повержены, а главный персонаж — герой. А вот ласково-медленные мотивы мелодрам заставляют слёзные железы работать ещё интенсивнее. Часто именно музыка становится главным плюсом картины. И актёры не очень, и сценарий так себе, и такое чувство, что режиссёр только колледж окончил, а фильм нравится.

Часто и ранее неизвестные коллективы, и певцы становились популярными после работы в известной картине. У каждого всемирно известного режиссёра свои предпочтения в музыке. Услышав только заглавную песню, можно догадаться, чьих рук это творение. Взять только таких режиссёров, как Квентин Тарантино и Эмир Кустурица. Саундтреки к их фильмам уникальны.

Музыка может служить визитной карточкой кинофраншизы, персонажа фильма или даже целого жанра. Услышав *Adam Clayton Theme From Mission Impossible*, мы уже предвкушаем умопомрачительные трюки Итана Ханта. Наверняка в приквеле киберпанка «Матрица» заиграет песня

⁴² Отряд самоубийц (Suicide Squad) Производство: Канада, США, 2016 Жанр: Фантастика, боевик. Режиссер: Дэвид Эйр. В ролях: Уилл Смит, Марго Робби, Скотт Иствуд, Кара Делевинь, Виола Дэвис, Джай Кортни, Бен Аффлек, Юэль Киннаман, Адевале

⁴³ «Терминатор: Да придёт спаситель» (англ. *Terminator Salvation* — «Терминатор: Спасение») — фантастический боевик режиссёра Мак Джи. Четвёртый кинофильм из серии «Терминатор» и первый, в котором основное действие разворачивается во времена войны с машинами. На экраны вышел 21 мая 2009 года Главные роли исполнили Кристиан Бейл и Сэм Уортингтон.

⁴⁴ «Макс Пэйн» — триллер режиссёра Джона Мура, являющийся адаптацией игры Max Payne. Представляет собой фильм в стиле «нуар», полный пессимизма, отсутствия тяги к жизни, обречённости и растворения души в ожидании конца.

⁴⁵ «Двенадцать друзей Оушена» — комедийный фильм-ограбление 2004 года режиссёра Стивена Содерберга. Продолжение «11 друзей Оушена», в свою очередь являющегося ремейком одноимённой картины 1960 года. Фильм, как и остальные части франшизы, примечателен актёрским составом, вобравшим в себя плеяду звёзд мировой величины: Бред Питт, Джордж Клуни, Джулия Робертс, Мэтт Деймон и др.

Propellerheads «*Spybreak!*», и наша память заставит верить в лучшее и ждать таких же крутых боёв, как и в трилогии о Нео. Дарт Вейдер упорно ассоциируется с «Имперским маршем», а Тони Старк с AC/DC. А вот жанр кунг-фу фильмов гонконгского производства 80-90-х годов у некоторых ассоциируется с мелодией из саундтрека *Once Upon A Time In China Them*.

Многие создатели фильмов для обстановки используют диссонанс картинки и звука. Например, Стэнли Кубрик в своей картине «Заводной апельсин» использовал музыку Моцарта. Классика ещё резче смогла показать всю жестокость, о которой повествуется в фильме. В романтических фильмах может играть рок или панк, а в комедиях - грустная музыка.

Мы запоминаем начало фильма лишь благодаря музыкальной теме, она задаёт ритм повествования, «въедается» в мозги, и ты целыми днями напеваешь мотив чужестранки, прекрасные и завораживающие мотивы шотландских волынок или озорную музыку шпионских боевиков.

Примеров великое множество, сложно описать, как что-то в сердце и мозгу ёкает, когда ты слышишь первые аккорды песни.

Если кино — это магия, то музыка — это волшебная палочка, без которой, как известно любому начинающему волшебнику Хогвартса, особо не поколдуешь.

Татьяна Мальцева

МОНОЛОГ СТАРОГО ДОМА

Как удивительно изменился мир. Как будто вчера здесь были совсем иные люди, порядки, законы. Я был тогда совсем молод. Дощечка к дощечке, брёвнышко к брёвнышку складывали меня строители. Такие румяные, поджарые пареньки. Как они старались. Я, помнится, был самым первым в этом районе. Вокруг было совсем пустынно и одиноко. Но это, к счастью, продолжалось недолго. Вокруг меня строились новые дома, внешне мы были похожи, но каждый из нас был по-своему уникален. В каждого люди вложили частичку души.

Я даже моргнуть не успел, как в меня стали заезжать жильцы: большие семьи, молодые семейные пары, не богатые и не бедные, все были равны. Все они любили меня, хорошо прогревали холодной зимой, а знойным летом давали сделать глоток воздуха через открытые форточки. Во мне регулярно делали уборку. Тщательно мыли квартиры и подъезд. Иногда в подвале заводились мыши и неприятно щекотали меня по ночам. Чтобы защитить меня, хозяева оставляли в подвале мышеловки.

Шли годы. Хозяева менялись. С каждым днём всё больше нуждался я в ремонте. Однако новые жильцы в основном не обращали на меня

внимания. Всё чаще и чаще про меня стали забывать. Не хотели мыть, обновлять краску на оконных рамах, утеплять дыры в стенах. Одна бабушка Варя продолжала любить меня. Раз в неделю она вычищала не только свою квартиру, но и весь подъезд. А может, делала она это не ради меня. Кто ж теперь разберёт.

Молодые семьи во мне долго не задерживались. Я, бывало, ненароком подслушивал их разговоры. «Да, скоро переедем в новый дом», «Видела, Тоня, какие сейчас дома строят – высокие-е-е, кирпичные», «И что нам вечно в этой деревяшке жить, что мы, нищие что ли?». Я долго не придавал этим фразам значения. Но когда мои квартиры стали быстро пустеть, я задумался, что это за «новые дома»? Неужели они лучше меня? У меня появилась новая мечта — увидеть своих сородичей из кирпича и бетона. И как ни прискорбно, этой необдуманной мечте суждено было сбыться.

Один раз я проснулся рано утром от сильного шума. Приоткрыв глаза, увидел невероятное: огромные машины стояли через дорогу. Всё гудело вокруг, толклись люди в одинаковой грязной одежде и странных головных уборах. Без чьей-либо подсказки я понял — началась стройка.

Уже и не помню, сколько времени прошло, прежде чем напротив меня возвысился новый пятиэтажный кирпичный сосед. Почти сразу после окончания постройки в него стали заселяться люди. Много людей. Казалось, что жизнь вновь кипит вокруг меня. Но, думая так, я лишь обманывал себя. Внутри меня по-прежнему было пусто. А однажды случилось ужасное. Меня должны были снести. Первой об это узнала бабушка Варя, старая хранительница очага. В тот день вернулась она домой позже обычного, тихонько открыла дверь, села на ступеньку подъезда и говорит: «Сносить они собрались. А где ж мы теперь жить-то будем? Куда деваться? В новые дома переезжать непривычно, да как там будем. Ох, а вот бы в нашем доме ремонт сделали, вместо того чтобы архитектурное наследие разрушать. Этот дом есть целая история. Должны знать наши внуки, в каких домах их старики жили».

Целую неделю я жил в ожидании. Это было самое страшное чувство в моей жизни. Ожидание конца. Но, к нашей с бабушкой Варей радости, миновала нас эта беда. Передумали сносить: «Нет необходимости. А реконструировать тоже не будем — невыгодно!»

А вы знали, что одно только слово «невыгодно» обладает немислимой силой. Оно одно лишило настоящей жизни не только меня, но и многие другие деревянные дома. Посмотрите на нас сейчас: разве это можно назвать жизнью? Мы просто существуем, тихо доживаем свой век, пока окончательно не рухнем...

МОНОЛОГ НОВОГО ДОМА

Ох, этот убогий пейзаж... Изю дня в день мне приходится смотреть на эту старую иссохшую постройку. С высоты моего пятнадцатого этажа эта деревяшка выглядит совсем убогой: развалилось крыльцо, облупилась краска, да и сама она заметно покосилась набок. Вот ещё жильцы теперь жалуются. Им красивый вид из окна подавай. А тут что? — развалюха какая-то. Жильцы того дома тоже жаловались... Долго составляли петиции, с каждой квартиры собирали подписи. Мол, света белого видно не стало из-за нового высотного дома, даже луч солнца не пробивается теперь к ним в окна, и утром, и вечером в тени живут. Только всё без толку, меня всё равно достроили, да ещё каким огромным. Во мне ровно пятнадцать этажей, пять подъездов и триста квартир. Есть чем гордиться!

Если вы меня спросите: «А сколько лет этому дому напротив?» — Я отвечу: «И представить страшно!» Лично меня здесь выстроили три года назад. Тогда мой деревянный сосед уже был здесь и выглядел ничуть не лучше, чем сейчас. От кирпичного дома я узнал только, что десять лет назад старик уже уходил под землю и нуждался в ремонте.

И почему его не снесут? Кому он нужен? Одним только старикам, доживающим свой век и не желающим под старость лет переезжать на новое место. Когда думаю об этом, всегда становится горько. Ведь старики эти ни в чём не виноваты. Сколько воспоминаний связывает их со своим жилищем, сколько сил они вложили в создание уюта и благоустройство. А теперь их жизнь никого не волнует. Новое поколение, думая лишь о себе, стремится строить новые современные дома, забывая о старом архитектурном наследии.

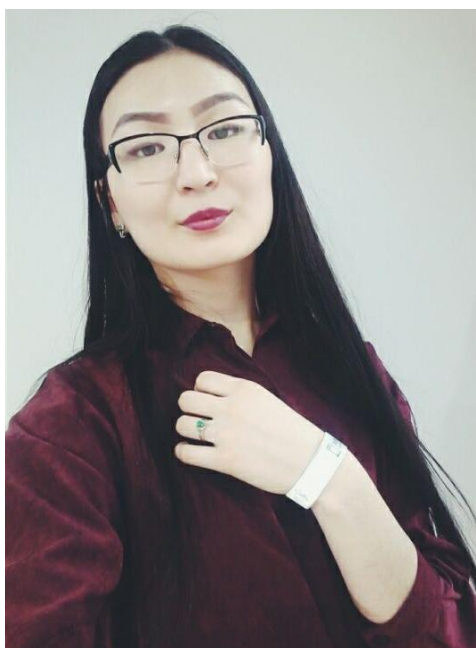
Но не мне по этому поводу горевать. Я, слава Богу, от жильцов отбою не знаю. Моют меня раз в неделю сверху донизу. Двери подъездов с магнитными ключами, посторонние в меня не заходят. Лифт во мне есть, и канализационные трубы новейшие. Каждое утро тёплое солнце ласкает меня своими лучами. Не жизнь — сказка.

Виктория Шикueva

ХРУПКИЙ И ТОНЕНЬКИЙ МАЭСТРО

Летом мы неоднократно встречали молодого человека в инвалидном кресле и с флейтой в руках на улицах нашего города. Мне недавно удалось узнать его поближе.

Илье Копейкину (так звать паренька) двадцать лет. Он музыкант, которого летом можно увидеть на улице Урицкого или в 130-м квартале с флейтой в руках и... в инвалидном кресле.

Илья родился 27 июля в 1999 году. Его диагноз — «дизонтогенетическая энцефалопатия» (последствия детского церебрального паралича). Имеются когнитивные нарушения, нарушения в работе опорно-двигательного аппарата и другие. Он с детства значительную часть своей жизни проводит в больницах, но не сдаётся. Мы пообщались с Ильёй и его мамой Татьяной Львовной. Это дружная и очень сильная семья.

Мама замечательно рисует. А Илья учился музыке, закончил Иркутскую Вальдорфскую школу, летом он сам зарабатывает игрой на флейте.

«С 7 лет он начал заниматься музыкой, игрой на флейте, закончил 9 классов в школе и обучился играть, ему было сложно... Что самое интересное, Илья с трудом держит ручку и не может разборчиво писать, но, тем не менее, с уверенностью управляет с инструментом. В рамках исключения, он обучался там, среди детей, не имеющих заболеваний, на равных условиях», — рассказывает Татьяна Львовна.

Семья у Ильи простая.

«Мы сами коренные иркутяне. — продолжала Татьяна Львовна. — Я, супруг и Илья — все пенсионеры. Мужу 68 лет, у него экономическое образование, у меня фармацевтическое. Он очень сильно болеет, не имеет возможности принимать полноценное участие в нашей жизни и ничем практически помочь не может».

Когда мама Ильи и сама начала сталкиваться с проблемами со здоровьем, встал вопрос: «А как же жить дальше?»

«Мне как-то пришла в голову спасительная мысль, — вспоминает женщина. — А что если выйти на улицы нашего города с Ильёй? Я не раз

наблюдала за молодыми парнями, исполняющими различные композиции на всевозможных инструментах. Что если и мы попробуем... Это было четыре года назад. Стояла жара, зной. — Мы страшно боялись, Илья настраивался только полчаса. Даже коробочку ставить не стали... Преодолев стеснение, мы исполнили несколько композиций. Потом уже и коробочку поставили, так как это полноценная работа, а не надежда на подаяние. Я так Илью настраиваю: «Ты работаешь, ты учишься».

И всё получилось. С тех пор эта коробочка — это работа, какое-никакое подспорье... Илья может позволить себе купить то, в чём нуждается современный человек, чувствует себя работоспособным!

Нас приятно удивил тот факт, что люди настолько доброжелательно отнеслись к Илье, подходят и благодарят: «Спасибо». Мне кажется, что души людей пробуждаются и радуются, видя, что он не просто инвалид-колясочник, а ещё и маэстро».

Так Илья зарабатывает на лечение — сложное, которое нельзя останавливать, и дорогостоящее: всевозможные методики лечения поражений ЦНС, постоянные массажные процедуры, иппотерапия и другое.

Татьяна Львовна рассказывает, что сегодня существует огромное количество методик лечения болезни с этим диагнозом. Многие из них связаны с «обучением» мозга. Среди прочих — методика АБМ (метод Анат Баниэль для детей с ДЦП). Это особый способ лечения, который относится к разновидности восстановительной терапии, основанный на обучении. Метод появился в результате тесного образовательного взаимодействия Анат Баниэль с Моше Фильденкрайзом, ученицей которого она была. Позитивная динамика её психофизического развития подтверждает эффективность данной методики уже в течение последних 30 лет.

Другая широко применяемая методика — рефлекторная локомоция, которая является основой так называемой Войта-терапии. За счёт терапевтического применения рефлекторной локомоции у пациентов с повреждениями центральной нервной системы и двигательного аппарата можно восстановить, по крайней мере в отдельных областях, элементарные двигательные модели, то есть они становятся снова доступными для людей с диагнозом ДЦП.

Но, к сожалению, всё это стоит очень больших средств. Нищенское государственное пособие по инвалидности, имитирующее помощь такого рода людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, не в состоянии помочь решить эту проблему. Приходится полагаться инвалидам на самих себя. А это непросто... во всех смыслах. Например, при таком лечении нельзя позаниматься им и бросить, то есть сделать перерыв. Этот вид самореабилитации — непрекращающаяся работа. У таких ребят мозг устроен по-особому: они быстро всё забывают, тем более если нет постоянной подпитки новыми знаниями, технологиями.

Татьяна Львовна говорит: «Сейчас Илья еле двигается, а средств на восстановление всё равно не хватает. И здесь не отделаешься рядовым

посещением санаторно-курортного лечения, мы этим даже не пользуемся практически, потому что это малоэффективно. Но сдаваться мы не собираемся...»

Она продолжает помогать Илье жить и лечиться. И мы все вместе тоже можем помочь семье справиться с трудностями.

«Несомненно, есть желание двигать наше творчество в массы через интернет-платформу — заряжать других людей с подобным диагнозом, вселять надежду в собственные силы. Наш личный пример говорит о том, что мы не расслабились и не расклеились».

«Хрупкий и тоненький маэстро...», — так ласково называет Татьяна Львовна своего Илью. Отметим, что Илья играет достаточно сложные музыкальные произведения. Например, композицию Эдварда Грига «Песня Сольвейг» из сюиты «Пер Гюнт». В его арсенале есть и другие классические вещи. Несмотря на диагноз. Несмотря ни на что.

А мы с вами можем помочь Илье и его маме. Если вам есть чем, то звоните Татьяне Копейкиной по номеру 8-902-544-96-95.

Мария Петухова

ПЫТАЯСЬ УБЕЖАТЬ ОТ СЕБЯ, СЕБЯ НЕ НАЙТИ...

Человек по обыкновению хочет быть оригинальным. Старается жить так, чтобы и работа приносила удовольствие, и досуг был не менее содержательным, а увлечение — интересным.

Любому человеку свойственно задавать себе вечные вопросы: «Как найди себя?», «Нужен ли для успеха талант?» И так далее, далее, далее... Нужно ли подражать другим, насмотревшись на их идеальную жизнь? Наверное, прав будет тот, кто скажет: «Ты не способен на это, вот здесь у тебя получится лучше», но это «здесь» не нравится вам, хотя есть так называемый талант или то, что под ним подразумевается. Парадокс, не правда ли? Здесь и возникает логичный вопрос: «Моё ли это? А если моё, то почему не получается...»

Журналист, психолог, исследователь Александра Митрошина как-то заметила, что человек - это не фигура, не внешность. Не количество денег и заслуг. Не объём груди и не цвет волос. Не ориентация. Не место рождения. Всё это помогает описать человека, но не определяет его сущность и место в жизни. Каждый из нас, из 7,7 млрд человек, сам определяет себя и чем он хочет заниматься⁴⁶.

«Величайшая ошибка, которую человек может допустить в своей жизни, — это пребывание в постоянном страхе перед возможностью

---

⁴⁶ Митрошина А. Блог: @alexandramitroshina, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.instagram.com/p/B3XLD9_Farq/?igshid=19a4ztettjtk (дата обращения: 04. 12. 2019)

ошибиться»⁴⁷ (Э. Хаббард). Нужно избавить себя от иллюзии, что вы по щелчку пальцев начали что-то делать, и теперь вам гарантирован результат и ещё постоянное удовольствие в процессе. Нет. Не бывает линейного прогресса.

Так же некоторые люди убеждены, что для любой работы нужно вдохновение. А что будет, если вы его никогда не дождётесь? Значит, никогда и не начнёте. Азбучная истина: восемьдесят процентов достижения цели — это преодоление сопротивления⁴⁸. И это не только про работу, но и про всё: учёбу, здоровье. В современном российском обществе наблюдается пик популярности заботы о своём здоровье. Наконец-то не только спортсмены, но и среднестатистическая молодёжь, зрелые люди и даже люди третьего возраста⁴⁹ начали ходить в фитнес-залы. Это свидетельство того, что у людей разного возраста появилось понимание, что собственный психологический и физиологический комфорт — дело рук каждого, а не какого-то абстрактного государства. Да, за этот комфорт тоже надо бороться, и часто это борьба именно с собой.

Величайшее из умений современного человека: способность вовремя себя заставить и в то же время суметь при необходимости дать себе покой. Один из поэтов восклицает: «Покой нам только снится!» А другой ему вторит: «И вновь продолжается бой, И сердцу тревожно в груди!»

И тот и другой по-своему правы. Остаётся одно несомненным: необходимо хорошо знать себя и окружающий нас мир, чтобы соизмерять, насколько возможно «преодоление себя» без нанесения ущерба себе и окружающим. Это свидетельство того, что два противоречивых по смыслу высказывания объединяет одно: *«Пытаясь убежать от себя, себя не найти»*.

---

⁴⁷ Хаббард Э. Золотые слова [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://scientificrussia.ru/citations/151> (дата обращения: 09. 12. 2019).

⁴⁸ Енгибарян С. Как сделать первый шаг? Авторский психологический чек-лист с метафорическими картами. 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://sonalandkurs.ru/checklist> (дата обращения: 04.02.2019)

⁴⁹ Человек третьего возраста — предпенсионный и пенсионный возраст, который определяется не хронологическими показателями (возрастом), а уровнем физиологической, психологической и социальной активности человека (прим. редакции).

- Записки путешественника

Юлия Торопова

ВОЙНА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ: РУССКО-МОНГОЛЬСКАЯ АЛЬПИНИАДА В ЧЕСТЬ ВОСЬМИДЕСЯЛЕТИЯ ПОБЕДЫ НАД ЯПОНЦАМИ

Русские альпинисты приехали в Монголию, чтобы взойти на высшую вершину Саянских гор. Своё восхождение они посвятили забытой войне советско-монгольских войск с японцами.

Альпиниада, или Международный горный фестиваль

Горная цепь Саян тянется от Енисея до самого Байкала. Их высочайшая вершина — Мунку-Сардык (с бурятского переводится как «Вечный белый горец») — всегда покрыта льдом и снегом.

Одна её половина находится в Бурятии (альпинисты зовут её «Иркутской стороной»), другая — в Монголии. Традиционно в мае сюда приезжают альпинисты и туристы из Иркутска, Бурятии и других мест. Новички набираются опыта, покорив «Сибирский Эверест», бывалые — закрывают спортивные разряды на соседних маршрутах. Сотни людей ставят разноцветные палатки, сидят у костра и «забегают» на вершины.

В советское время такие сборища называли альпиниадами. Ещё до войны в Приэльбрусье проводились учебные сборы для Красной армии, а позже в альпиниадах участвовала советская молодёжь. Уже тогда массовые восхождения были и в Саянах, и на Камчатке.

После войны появилось много стационарных альпинистских лагерей и альпиниады стали привязывать к каким-нибудь торжественным событиям или праздникам, чтобы получить внеплановое финансирование. У нас вот 80-летие...

Сейчас массовые восхождения на Мунку-Сардык красиво называют горными фестивалями. Официально их проводят почти 10 лет.

Чтобы попасть сюда с «Иркутской стороны», нужно за месяц до поездки заказать пропуск для нахождения в пограничной зоне. С каждым годом число участников растёт, погранслужба говорит, в этом году заявок было больше шести тысяч.

Приезжают все — альпинисты-спортсмены, туристы-любители и те, кто дальше офиса никогда не уходил. Привозят даже детей.

Пока альпинисты работают по своим маршрутам, некоторые просто живут в палатках и наслаждаются видами, они на вершины не ходят. Есть и те, кто без всякого снаряжения в простых сапогах карабкается по ледяным водопадам. Отсюда много проблем: люди не понимают, куда идут. Неопытные сбиваются в толпы, сбрасывают камни... Каждый год кому-нибудь пробивает каску, кто-то падает, ломает кости, были смертельные случаи... Но это совсем другая история.

Иркутская сторона технически сложнее и серьёзнее — к вершине склон становится круче. А на монгольской восхождение превращается в затянувшуюся прогулку со снегом, солнцем и лёгким трепетом перед гребнем. Для Монголии нужен только загранпаспорт, визу отменили.

Инцидент у Номон-Хана

Летом 1939 года советско-монгольские войска разгромили дивизию Квантунской армии японцев. Западные историки называют это событие «Инцидентом у Номон-Хана» — монгольского посёлка. У нас оно известно как «Война на реке Халхин-Гол».

Японцы тогда захватили Манчжурию, создали «марионеточное государство». Они требовали признать Халхин-Гол границей с Монголией, сфабриковали географические карты, провоцировали монгольских пограничников. Им нужно было создать плацдарм для нападения на СССР, но Союз вмешался.

И вот теперь потомки цириков — бойцов монгольской армии — идут вместе с русскими альпинистами, потомками советских солдат, на вершину.

За все четыре дня в Монголии об этой войне никто не говорил...

Четыре дня назад

— Если бы не эти убогие домики, я бы подумал, что это Альпы, — донеслось с конца маршрутки. Уже несколько часов мы ехали по пустой федеральной трассе А-333 на юго-запад от Иркутска.

Рядом с большим и добрым водителем, который потом угощал нас мороженым, сидел Григорий Леонтьевич Скаллер — известный иркутский альпинист, авантюрист и наш вожак. Он живёт в центре Иркутска в

пятиэтажке, построенной в 80-х для офицеров ВВС. Соседи говорят, никогда его не видели, он постоянно пропадал, а когда возвращался, у его дверей толпились люди с большими рюкзаками.

Григорий Леонтьевич бывал на Эвересте и на Аляске, попадал в Книгу рекордов Гиннеса, а теперь руководит вместе с Людмилой Александровной детским лагерем на Байкале и Федерацией альпинизма Иркутска.

Григорий Леонтьевич собрал маршрутку друзей и альпинистов. Среди нас были старшие товарищи — опытные альпинисты и даже две школьницы из «Клуба путешественников», которых прихватила сюда их учительница Елена Петровна. Она всю дорогу листала знаменитого «Сибирячка».

В окнах маршрутки снова и снова вырастала одна и та же картинка: вблизи мелькали разные бурятские посёлки, а за ними недвижимым внушительным фоном туман окутывал подножия нескончаемой горной цепи.

Среди всех одинаково старых и голых бурятских посёлков заметно отличался Кырен, который был в паре сотен километров от Иркутска. Мохнатые ели в старых дворах, огороженных кривыми заборами, прикрывали гниющие крыши косых деревянных домов, а на горизонте заснеженные Саяны утыкались в небо своими острыми носами.

За Кыреном финишная точка Тункинской долины — пограничный посёлок Монды. Он находится в часе езды от монгольского Ханха, а разница между ними огромная. Стоит пересечь границу, и откроется совсем другая жизнь с бесконечно низким небом и удивительно ровным асфальтом.

В Монголии

После погранперехода равнины стали ещё бесконечнее, коровы, которые в Бурятии часто бродили по пустой трассе, здесь обросли длинной шерстью и ушли в далёкие степи.

Ханх — первый от границы монгольский посёлок. Дорога посреди огромной пустой равнины, казалось, вела только туда и там и заканчивалась. До него оставалось километров двадцать.

Иногда вдоль трассы попадались дома. Они выглядели пустыми, а провода, свисавшие с косых деревянных столбов, кажется, не дотягивались до них. Спустя несколько километров от границы, мы свернули с дороги в глубь пустой степи к белым монгольским юртам. Их было всего штук пять, кочевники приехали сюда недавно.

Около каждой была солнечная батарея, генератор и спутниковая тарелка, а на плотно связывающей ткань юрты верёвке сушились криво подоткнутые носки и полотенца.

На горизонте человек гнал стадо овец.

Маленькая монгольская девочка в красной «адидасовской» мастерке подошла к загону. Она взялась ручками за тонкие палки полукруглой ограды и смотрела на худых кучерявых ягнят.

Мы бродили вдоль юрт, изучали местность. Дул лёгкий ветер, совсем как люди, кричали ягнята, несколько женщин занимались своими делами, не замечая нас.

Чуть дальше от юрт стояли три гордых верблюда. Говорят, по данным переписи за 2004 год, в этих местах насчитывалось всего шесть верблюдов...

Монголы угостили нас высушенными творогом и мясом, мы сфотографировали верблюдов и поехали дальше.

Спустя ещё пятнадцать километров появились магазины. Несколько деревянных зданий вдоль единственной улицы. В шесть вечера они все уже были закрыты, людей не было видно. Магазины с вывесками на монгольском закончились, и дорога резко ушла вниз крутым языком. Отсюда был виден весь Ханх, занявший низину вдоль северного побережья Хубсугула. Туристов мы не встретили, но говорят, они приезжают сюда, чтобы увидеть «озеро синих вод» — Хубсугул, который зовут братом Байкала.

Мы отъехали ближе к озеру и остановились у единственного в Ханхе интерната.

В интернате живут дети кочевников, которые с травой уезжают пасти стада. Известно, когда скот съедает траву, кочевники идут на новое место. У каждой семьи свои места остановок и определённые маршруты — каждый знает, куда вести своё стадо.

Нас встретила Цэцэг вместе с дочерью. Цэцэг — хозяйка турбазы, где мы остановились.

Григорий Леонтьевич подарил Цэцэг несколько литров солярки — с топливом в Монголии плохо, оно гораздо дороже, да и заправок немного, в этом году появились две странных колонки на пустой трассе.

Уже несколько лет дети из интерната ездят в лагерь к Григорию Леонтьевичу на Байкал, а дети с Байкала — в Монголию.

— Я всё хочу спросить у кого-нибудь, только обещай не смеяться... — девочка-метиска Даша посмотрела на меня пронзительными карими глазами, взяла под руку и повела в интернат, — какую музыку мне нужно слушать, чтобы, ну, знаешь... не отстать от всех? Понимаешь, я не знаю, что сейчас слушают...

Даше двенадцать. Цэцэг её мать, а русский отец погиб несколько лет назад. Даша отлично знает и русский, и монгольский. А её дед, говорят, был единственным морским капитаном во всей Монголии.

На улице бегали монгольские дети. Они смеялись, весело кричали, лазили по кривым заборам и бегали друг за другом. Интересно, у них есть телефоны?

Мы поднялись по новеньким деревянным ступеням и вошли в интернат. С холма это здание выглядело самым солидным и большим, а внутри — узкие коридоры первого этажа, где уже начинались маленькие детские комнаты. Некоторые двери были приоткрыты. В каждой комнате две кровати и два цветных сундука — там дети хранят свои вещи. На стенах коридора висят цитаты Дюма, переведённые на монгольский.

Смугловатые монгольские дети выглядывали из своих комнат, пугливо смотрели на нас, некоторые разглядывали с любопытством и пытались по-русски поздороваться.

В типично советской столовой пахло мясом. У входа в углу стояло несколько необычных маленьких парт — для самых младших детей, на больших столах лежали скатерти красного цвета, на стенах висели «пирамида питания» и таблички на монгольском.

Нас рассадили и в пиалах подали монгольский чай с солью и ячьим молоком.

Монгольская кухня заметно отличается от бурятской — еда гораздо... жёстче: больше мяса, больше жира, меньше овощей, меньше изыска. Хушур — местные чебуреки, чуть меньше обычных. В них много мяса, а грубое тесто щедро пропитано маслом.

Один иркутянин-путешественник как-то сказал: «Монголы — это те же буряты, только суровее».

Мы наелись и вышли из интерната. Нас пригласили в соседний старый деревянный Дом культуры. Оказалось, к нашему приезду готовились. На главной маленькой сцене дети пели для нас монгольские песни и танцевали. Концерт закончил мальчик, который по-русски спел «От улыбки хмурый день светлей». Мы слышали забавный акцент, но песня поразила нас всех.

Когда совсем стемнело, мы разбрелись по юртам.

Восхождение

В пять утра за нами приехала серая «буханка» и повезла в лес. Спустя час Саянские вершины разглядывали нас. Снежная Мунку-Сардык выглядела величественно и безобидно — казалось, мы сможем подняться на неё за час.

Утро было холодным. На полянке нас ждали монголы. Кто-то грелся у костра, кто-то готовился к восхождению. Человек 10–12. Из них лишь один был в ботинках, похожих на горную обувь. Все остальные ходили в резиновых сапогах или кроссовках и поправляли необычные толстые халаты.

Монголы и буряты верят — на каждом холме обитают духи, которых не стоит беспокоить. Поэтому мужчины должны принести жертву, чтобы приблизиться к горе, а женщины вообще не должны на неё ходить.

В монгольской команде была одна женщина в голубом горнолыжном костюме. Кроме неё по-русски никто не понимал.

Нам сказали, они все — простые преподаватели из интерната, а на гору идут, потому что никогда там не были.

Пора начинать.

Монголы сели, покурили, поднялись, кивнули нам и стали подниматься вверх. У многих в руках были обычные палки из леса... Мы же достали складные трекинговые палки, поправили шнурки на дорогой альпинистской обуви, сняли пуховки и пошли вперёд. Григорий Леонтьевич пожаловался на вес рюкзака, потом достал ледоруб (думал, пригодится) и положил его прямо на тропу.

Через час лес закончился, склон стал круче. Елена Петровна со школьницами осталась гулять в лесу. Один из альпинистов достал фотоаппарат и убежал снимать виды. Григорий Леонтьевич вернулся за ледорубом. Нас осталось человек восемь. Мы продолжали идти за монголами. Монголы останавливались, садились, курили, поднимались и уходили дальше. Мы прошли высохшую горную реку и по камням стали забираться на крутые холмы.

Когда мы подошли к гребню на то расстояние, когда отчётливо видна пропасть слева и справа, а узкая тропа кажется ещё уже, монголы остановились и закурили. Они говорили, переглядывались, смотрели на гребень и тыкали в него пальцами.

— Нам точно туда? — спросила меня женщина в голубом горнолыжном костюме.

— Да, — говорю, — а вы думали обойти?

Они сели, покурили, поднялись и пошли дальше.

Гребень сужался. Тропинка становилась всё круче, а выше торчали камни. Мы придерживались за них и цеплялись мысками ботинок, врезаясь носками в снег.

Последний из монголов, весёлый толстяк, упал на снег и обнял голой рукой камень. Он тяжело дышал и улыбался, жмурясь на солнце. До вершины оставалась пара десятков метров. Так и дошли.

Когда мы пришли, монголы курили у священного столба с нитками. Они смотрели на замёрзший Хубсугул, а мы на Россию.

С Иркутской стороны люди в цветных куртках поднимались на вершину, пили чай, иногда смеялись и разговаривали, а потом несколько минут молча смотрели на озеро и уходили. Некоторые встретили знакомых.

— Эй, вы! Говорить нельзя! — коренастый монгол в красивой форме и чёрных очках обращался к нам, — вернитесь на свою сторону!

Откуда он взялся — неясно. Откуда такие правила и где находится граница на маленькой вершинке, окружённой пропастью со всех сторон, тоже неясно. Мы подчинились.

Сзади раздался звон металла. Молодой человек в военной форме и кошках вышел с иркутской стороны. В руках у него был автомат. Это был уже наш пограничник. По разговорам он быстро понял, что мы из Монголии. Сказал, границу нарушаем, стал требовать паспорта... Конечно, у нас ничего не было. Разошлись миром, пограничники попались понимающие и вежливые. Говорят, раньше такого не было.

Несколько раз мы пытались связаться с иркутской студенческой командой из секции горного туризма по спутниковому телефону. Абонент вне зоны доступа. В 12:20 монголы и некоторые из нас были уже на вершине, спускаться стали около двух. За это время на Мунку поднялись несколько иркутских команд, но студентов не было.

Оказалось, в тот день они спустились — кто-то словил горняшку. Они достигли вершины на следующий день.

Обо

На следующий день перед отъездом нам показали магазин с настоящими монгольскими носками, а потом повезли на священное место. Единственная достопримечательность Ханха — Обо. Вообще этим словом называют разные культовые места бурят, монголов, тувинцев и хакасов — груды камней, столбы и деревья с цветными ленточками, где поклоняются духам. В небольшом отдалении от посёлка на холме, заканчивающимся обрывом в замёрзшее озеро, стоят в ряд тринадцать высоких столбов. Один — центральный, остальные двенадцать обозначают определённые месяцы. Говорят, если трижды обойти центральный столб — духи исполнят любое желание.

На этом месте раньше находился буддийский храм — дацан. В советское время его уничтожили, а ламы были арестованы. Существует легенда, что буддийский лама до сих пор сидит в маленькой пещере под холмом и смотрит на Хубсугул. Мы спустились по крутому склону и стали искать пещеру. Когда мы её нашли, в ней никого не оказалось...

Василий Заводский

ШЕСТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ АВТОСТОПОМ, или Пособие по выживанию на дороге

Текст сей пишу я для людей, не знающих об автостопе из своего опыта, но желающих такой опыт приобрести. В нём я буду повествовать о том, что обязательно понадобится вам в дороге, на чём нельзя экономить и почему, ну и, конечно же, расскажу о том, что приключилось со мной во время моего первого автостопа, о людях, встретившихся мне в пути, и о тех историях, которые они мне поведали. Давайте приступим!

Инвентарь

Раз уж вас потянуло на приключения, то приведу вам список тех вещей, которые понадобятся вам в дороге. Первый совет: возьмите с собой надёжного товарища, путешествовать одному довольно опасно, а так вы можете спать по очереди, находясь в машине, и не опасаться за себя и свои вещи. Но есть в этом и минусы: водители не всегда готовы брать двоих людей, особенно дальнбойщики, ведь им за это будет грозить штраф, и именно поэтому не отправляйтесь автостопом втроём, иначе далеко вы не уедете, два человека самый оптимальный вариант. Далее следует взять с собой спальник и небольшую лёгкую палатку, поверьте, вам часто придётся ночевать у дороги, и это именно то снаряжение, на котором ни в коем случае нельзя экономить. Когда мы попали во время своего путешествия в шторм, я очень пожалел о сэкономленных деньгах, но об этом я расскажу позднее. Дальше запаситесь разными медикаментами и обеззараживающими веществами, а также бинтами, в дороге может случиться всё что угодно, с нами, к счастью, обошлось, но лишним это всё равно не будет. Также возьмите с собой средства для разведения огня и ёмкости для кипячения воды, мы использовали простые металлические кружки, плюс к этому возьмите долго непортящуюся еду, придорожных кафе, конечно, в пути будет много, и в них всегда можно будет дёшево и сытно поесть, но, если вдруг застрянете где-то, еда вам очень пригодится. Также не забудьте карту с прорисованным заранее маршрутом, желательно бумажную, а не в телефоне, техника может подвести, а вот бумага нет, главное — не промочите её. Всё остальное

берите по желанию, здесь же перечислен самый важный перечень, необходимый вам для выживания на дороге.

Приключения длиною в девять дней

День Первый. Путь наш лежал из Иркутска в Ярославль, куда мы спешили на панк-рок-фестиваль «Доброфест», который должен был начаться 11 июля, выехали же мы 3 июля. Мы без всяких интересных происшествий добрались до Ачинска (городка, находящегося под Красноярском). Удалось с первого раза поймать машину, водитель которой держал путь именно туда. Недалеко за городом бросили палатку и легли спать.

День Второй. Поспали четыре часа, после такого сна я был злым и невыспавшимся, ведь в прошлый день во время всего пути я так и не смог уснуть. Но, воодушевлённые столь скорым преодолением первой тысячи километров, мы двинулись в путь, попутно прикупив в магазине четыре литра воды. Но каково же было наше разочарование, когда к концу дня мы, все обгоревшие на солнце, оставшиеся без воды, умирающие от жажды, так и не смогли поймать ни одной машины. За весь день было пройдено около тридцати километров, и около двадцати мы проехали на электричке до деревни Белый Яр, где наконец то смогли купить воды. После того как напились, мы, проклиная всех и вся, снимая с себя сгоревшую кожу, вышли к федеральной трассе, бросили там палатку и стали готовиться ко сну. Я не стал ни пить чай, ни есть консервы, а просто заполз на последнем дыхании в палатку и провалился в сон.

День третий. В этот раз проспали шесть часов, но я всё равно чувствовал усталость, у меня жутко болели ноги, сгоревшие участки кожи и перетёртые рюкзаком плечи. Дальше решил идти в кофте, уж лучше пропотеть, чем снова так обгореть. Быстро свернув лагерь, выдвинулись ловить попутку, уже не ожидая ничего хорошего, но, о чудо, остановилась первая же машина, водитель был молодым парнем, который ехал в некую деревню забрать жену из гостей. Всю дорогу он рассказывал нам о том, какой «тусич» он устроил по отъезду жены, как за неделю пропил двадцать тысяч рублей и как долго после убирался в квартире. Дальше, высадив нас на перекрёстке посреди трассы, уехал своей дорогой, ну а мы стали ловить новую попутку. Простояли часа три, снова успели разочароваться в затее ехать автостопом, даже было стали подумывать ехать по одному, чтобы было больше шансов добраться до фестиваля вовремя, но нам снова повезло, остановился наш первый дальнбойщик, сначала он хотел взять лишь одного из нас, но после недолгих уговоров взял обоих с условием, что один будет прятаться за сидением от дорожных патрулей. Но не всё так гладко, как казалось. Водитель был самым настоящим сектантом, вовлечённым в финансовую пирамиду, куда всю дорогу зазывал и нас.

«Включал» нам лекции от создателей данного предприятия, уговаривал зарегистрироваться и начинать зарабатывать вместе с ним, а также посетить лекции по данной теме, которые должны были пройти в сентябре в Москве. Так под монотонный звук лекций о финансовой независимости, которой можно добиться, начав работать на себя вместе с их фирмой, мы доехали до Кемерово, где и переночевали.

День четвёртый. Мы в Кемерово, или, как мы прозвали про себя этот город - городе врунов. Почему? Да потому, что каждый житель этого города давал нам ложные направления, номера автобусов и расположения остановок, даже сотрудники полиции дали нам неправильный маршрут. В конце концов, мы пять часов плутали по городу, пытаясь выбраться на его окраины, к обеду нам это всё же удалось. По дороге нам встретилось несколько хороших, добрых и молчаливых людей, которые довезли нас к вечеру до придорожного кафе, где мы вкусно поели и продолжили ловить попутки. И вот нам опять повезло: к нам подошёл средних лет мужчина и спросил, не автостопщики ли мы и куда направляемся. Получив ответ, сразу же предложил ехать с ним. Нас это удивило, но желание ехать было сильнее чувства страха, поэтому мы без раздумий забрались к нему в машину. Именно этого дальнбойщика я запомню на всю жизнь, звали его Серёга, и всю дорогу он рассказывал нам анекдоты и истории из жизни дальнбойщика. Но начнём с того, что он - тот человек, которому скучно ездить одному, и поэтому он постоянно ловит попутчиков. За каждого попутчика он ставит метку на ручке ножа... Видимо, делает это специально, чтобы поугаать пассажиров. Я насчитал на ноже шестнадцать отметин, мы были семнадцатой. До Новосибирска мы ехали с ним пять часов и прибыли в город только в четыре утра. За это время он рассказал нам о том, как вёз на Алтай наркомана, добравшегося туда из Москвы, чтобы встретиться с алтайскими шаманами, которые должны были помочь ему установить связь с рептилоидами. Также рассказал, как подвозил филиппинца с его девушкой, который в свою очередь поведал ему о жизни филиппинских панков. А жизнь у них, должен заметить, очень интересная, они живут в самодельных бунгало и едят то, что утащат с грядок соседей, живут общинами по двадцать-тридцать человек, раз в месяц выбирают одного из общины и отправляют его работать, а потом пьют на эти деньги дешёвый джин и отправляют следующего панка на заработки. Под все эти истории время пролетело незаметно, и мы прибыли в Новосибирск, где жил мой племянник, там наконец-то удалось принять горячую ванну и поспать в нормальных условиях, так к концу подошёл ещё один день нашего автостопа.

День пятый. Впервые за всю дорогу проснулся отдохнувшим, хоть и поспали мы всего пять часов. Собрали вещи и снова отправились в путь. К вечеру без происшествий и интересных событий уже были под Омском. Не доехали каких-то сто километров. Сначала попали в шторм и за считанные секунды промокли насквозь. Тут же, правда, около нас остановилось три

машины, мы сели наугад, и нас довезли до гостиницы. Снять номер в ней стояло три тысячи рублей, а это нам было не по карману, поэтому решили идти стопить в ночь промокшими. Но остановились нас лишь сотрудники ДПС, которые выписали нам предупредительный штраф за то, что мы идём вдоль дороги без светоотражателей. После долгих и безуспешных попыток поймать попутку, снова попали в усиливающийся дождь. Решили разбить палатку. Пока мы её ставили, в наше временное жилище уже попала вода. Мой спальник вымок, и я лёг прямо в мокрой одежде, решив, что хуже уже не будет. Но не тут-то было! Стоило мне прилечь, как к палатке кто-то подошел и начал хрюкать... Да, около палатки ходил кабан! Но я был настолько уставшим и злым, что плюнул на всё это и лёг спать... А вот мой товарищ всю ночь просидел не сомкнув глаз с открывашкой в руке, и заснул лишь под утро, когда кабан ушёл. На этом самый ужасный день автостопа подошёл к концу.

День шестой. Мы добрались до Омска, попутно успев высушить вещи на палящем солнце, впервые за всю дорогу я был ему настолько рад. А вот попытки выбраться из Омска были тщетны, все эти шуточки про то, что из этого города невозможно уехать, вполне обоснованы. Только вечером мы наконец-то смогли уехать, ночь провели на стоянке дальнобойщиков, ночевали без палатки, разложив один спальник, спали по очереди, пока один спал, второй ловил попутку.

День седьмой. К утру мы всё-таки поймали машину и уже к обеду были под Тюменью. Всё, что я могу сказать об этом городе: объезжайте его стороной, здесь живут самые жадные люди в мире, каждый, кто останавливался, просил с нас пятьсот рублей с человека за проезд до города... Если бы нам не попался судья, который ехал из Иркутска до Тюмени в командировку, то мы бы так и не добрались до города.

Дальше не было ничего интересного и достойного упоминаний. За оставшееся время мы доехали до Вологды, там сели на автобус до Ярославля, и уже к обеду 11 июля мы были в заброшенном аэропорту Лефорцево, в 20 километрах от Ярославля, где и проходил «Доброфест», то место, куда мы так желали попасть все эти девять дней автостопа и весь год до этого. А там уже началось безудержное веселье под живую музыку любимых исполнителей, но это уже совсем другая история.

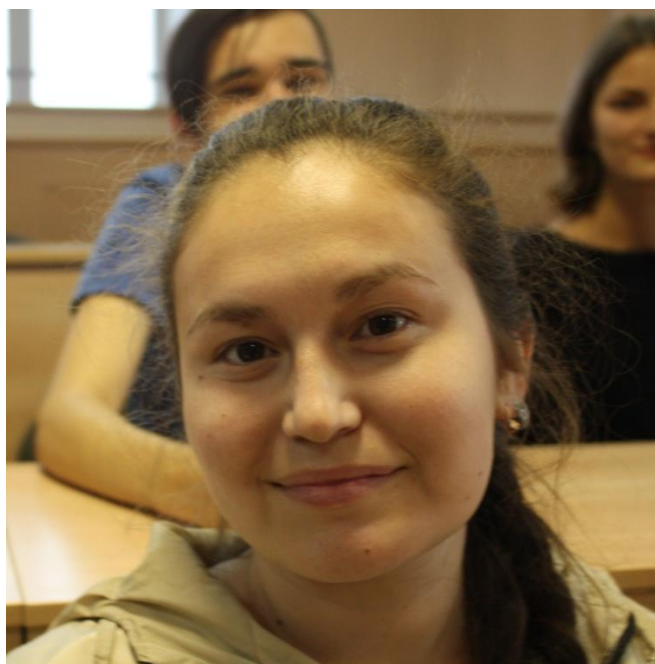
На этом, дорогие читатели, я с вами прощаюсь, надеюсь, данные записки вы найдёте увлекательными и полезными для себя, желаю всем удачи и попутных машин.

Надежда Амосова

ZOTOV

*«Я слышал мнение, что мир, в котором мы живём — это и есть ад.
Ну да, трудно поверить, что ТАМ будет еще хуже»*

Эти слова принадлежат, как мне кажется, самому загадочному и неординарному человеку, в биографической справке которого запутается даже самый матерый разведчик. Где-то можно найти информацию, что наш загадочный друг — это целая группа литературных афроамериканцев, другие уверяют, что это псевдоним Пелевина, Павла Воли или Владислава Суркова (страшно представить!). Но нет, это всё один реальный человек, просто, несмотря на свой талант и выдающиеся работы, он очень скрытен.

Это всё — Георгий Зотов, автор десяти известных книг⁵⁰, фантаст, журналист, неистовый путешественник, который очень редко даёт интервью. Георгий пишет свои книги в жанре альтернативной истории⁵¹. А мы знаем, что альтернативная история — почва опасная. Вечный вопрос «А что, если...» вряд ли когда-нибудь перестанет будоражить умы людей. Слишком уж большой простор для фантазии он открывает.

Я поймала себя на мысли, что, не зная человека, видя его в первый раз на фотографии и на видеоинтервью, могу рассказать о нём. Во всяком случае, мне этого очень хочется. Мне кажется, что Георгий Зотов словно живёт в ином измерении, а люди, пронсящиеся вокруг, лишь призрачные фантомы, готовые испариться при малейшем дуновении ветра.

Георгию за пятьдесят. Волосы тёмно-русые, карие глаза. Лёгкие залысины, слегка обозначившееся брюшко. Одевается Георгий с претензией на рок-н-ролл: мешковатые джинсы, его футболка с

⁵⁰ «Элемент крови». «Минус ангел». «Демон плюс». «Республика ночь». «Сказочник». «Ад&Рай». «Эль Дьябло». «Москау». «Печать луны». «Скелет бога».

⁵¹ Биография Георгия Зотова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fb.ru/article/233045/georgiy-zotov-biografiya-i-tvorchestvo>

изображением любимой музыкальной группы, а иногда рубашка в клетку, и, конечно же, фирменная кепка, надетая козырьком назад. В целом весьма характерный внешний вид для слегка уже неюного «неформала».

У Георгия яркие, выразительные глаза: цепкий, внимательный взгляд писателя через очки, временами обращённый внутрь себя, временами пристально нацеленный на собеседника. Так же пристально, как и лицо собеседника, эти глаза могут разглядывать проплывающие в небе облака или рябь на воде пруда. Изначально Зотов покажется немного грубым, скованным и полностью закрытым, но глаза писателя выдают его доброту.

Георгий Зотов стал единственным журналистом, который смог удержать моё внимание от начала и до конца: пока не прочитаешь его очередную работу в газете, за другие дела не то что браться, даже думать о них не хочется. Кажется, немодные очки, затасканная рубашка, потёртые джинсы писателя делают его обычным, может, даже трусоватым эстетом, проповедующим через свой внешний облик какие-то истины. Но всё не так. Авторский стиль создания внешнего образа Зотова лишь скрывает настоящий журналистский талант. Фантаст изъездил полмира и не оставил без внимания маленькие страны, которые сегодня переживают политические проблемы. Георгий не боится мятежей в Париже, забастовок в Сербии, его не пугает сложное, противоречивое положение людей в Сирии. Журналист пытливо наблюдает за всем, давая своим читателям возможность побольше узнать о том, что творится в мире.

Статьи Г. Зотова цепляют за душу с первых слов. Например, репортаж из бывшего детского концлагеря в Лодзи. Георгий Зотов побывал в маленьком городке Лодзь, где узнал о таком концлагере, как «Киндер КЦ». Этот лагерь держал за проволокой десятки тысяч маленьких детей. Детей привозили из разных городов и стран: Польши, Чехословакии, Югославии, Советского Союза. Возраст пленных составлял от одного до четырнадцати лет. Стоило маленьким детям прибыть в лагерь, их тут же начинали отбирать. Им измеряли череп, чтобы выяснить, кто из пленных подходит под категорию арийской внешности (голубые глаза, светлые волосы). Если кто-то подходил по всем параметрам, детей отдавали в немецкие семьи, где их приучали, что их мать — Германия, а отец — Адольф Гитлер. Остальным пленным приходилось ютиться в тесных каморках. Детей, которые были похожи на евреев, заставляли работать больше. Стоило ребёнку немного ослабнуть на работе, его тут же отправляли в газовую камеру. Пленных заставляли говорить только на немецком языке. Одно родное слово — будешь наказан розгами. Иногда такие случаи доходили и до смерти. Многие выжившие и те, кто когда-то жил рядом с концлагерем, говорили Георгию Зотову, что часто слышали крики и плачи детей, которые ужасно хотели есть. Каждую ночь у маленьких пленных выкачивали кровь для раненых солдат. Пленных детей перевозили сотнями. Больных и раненых, как мусор, набрасывали друг на

друга и доставляли до пункта назначения. Среди выживших и сбежавших в памяти мелькают только смерть, крики и плач.

Материал журналиста, собранный с помощью интервью с местными жителями, является очень эмоциональным. Георгию Зотову удалось показать детально картину всего происходящего в годы Великой Отечественной войны и ее последствий. Журналист также пишет, что русские солдаты, которым удалось освободить часть пленных детей, остаются незамеченными нынешним поколением. И вряд ли кто сейчас сможет назвать имена тех героев, которым хватило мужества спасти несчастных детей.

Есть ещё один замечательный репортаж, сделанный из Венесуэлы. Известно, что Каракас занимает первое место среди самых опасных городов в мире. Стоило журналисту только прилететь в этот город, он сразу почувствовал, что находится в непростом месте, так как улицы были безлюдны, а местный водитель сразу заблокировал двери, так как в позднее время на дорогах рассыпают шипы и грабят машины. Да и разговоры остальных пассажиров были нервными и тревожными. На следующий день выяснилось, что в Венесуэле довольно сложно обменять деньги. Георгий Зотов почти сутки ходил по городу, пока не нашёлся человек, который разменял деньги, на которые по здешним ценам обычному человек в роскоши не проживёшь. Георгий Александрович Зотов приметил важную вещь: люди здесь с достаточно полными корзинами выходят из супермаркетов, а на улицах нет никаких драк. А ведь телеканалы США, Европы, да и наши показывают, что улицы Венесуэлы кишат митингами, которые несут за собой бои и разгромы, а люди здесь голодают. Как выразился Георгий Александрович Зотов, телевидением США и других стран Венесуэла создана, как страшный мультфильм. Как оказалось, Каракас не так уж и опасен, кроме того, что здесь довольно сложно обменять деньги.

Свой репортаж журналист заканчивает с некой недосказанностью и интригой. Читателям наверняка захочется узнать, как же проведёт свой следующий день Георгий Александрович Зотов в самом опасном городе мира. В этом специальном репортаже Зотова присутствует элемент оперативности подачи материала: в нём есть ярко выраженный информационный повод. В качестве его героев «задействованы» многие участники события. Читатели, во время его прочтения, могут «увидеть» диалог между журналистом и другим лицом, которые интересно характеризуют как самого автора, так и тех людей, с которыми он беседует. Репортаже пронизывает действие, добавлены яркие детали: Георгий Александрович описывает улицы Венесуэлы и всё происходящее на них, а также создаёт незабываемые портретные зарисовки местных жителей.

Мне кажется, статьи Зотова цепляют за душу потому, что писательский талант фантаста отлично гармонирует с талантом простого журналиста. В каждом абзаце и предложении Георгий не упускает

возможности вставить именно своё личное мнение. Он пишет так, как сам этого хочет, а не так, как это велит редакция, и тем более какой-то политический режим. По крайней мере, хочется в это верить. В некотором роде писатель рискует своей жизнью, отправляясь в командировки. Он ведь мог остаться дома и дальше писать свою фантастику, но Георгий Зотов делает то, что хочет — он открывает новые горизонты журналистского мастерства, даёт читателям шанс взглянуть на мир по-другому. Заставляет убедить себя и других, что, возможно, мир, где мы живем — не самый настоящий ад.

Никогда не знаешь, что с тобой случится, куда повернёт судьба, это сбивает с толку, порой начинает злить. И самое прекрасное в такой суете то, что не меняется, то, что непременно придёт, что неизменно. Неизменным останется Зотов. И его сила как журналиста и как простого человека, передаваемая через страницы газеты. А это сейчас довольно редко где увидишь.

Мария Волгушева

ОДНОРАЗОВАЯ ПОШЛОСТЬ

— Вам пакет большой или маленький?

— Пакета не надо, — ответила я в магазине и вслед за этим вытащила из сумки холщовую авоську.

Сложила продукты с чувством выполненного долга и ногой открыла дверь в жёлтую осень...

...Шорох опавших листьев под ногами в унисон шуршал с целлофаном в моих руках, купленным только что на кассе. Того, что было описано мною в автоэпиграфе, на самом деле не произошло: ни авоськи, ни чувства выполненного долга... В действительности: пластик, упакованный в пластик, и неосознанность. Стоп. Неосознанность? Нести продукты в руках — вот пример неосознанности, а на кассе мы явно подумали, прежде чем отошли от неё: «Да что в пластике плохого! Он полежит, полежит да и исчезнет.

Целлофан разлагается, одноразовые стаканы тоже, пластиковые контейнеры тем более, зубные щётки... когда-нибудь да тоже растворятся в

земле...» И сразу как-то стало спокойно на душе от этих рассуждений о «всеобщей разлагаемости» всего сущего на земле. Главное, что от таких мыслей душа не разлагается, не из пластика же она...

Душа, согласно религиозным и некоторым философским учениям, - бессмертная субстанция, нематериальная сущность, в которой выражена божественная природа и сущность человека.

Сущность человека? Кто я? Что я? Только лишь мечтатель⁵² или потребитель, специализирующийся на одноразовом? Мыслящий или бездумно действующий. В какой-то мере я — всё вышеперечисленное, и какая-то часть меня одноразовая. А ведь одноразовость не любит тихо стоять в углу с надутыми губами, как когда-то стояли мы, наказанные своими родителями или воспитателями за какие-то проступки. Она распространяется «раковым способом», сжимая наше сознание в своих прочных целлофановых объятьях. И никто её за это не накажет. А на вопрос «Кто я? Что я?» ты уже отвечаешь, опираясь на то, сколько новых синтетических кофт купил, у скольких сидел на коленях⁵³ на этой неделе и у скольких планируешь. При соблюдении одной главной тенденции — количество в ущерб качеству.

Между пластиковым пакетом и взаимоотношениями между людьми — тонкая, внешне невидимая грань. Но перо этой острой грани рисует-пачкает жирными маслянистыми мазками бумагу наших душ, которая от этого из белоснежно чистого листа постепенно превращается в нечистые бумажки, место которым - рядом с туалетными. Утрирую! Только так кажется.

Одноразовость равна пошлости. Антон Чехов однажды сказал: *«В юности пошлость кажется только забавной и ничтожной, но понемногу она окружает человека, своим серым туманом пропитывает мозг и кровь его, как яд и угар, и человек становится похож на старую вывеску, изъеденную ржавчиной: как будто что-то изображено на ней, только что?»*.

Всякий ответит сам, что выцарапано на его вывеске, но очевидно, что в центре каждой ювелирно выгравировано название магазина, в котором были куплены тысячи и больших, и маленьких пакетов. Они-то изнашиваются медленнее, чем наши нежные души.

Бездумность и неосознанность создают благоприятную среду, в которой верность, целомудрие, порядочность между людьми — исчезают. Но это ещё не все наши потери...

Результат такого отношения человека к самому себе и себе подобным приводит к подрыву здоровья у природы. Чистое и сильное тело Земли начинает покрываться язвами, поражающими огромные участки кожи. Каждая язва имеет свою историю и название.

---

⁵² Есенин С. Кто я? Что я?

⁵³ Есенин С. Ты меня не любишь, не жалеешь...

Например, одна из них называется — *язва универсальная*, или *сигаретный окурок*. По оценкам специалистов, в мире выбрасывается около семисот семидесяти миллионов килограммов окурков в год. Все эти окурки содержат до восьмисот сорока пяти тысяч тонн, не поддающегося биохимическому разложению ацетата. И в течение пятнадцати лет лежит «бычок» на земле, плавает по волнам и отравляет морских животных.

Помимо всего прочего, само производство сигарет приносит непоправимый ущерб — почти два с половиной миллиона тонн производственных отходов, в том числе двести тридцать тысяч тонн химических отходов, ежегодно выбрасываются в окружающую среду.

Другой вид язвы — *пластиковый пакет*. Ежегодно в мире изготавливают пять триллионов полиэтиленовых пакетов. Если их связать вместе, то ими можно будет обернуть Землю семь раз! И ещё примечательно то, что ни один из когда-либо сделанных таких кульков до сих пор не распался. В результате чего мы имеем мусорные острова в океане и ежедневное исчезновение различных видов птиц и животных. Десять процентов всей производственной пластмассы попадает в мировой океан, жители которого принимают его за еду. Что такое десять процентов? Наглядный пример — это Тихоокеанское мусорное пятно, площадь которого составляет примерно семьсот тысяч квадратных километров. Накопление пластика в желудках рыб и морских млекопитающих ведёт к неминуемой их гибели. На сегодняшний день новость о том, что на берег океана выкинулся очередной кит, внутри которого было обнаружено около десяти килограммов пластика, уже не шокирует нас, мы принимаем это как само собой разумеющееся.

И после всего этого мы остаёмся безнаказанными, продолжаем ходить по белому свету и дальше эксплуатировать-уродовать нашу Землю. Взять бы рупор и крикнуть в него так, чтобы до каждой несознательной души дошло: «Не бери ты пакет это целлофановый, положи всё в сумку!» Или: «Прекрати пакетик чайный использовать, там чая-то нет! Пластик, в который упакована индийская пыль, в дальнейшем «накормит кита», а потом убьёт его!»

Крик должен призвать к ответственности за чужие жизни, к осознанию того, что мы делаем... Когда человек слепо потребляет или использует навязанное производителем — это говорит о его неготовности думать о других, о том, что он не понимает истинной цели продаж. Ведь каждая такая внешне удобная, а иногда и красивая упаковка — стоит денег, а значит, приносит дополнительную прибыль производителю, который в погоне за ней совершенно не заботится ни о нашем здоровье, ни о здоровье планеты. По этому поводу Антуан де Сент-Экзюпери однажды сказал: *«Они научились делиться и хотят заменить милосердие делёжкой добычи, какой заняты и шакалы. Но милосердие — высокое чувство. А они хотят убедить нас, что делёжка и есть благо. Нет. Главное, знать, кому творишь благо. Здесь низость домогается низостей. Пьяница*

домогаются водки, ему хочется одного — пить. Конечно, можно потворствовать и болезни. Но если я озабочен здоровьем, мне приходится отсекать болезнь»⁵⁴.

А вы знаете, кому творите благо, придерживаясь одноразового образа жизни?.. На такой почве семя добродетели никогда не прорастёт, оно нуждается в чистой воде, очищенной от грязного мусора и гнилых мыслей. Важно услышать это, важно перестать потворствовать болезни.

- Сатирическим пером

Елена Кайгородова

ЭКОПРОПОВЕДНИК

— С каждым годом наша планета всё более и более погружается в бездну экологической катастрофы: она гибнет, умирая у нас на глазах и, главное, при нашем прямом и непосредственном участии в её гибели! Миллионы тонн пластика плавают рядом с нами в море, точнее, в луже нефти, в которую это море мы сами превратили! В Пекине уже давно забыли, что такое чистый воздух. Миллионы китайцев вынуждены ходить в марлевых повязках и заказывать доставку воздуха, того самого воздуха, который априори бесплатный, на дом! Однако из-за загрязнения страдает не только Китай, но и США: смог приходит в Сан-Франциско именно из Поднебесной. А Индия? Вы видели реку Ганг? Это священная река индусов. Сейчас она буквально переполнена мусором, люди вынуждены пить эту воду, а точнее коктейль из микропластика и останков людей. Да, да, бедные индусы хоронят прямо в реке своих близких. В Британии из-за нефти в реках рыбы меняют пол, на берегах Тихого океана на берег выходят черепахи, запутавшиеся в упаковке, желудки китов набиты пакетами и

⁵⁴ Антуан де Сент-Экзюпери «Цитадель»

бутылками, — вещал оратор, и его слова проникали глубоко в душу слушателей.

Под гипнотическим взглядом выступающего на какое-то мгновение все присутствующие стеснительно опустили свои глаза в пол, как будто они и вправду лично виноваты в экологической катастрофе на нашей планете. Над залом нависла гнетущая тишина. Тем более явственно и акцентировано было услышано всеми, как светловолосая девушка на втором ряду зала тихонько всхлипнула, не сводя глаз с оратора. Теперь уже глаза всех присутствующих были прикованы к нему. Он удовлетворённо и одновременно повелительно оглядел аудиторию. Невольно на его сером худом лице появилась ухмылка. Жёлтые зубы выглядывали из-под губ. Протерев блестящую лысину платком, мужчина бережно убрал его в карман пиджака и оглядел маленькими глазками зал.

Поднимая глаза к небу, как священнослужитель на проповеди в церкви, оратор, повысив голос, патетично обратился к аудитории:

— Откажитесь от одноразовых стаканов в кофейнях! Потратитесь на кип-кап: кружку, в которую вам нальют напиток, и... никакого пластика! — звучало с кафедры.

— Мам, а как-булочку-то в школе есть? Она же сразу в пакете? — тихонько шепнул белобрысый мальчик, круглые очки и бледный цвет лица которого выдавал в нём прилежного ученика-ботаника.

— Не знаю, сынок, не мешай, — не отрывая взгляда от холёного лица оратора, со сладострастным придыхом одними бледными губами, чуть раздражённо в ответ пролепетала женщина, нервно сжимающая в своих руках приготовленный на всякий случай платочек.

— Я требую, чтобы в нашем регионе открылся мусороперерабатывающий завод! — повелительно провозгласил оратор. — Это настолько прибыльная сфера, вы даже представить не можете! Столько мусора даже в этом зале! Вот организаторы поставили мне две бутылки воды... Две пластиковых бутылки! А что потом с ними будет? Выбросите в мусорку, конечно же, вместе с бумагой, железом, а там — и на свалку, где они будут разлагаться тысячи лет!

Налили бы в стакан кипячёной воды, помыли бы его и дали другим выступающим! — продолжал он с таким видом, будто именно им в эту минуту сделано величайшее открытие. — Вот вам пример того, что загрязнение происходит прямо здесь и прямо сейчас! Это не где-то в Тихом океане, а у нас же самих под носом! Так давайте же начнём с самих себя!

После этих слов он выдержал театральную паузу, а затем, понизив до хрипоты свой голос, торжественно произнёс:

— Пообещайте, что после этой лекции вы купите себе холщовую сумку для покупок и будете осознанно использовать вещи!

Зал взорвался от аплодисментов. Люди встали со своих кресел, чтобы стоя проводить экопроповедника со сцены. Крупные женщины в блестящих одеждах побежали к сцене с букетами. Те, кто не мог пробиться сквозь

толстую стену поклонниц, кидали цветы прямо через неё. Светлоокая девушка во втором ряду не могла сказать ни слова: она лишь молча стояла у кресла и яростно хлопала в ладоши, обожая тупо смотря на оратора. Он же чинно откланивался и расписывался кому в книге, кому в блокноте, а одной из пробравшихся к сцене дам даже на руке. «Теперь я её никогда мыть не буду! И память навсегда, и запасы пресной воды сохраню!» — флиртуя, сообщила она окружающим. Лектор невольно улыбнулся и подмигнул ей, но, вовремя спохватившись, продолжил раздавать автографы. Тут прямо перед его лицом появился младенец. «О, молю Вас, благословите моего сына на счастливую экологичную жизнь!» — воскликнула женщина средних лет. Оратор сперва растерялся, но, поцеловав ребёнка в лоб, проговорил низким голосом: «Живи осознанно, сын мой, и без пластика!». Мать тут же зарыдала от счастья и стала целовать мужчине руки.

...Прошло два дня. Мама ученика-ботаника забирала его из школы.

— Мам, ну так объясни, что с булочками в буфете делать? — дёрнул мальчик маму за рукав, пока та искала машину на парковке.

— Не знаю, сынок, надо подумать, — даже не взглянув на ребенка, ответила женщина. Она судорожно искала ключи от машины в новой холщовой сумке

— Ну, ты же мне обещала ещё тогда, на лекции! А так ничего и не придумала... — произнёс разочарованно малыш, отвернувшись от женщины. В это мгновение его взгляд упёрся в мужчину, который несколько дней назад предстал перед ними во время лекции в образе эколога-проповедника. Он вышел из супермаркета, находящегося недалеко от школы, и был с ног до головы (как новогодняя ёлка!) увешан разноцветными покупками.

— Мам, гляди! Это тот дядя! А почему он несёт продукты в пластиковых пакетах?!

Анастасия Стукалова

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Самолёт — великое чудо техники, с помощью которого можно очень быстро преодолеть огромное пространство. И при неудачном стечении обстоятельств он же может быть очень быстрым средством доставки большого количества людей прямиком на тот свет. Об этом знает или хотя бы догадывается каждый пассажир, восходящий по трапу на борт лайнера.

Вот пассажиры уже заняли свои места. На борту самолёта гул и суета, на фоне которых стюардесса, изощёренно жестикулируя, показывает, как правильно надевать кислородную маску и где находится воздушный жилет. Но на неё бывалые пассажиры почти не обращают

внимания: какая кислородная маска, тем более спасательный жилет для утопающих! Они как для мёртвого припарка. Если самолёт «грохнется» при взлёте или после набора высоты, все пассажиры неминуемо превратятся в кровавую лепёшку...

Далее по плану: «Поднимите до упора спинку кресла, опустите подлокотники и не вставайте с места во время взлёта и набора высоты...», — бубнят бортпроводники. А у каждого здравомыслящего человека в голове ненароком обязательно промелькнёт мысль: «Да я же, как и десятки других, включая экипаж, — потенциальный смертник!»

Погасший в салоне свет, стук шасси о взлётную полосу, звериный вой турбин, и наконец самолёт отрывается от твёрдой, милой, внушающей хоть какие-то надежды на жизнь земли. Многие в этот момент облегчённо вздыхают: взлетели, уже неплохо. При этом кто-то сохраняет спокойствие вплоть до посадки, а кто-то же остаётся в положении «на ножах» и продолжает испытывать нервные клетки своего мозга мыслительной деятельностью, тщательно представляя все возможные исходы полёта.

Когда страх за собственную жизнь достигает высшего апогея и надеяться, по факту, не на что (ведь никаких реальных средств защиты пассажиров и экипажа от внештатных ситуаций нет!), люди прибегают к вере. Да-да, многим знакомы это отчаянное мысленное, произвольное идущее из глубин нашего подсознания обращение «Господи, помоги!», когда самолёт попадает в зону турбулентности.

Возможно, для кого-то вера — и впрямь единственный способ обретения душевного спокойствия на борту лайнера. Более того, в этот

момент человек значительно ближе, образно говоря, к Небесам, до которых он так жаждет достучаться в своей молитве. Это отнюдь не пустые слова, на борту всегда найдётся человек, тихо шепчущий что-то себе под нос и вырисовывающий рукой крестообразные движения в воздухе. Для глубоко верующих во многих аэропортах даже разместили приходы - часовенки, в которых можно поставить перед полётом свечку за здоровье. А что ещё остаётся?

Следующий этап воздушного путешествия — снижение высоты. Это когда ты уже практически на финишной прямой, но вероятность того, споткнёшься ты или нет, рассчитана каким-то сумасшедшим математиком, который время от времени вершит судьбами, что нам со стороны кажется случайностью.

Нередко, не обязательно во время посадки, можно в салоне самолёта наблюдать такого мужчину, как правило, в запачканной жиром рубашке, который громко рассказывает своим соседям (в радиусе одного кресла от него) о том, что «чему быть, того не миновать», так как всеми жизнями жалких людишек распоряжается кто-то из соседней галактики. Обычно такого рода рассказ подкрепляется размашистой жестикуляцией и пьяным заиканием не менее трёх раз в одном предложении.

Не трудно догадаться, что этот пассажир находится где-то за пределами адекватного миропонимания под действием какого-нибудь очень крепкого алкогольного напитка. А это, между прочим, не просто пьяный кураж, а ещё один метод успокоения души и погружения себя в недоступное, сочинённое и учинённое самим человеком антистрессовое пространство. Я всегда внимательно (чисто из женского любопытства!) изучаю пассажиров на предмет принятия или непринятия перед полётом «живительного» напитка. Мои наблюдения показали, что большинство из них ведут себя более благоразумно — не подают вида, а безмятежно прихрапывают, находясь в состоянии сладкого дремотного умиротворения.

И вот раздаётся долгожданное: «Уважаемые пассажиры, наш самолёт совершил посадку в аэропорту города Москва» и т. д., и т. п.

Типичные герои послепосадочной чехарды: женщины с хныкающими детьми на руках, у которых в огненно-миндальных глазах просматривается ещё не затухнувшая до конца тревога; молодой, спортивного вида парень, у которого активно звенит телефон; шумная компания где-то в хвосте лайнера, которая, не обращая внимания на просьбу командира экипажа оставаться на месте, весело подскакивает из своих кресел, роняет друг на друга багаж, спеша хоть на мгновение раньше покинуть громадное брюхо самолёта, в утробе которого приходилось находиться несколько часов, надеясь только на русский авось.

Все пассажиры счастливы, потому что небо встретило и проводило их без несчастий. Они жаждут ступить на твёрдую землю, вдохнуть полной грудью и наконец понять, что в этот раз русская рулетка, слава Богу, сработала вхолостую.

Р. S. От редакции. Наблюдения автора зарисовки хорошо знакомы любому авиапассажиру. Как и его дальнейшие возможные размышления: «Какого чёрта человечество так озабочено убийством друг друга, тратит невероятно большое количество различных ресурсов для изобретения орудий убийства и упорно не хочет подумать об изобретении реальных массовых средств безопасности человека во время полёта. Всё это выглядит так, как будто убийство (пусть и случайное, но всё же убийство!) нескольких десятков тысяч людей в год кем-то запланировано и вполне этого кого-то устраивает. Особенно явственно это проявляется на фоне того, что в тех же военных самолётах такие средства уже есть в виде катапульты и парашюта».

•
Памфлет
•

Александр Гаврилов

ЛЕБЕДЬ, РАК И ЩУКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил в красном уголке такой же красный рак. Он упорно работал, строил домики и выезжал представлять своё царство на лесном вече. Шёл к своим целям, честно говоря, тихой сапой, при этом главным направлением его движения было поползновение назад. И вот в один прекрасный момент, как по щучьему велению, а точнее, по настырности лесного народа, сам того не ожидая, стал он генералом одной лесной волости.

Центром той волости управляла щука. Прямолинейная и скверная. Оттого что заплывать любила не только в свои городские озерки-скверы, но и в далёкие заливы лесной волости, на которые её власть не распространялась. Она ненавидела рака и вообще всё красное, во-первых, потому, что была политическая аллергия на этот цвет, а во-вторых, главным образом потому, чин генеральский достался раку благодаря совсем другому звериному сообществу. Эта нелюбовь была взаимной: новоявленный генерал также не любил щуку, хотя, надо признать, делала она для центра водной волости много полезного и

своевременного. Но её щучьи амбиции и желание стать новым генералом нравились не всем. Кроме того, дятлы и сороки — журналисты, надо полагать, не без ведома щуки, стали бегать за ней как сумасшедшие. Некоторые даже безумно влюблялись в неё, понимая, что лучше держаться ближе к тем, кто, в широком смысле этого слова, у власти сейчас.

Главное, что по всем волнам, речным и эфирным, о подвигах щуки говорили. Приплывёт она в один край — все электронные ящики об этом только и вещают. Уплывёт щука, борзописцы уйдут вслед за ней. Но писаки, восхваляя её подвиги, любили пересиропить. Они такую делали ей восхвалительную политическую рекламу, что ни одному зверюге в ближайших околотках, кроме, конечно, хозяина тайги — медведя, она просто не снилось. И в ящике, и в макулатуре, и в громкоговорителе щуки было настолько много, что, одна часть лесные жители, только из-за одного этого, уже мечтали о новом градоначальнике. А для другой части, настолько эти небылицы были в кайф, что они честно в щуку влюблялись. Рассказни о щуке забили в макулатуре все чердаки и подвалы. Да что там! Все «бегушки» в местных ящиках были о ней и про неё!

Однажды прилетел в это сказочное царство белый, но невзрачный лебедь. С тонкошёрстым лицом. Это был уже не первый его визит в эти края. В своё время помогал он другому генералу. А потом и вовсе пробовал быть им. Но самостоятельно руководить ни лесными, ни водными волостями он не мог. Летал он на юг, на север. И всё-таки причалил к нашим восточным землям. Сам он был с жарких мест и птицей считался перелётной. Не очень-то живности всякого чину и рода, населявшей волость, верилось, что в этих местах он приживётся и станет своим. Ой, не любят в той волости залётных, какого бы они цвета и породы ни были! Как правило, не задерживались подобные персоны в этих краях. Это было правило, которое неожиданно подтвердило исключение в виде лебедя, возглавившего, как говорится в сказках, в один прекрасный день лесное вече.

И вот взялись они нести втроём ношу непосильную. Тот самый случай, когда один бы справился, а вот втроём — никак. Стали происходить в лесной волости события, которые проверили на прочность их странный, принудительный союз.

Всё шло по установленному в некотором государстве плану, да вот беда — не в ту сторону! Был при генерале бобёр-министр. Не самый заметный, но и не самый невзрачный. Спасал он леса в волости и до того их доспасал, что стало деревьев в том лесу гораздо меньше. Слух пошёл, что бобёр-то вор! И дошёл этот слух до медведя, который в ту пору возглавлял некоторое царство. Послал он в лесную волость своё контролирующее зверьё. Задержали бобра, начали дело шить. И не смог упёртый рак спасти своего министра, только всё воздух ртом молча

хватал, как рыба, выброшенная на берег, краснел да глаза пучил в присутствии медвежьих посланников.

Ещё не закончили разбираться с министром — пришла беда. Волость тонуть и гореть начала. Пошёл рак, как мог, то есть медленно, спасать вверенную ему вотчину. Да вот напасть! Щука и лебедь науськали своих дятлов и сорок на него, которые стали делать репортажи, очень напоминающие по форме публичные доносы венценосному медведю. Их читали, смотрели, слушали все жители лесной волости и стали говорить, мол, генерал не справляется ни со стихией, ни со щукой, ни с лебедем, ни даже сам с собой...

Доведённый до отчаяния рак-генерал не нашёл ничего лучшего, как переключится на борьбу со своими политическими врагами, которые только мешали, по его мнению, тащить ему свой воз, то есть волость.

Лебедь, как и положено желающему занять место генерала, стал по волости ездить. И приговаривать, как плохо живёт народ при этой власти. Тут же в каждой чёрной макулатуре были свои дятлы и сороки, которые имели свойство переобуваться каждые полгода. Всё зависело от того, какое дупло заплатит.

Попал рак после затопления волости в трудную ситуацию. Припомнили ему и заморские путешествия, и любовь к охоте (законной, кстати), и старые дела его сына, и досталось его заму крабу (поговаривают, у того в тридевятом царстве своё мини-государство). Стали думать-гадать: когда уволят рака. Каждый месяц увольняют, увольняют да не могут уволить. Всё нет у них ничего. Особенно бабры с соболем ситуацией воспользовались. В общем вся жёлтая макулатура очернила рака-генерала. Но, скажем, держится дядька молодцом.

Отметим лишь то, что многие градоначальники генерала поддержали. Лишь щука с лебедем всё зубоскалили в адрес главного. Эх, не любят у нас главных. Только за то, что они главные...

Не отставала от лебедея и щука, которая тоже всегда метила занять кресло генерала.

Такой поднялся шум по всей ивановской: лебедь гоготал во всё горло, щука так била хвостом по воде, что у зверья создавалось порой впечатление, будто по их волости наносятся воздушные и наземные бомбовые удары. Испуганное зверье металось по охваченной пожарами и затопленной местности, до царя-батюшки слухи дошли, что вымирают жители.

Каждый всё думал, что за беда? С одной стороны - тонем, с другой - горим. Царь-батюшка, который всё делал сам, а придворных на должностях, как на привязи, держал. Для вида. Приехал. Проблемы сам решал. И люди поняли одно: спасёт их только царь. Просто царь. Барским решением, думали они, оставит рака. И поставит генералом своего человека. Ведь однажды было дело, ставил он у власти в волости друга своего — зайца. Зверёк тот в своё время его связывал с дятлами и

соловьями. Те, в свою очередь, вещали про дела его барские. Зайца того, кстати, сейчас в волости любят и помнят словом добрым. Сделал он добро. Но всё хорошее имеет свойство становиться прошлым. Вот и с тех пор мало что хорошего было после ухода зайца.

Но царь-то прибыл. Рака отчитал и снова уехал. А дальше все самостоятельно решалось. Точнее люди решали сами, но, как, не знали. И... ничего решить-то сами не могли.

Волость тонула, горела, люди голодали, и денег ни на что не хватало. Рак, видимо, сам уже пожалел, что цели своей достиг и стал генералом. Щука всё туда метила, не понимая упорно, что надоела всем. А лебедь... лебедь так же ошибался, как когда-то рак. Не понимал тот, что все эти пакости исподтишка рано или поздно и до него дойдут.

Пока позиции одной падали, другие думали их занять, а народу было нелегко. Одна часть волости тонула, другая горела, но никто её не спасал. А сами звери, птицы и рыбы проблемы решать не хотели, они только возмущались.

Время шло. Срок правления генерала волости стал подходить к концу. Перемены стали казаться неизбежными. Правда, сами наши герои явно менять ничего не хотят — им некогда помогать людям! Они заняты войнушкой, в которую играют друг с другом! А сами лесные жители волости, понятное дело, хотят перемен. И почему-то это неудивительно... Особенно, когда глядишь на таких лебедей, раков и щук, создающих усиленно лишь вид, что они тянут воз социальных и экономических проблем, не только в данной лесной волости, но и во всём некотором государстве. А воз этот (вот уже 28 лет!) из-за того, что между ними нет согласия, как говорится, и ныне там...

9 ноября 2019 года

Краткие сведения об авторах

Амосова Надежда (Амосова Надежда Валерьяновна) — студентка четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Байборodin Анатолий (Байборodin Анатолий Григорьевич) – член Союза писателей России, автор многочисленных художественных и художественно-публицистических книг, среди них: «Диво. Сибирские байки, сказы, рассказы» (2001), «Утоли мои печали. Романы, повести, рассказы» (2006), «Не родит сокола сова. Роман, повесть» (2011), «Озёрное чудо» (2013) и др. Его произведения публиковались в Германии, Франции, Чехословакии.

Лауреат Всероссийских престижных литературных конкурсов и специальных премий: за вклад в развитие и сохранение русской культуры: «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999), литературного конкурса имени Василия Шукшина (1999), «Большой литературной премии России» (2007), Третьего международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого (2009); областных – имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), губернатора Иркутской области (2002, 2011, 2012), премии «Басткон» 2012 «Карамзинский крест» — за произведение «Не родит сокола сова» (2012),¹Национальной литературная премия им. В. Г. Распутина (2018).

В последние десятилетия возглавлял издательство «Иркутский писатель», работал главным редактором альманаха народов Восточной Сибири «Созвездие дружбы», журнала «Иркутский Кремль», альманаха «Сибирь».

Бельская Ольга (Бельская Ольга Борисовна) имеет 40-летний преподавательский стаж. Родилась в Ленинграде, но большую часть своей жизни проживает в Иркутске. Образование высшее архитектурное и искусствоведческое. За научно-педагогические заслуги О. Б. Бельская награждена юбилейной медалью «В память 350-летия Иркутска» (знаком общественного поощрения Иркутской области) и Почётной грамотой Министерства образования и науки РФ. На данном этапе, несмотря на официальный статус пенсионера, читает лекции слушателям Высшей Народной школы и преподаёт в МК академии «Шаг». Девиз по жизни позаимствован у Конфуция: «Займись тем, что тебе нравится, и ты не будешь работать ни дня в своей жизни».

Борисенко Алина (Борисенко Алина Дмитриевна) — студентка четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Бронников Артемий (Бронников Артемий Андреевич) — студент четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Волгушева Мария (Волгушева Мария Игоревна) — студентка четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Васильева Маргарита (Васильева Маргарита Владимировна) — студентка четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Гаврилов Александр (Гаврилов Александр Павлович) — студент четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Гордина Ольга (Гордина Ольга Васильевна) – кандидат педагогических наук, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, научное звание - доцент, доцент кафедры социальной педагогики и

психологии ПИ «ИГУ», народный просветитель, руководитель Высшей народной школы г. Иркутска.

Автор более ста научных публикаций, в т. ч. монографий «Социокультурная деятельность школы малого города» (2003 г.), «Высшие народные школы в образовательном пространстве России» (2009 г.), «Информальное и неформальное образование взрослых: вопросы практики и теории» (2010 г.), «Народная школа: ретроспектива, экстраполяция в современное социальное пространство Сибири» (2014 г.), и учебно-методических пособий «Социальная педагогика» (2006 г.), «Интерактивные методы в обучении социального педагога» (2005 г.), «Школа социокультурного творчества» (2006 г.), «Педагогические стратегии формирования социального капитала личности» (2016 г.), «Социально-педагогическое сопровождение детей-сирот в интернатный и постинтернатный период» (2018 г.) и др.

Имеет многолетний опыт работы в сфере неформального и информального образования взрослых, детей и подростков. В разные времена организовывала и возглавляла в городе Усолье-Сибирском: клуб творческой молодёжи «Вдохновение» (1983-1989 гг.), клуб интересных встреч при МЖК «Энтус» (1989-1991 гг.); арт-студию «207» в гимназии №1 (1989-2000 гг.), региональный фестиваль авторов и исполнителей самодельной песни «БАРД-ак» (1991, 1997-2005 гг.).

Гордин Александр (Гордин Александр Иннокентьевич) — кандидат педагогических наук, научное звание — доцент, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ и кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИГУ, член Союза журналистов России (с 2000 года), автор более 90 научных публикаций, в том числе 7 монографий и 8 учебно-методических пособий.

Автор шести сборников стихов «Скрипка дерева» (2007), «Ночной приют странников» (2007), «Язык шершавый сумрака» (2009), «Голос ослепшей птицы» (2011), «Предчувствие» (2015), «Уроки поэзии» (2018), брошюры «Восхождение» (2005) о творчестве Марины Цветаевой; сборника рассказов, баек, афоризмов и стихов «Сибирский валенок» (2013); повести (поэмы) «Незнаемое поле» (2018), а также нескольких сотен научно-популярных литературоведческих эссе, художественно-публицистических статей на разные темы, опубликованных в различных газетах и журналах Иркутской области и Новосибирска в период с 1985 по 2019 год. Издатель сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» (2000-2003 гг.). Главный редактор общественно-литературной газеты «Народное обозрение» (2007-2012 гг.). Главный редактор художественно-публицистического альманаха «Родные берега» (2014-2019 гг.), научно-популярного и художественно-публицистического альманаха «Народное обозрение» (2014-2019 гг.).

Лауреат премии общественно фонда «Творческая интеллигенция — школе» Всероссийских педагогических чтений, посвящённых 100-летию М. И. Цветаевой (г. Москва, 1993 г.). Лауреат в составе редакции сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» Всероссийского фестиваля прессы (г. Москва, 2002 г.) и победитель межрегионального конкурса журналистского мастерства «Сибирь – территория надежд» (г. Новосибирск, 2003 г.). Руководитель литературного клуба ВНШ. Член совета директоров ВНШ.

Давыдов Игорь (Давыдов Игорь Валентинович) — слушатель ВНШ. Пожелал сообщить о себе следующую информацию: «В настоящее время неработающий пенсионер. Родился в 1958 году в Алтайском крае на станции Кулунда в семье геологов. После окончания учёбы в 9-й школе города Иркутска и факультета охотоведения ИСХИ работал в охотничьих хозяйствах и заповедниках в Хабаровском крае, Магаданской области, Якутии, Бурятии, Иркутской области. С

2013 года вышел на пенсию. Путешествую по России и сопредельным странам, рыбачу, собираю дикоросы, выращиваю клубнику, воспитываю жену, внучку, лошадь и собаку, читаю газеты начала прошлого века и посещаю народную школу».

Заводский Василий (Заводский Василий Евгеньевич) — студент четвертого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Захарян Сергей (Захарян Сергей Амбарцумович) — кандидат филологических наук, известен в Иркутске и далеко за его пределами как театральный критик и преподаватель зарубежной литературы в иркутских вузах, а также в Высшей народной школе г. Иркутска, в которой вёл несколько лет образовательную программу «Пойдём в театр».

Кара-Мурза Сергей (Кара-Мурза Сергей Георгиевич) — советский и российский учёный (по образованию химик). Родился 23 января 1939 г. в Москве. С 1968 года занимался методологией науки, а потом системным анализом. Доктор химических наук, профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, социолог, политолог и публицист. Является сторонником «советского проекта». Член Союза писателей России. Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Член экспертного совета «Политического журнала». Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники. Область научных интересов: исследование кризисов, науковедение. Работа С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация» включена издательствами «Алгоритм» и «Эксмо» в книжную серию «Классика русской мысли». Работа С. Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» включается в учебные курсы некоторых российских вузов по социологии.

Кайгородова Елена (Кайгородова Елена Дмитриевна) — студентка четвертого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Кузьмин Николай - внештатный корреспондент и член общественной приёмной газеты «Ленинский Путь» г. Усолье-Сибирское, занимался в литературном объединении этой газеты на протяжении 70-80-ых годов. Рассказы и статьи этого автора публиковались в газетах: «Знамя Труда», «Ленинский Путь», «Свеча», «Александровский Централ», «Усольская городская газета» и др.

Кухтачёва Валерия — студентка четвертого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Мальцева Татьяна (Мальцева Татьяна Владимировна) — студентка четвертого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Майоров Никита (Майоров Никита Алексеевич) — студент четвертого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Неизвестная Алёна — псевдоним автора, точное имя фамилия и отчество не установлено, но рассказы самодеятельной писательницы публиковались в газетах г. Усолье-Сибирское: «Ленинский Путь», «Свеча», «Усольская городская газета».

Новолоцкий Сергей (Новолоцкий Сергей Алексеевич) — студент четвертого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Петухова Мария (Петухова Мария Владимировна) — студентка четвертого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Семёнов Захар (Семёнов Захар Владимирович) — студент четвертого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Скороходов Павел (Скороходов Павел Михайлович) Автор пожелал о себе сообщить следующие сведения: «По образованию — техник-электрик. По жизни — журналист, шоумен, теле- и радиоведущий, бард... Родился 12 августа 1967 года в Новосибирске. В конце 70-х годов вместе с мамой переехал в Ангарск. В авторской песне с 1986 года». Пишет песни на свои стихи и стихи сибирских авторов. Отдельная тема: шуточные песни. С 1990 года — постоянный участник, гость, лауреат и дипломант различных фестивалей авторской песни. Официально на пенсии. Но до сих пор работает журналистом и ведущим различных мероприятий.

Стружилин Олег – самодеятельный автор г.Усолжье-Сибирское, его рассказы и статьи публиковались в газетах «Ленинский путь», «Свеча».

Стукалова Анастасия (Стукалова Анастасия Ивановна) — студентка четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Темников Иннокентий (Темников Иннокентий Львович) – учитель высшей категории, служащий МЧС России, проживает в г. Слюдянке Иркутской области. Автор нескольких десятков рассказов, которые были опубликованы в альманахах «Народное обозрение» и «Родные берега». Его рассказы, повести и романы так же публикуются в «Прозе.ру».

Торопова Юлия (Торопова Юлия Михайловна) — студентка четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Хмелёва Наталья (Хмелёва Наталья Вячеславовна) — студентка четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Цимбалист Ирина (Цимбалист Ирина Евгеньевна) — студентка четвёртого курса факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

Шикueva Виктория (Шикueva Виктория Радионовна) — магистрант факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета.

**Научно-популярный
Художественно-публицистический альманах
НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ -
правопреемник сибирской литературной народной газеты
«Александровский Центра» (2001-2003 гг.)**

**Компьютерная вёрстка — Александр Гордин
Рисунки: Геннадия Кузьмина, Юлия Скорнякова, Александра
Бондаровича
Дизайн обложки — Владимир Луць**

**Подписано в печать 19.02.2021. Формат 72X104 1/16
Бумага мелованная 90 г/м. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,76. Тираж 100 экз. Заказ №130.**

**Изготовлено в ООО Типография «Иркут»,
г. Иркутск, ул. Новаторов, 3, тел.:48-17-53,
ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел.: 203-523.**

